

УИЛБУР СМИТ

МУССОН

Роман

На редкость
впечатляющий роман.

*New York
Times*

Кортни

Уилбур Смит

Муссон

«Азбука-Аттикус»

1999

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

Смит У.

Муссон / У. Смит — «Азбука-Аттикус», 1999 — (Кортни)

ISBN 978-5-389-18253-0

Начало XVIII века. Могущественная Ост-Индская торговая компания несет катастрофические потери из-за пиратских грабежей. Найти и уничтожить предводителя пиратов предстоит отважному капитану Хэлу Кортни, который выходит в море вместе с младшими сыновьями. Возможно, это будет последнее путешествие Кортни, но опасности не пугают его. Он готов к славе или к смерти ради империи и короны... Продолжение эпопеи о неукротимых Кортни, чей девиз гласит: «Я выдержу». Роман издается в новом, полном переводе.

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

ISBN 978-5-389-18253-0

© Смит У., 1999
© Азбука-Аттикус, 1999

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

129

Уилбур Смит

Муссон

Посвящаю эту книгу моей жене Даниэль Антуанетте, чья любовь в течение долгих лет служила мне постоянным попутным ветром и компасом, определявшим направление моей жизни

© Т. В. Голубева, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Трое мальчиков осторожно пробирались через овраг за часовней, стараясь, чтобы никто не увидел ни из большого дома, ни из конюшен. Том, старший, шел впереди, как обычно, при этом самый младший брат буквально наступал ему на пятки. Едва Том остановился там, где ручей делал первый поворот к деревне, младший, словно того и ждал, немедленно возобновил спор:

– Ну почему я всегда должен обтирать углы и болтаться в стороне, а, Том? Почему мне нельзя тоже поразвлечься?

– Потому что ты самый мелкий, – ответил Том с надменной властью.

Он окинул взглядом маленькую деревушку, которая теперь открывалась перед ними снизу; братья уже поднялись по склону оврага.

Над деревенской кузницей вился дым, за домиком вдовы Эванс трепыхалось на ветру белье, но людей Том нигде не видел. В такое время большинство мужчин обычно работали на полях его отца, потому что полным ходом шла уборка урожая, а женщины, которые не помогали им, трудились в большом доме.

Том довольно усмехнулся в предвкушении:

– Никто нас не заметил.

А значит, никто не донесет их отцу.

– Это нечестно! – опять начал младший.

Дориана никак не удавалось отвлечь от важной для него темы. Его медно-золотые локоны упали ему на лоб, сделав мальчика похожим на сердитого херувима.

– Ты мне никогда ничего не позволяешь!

– А кто на прошлой неделе разрешил тебе запустить сокола? Я! – обернулся к нему Том. – Кто тебе позволил вчера выстрелить из мушкета? Я. Кто дал держать руль лодки?

– Да, но...

– И никаких «но»! – Том бросил на брата сердитый взгляд. – В конце концов, кто капитан этой команды?

– Ты, Том... – Дориан опустил зеленые глаза, прячась от гнева старшего брата. – И все-таки...

– Можешь пойти с Томом вместо меня, если хочешь, – впервые негромко заговорил Гай. – А я могу постоять на страже.

Том сердито повернулся к младшему близнецу.

А Дориан воскликнул:

– Правда, Гай? В самом деле?

Он улыбнулся, и тут его красота сверкнула во всю силу, как прорвавшийся сквозь облака солнечный луч.

– Нет, неправда! – резко перебил его Том. – Дорри еще малыш. Он не может пойти. Он останется на крыше и будет нести вахту.

– Я не малыш! – яростно запротестовал Дориан. – Мне почти одиннадцать!

– Если ты не малыш, покажи нам свои волосы внизу, – насмешливо произнес Том.

С тех пор как у него самого появились волоски в нижней части живота, он просто надувался от важности.

Дориан не ответил на его слова; он сам еще не мог похвалиться даже пушком в нужном месте, нечего и пытаться сравнить с внушительным кустом старшего брата.

Он зашел с другой стороны:

– Я просто посмотрю, и все!

– Да, посмотришь с крыши.

Резкий тон старшего положил конец спору.

– Пошли! А то опоздаем.

Том стал быстро подниматься по последней части склона.

Двое братьев последовали за ним не слишком охотно.

– Да кто сюда может забрести? – продолжил настаивать Дориан. – Все ведь работают! И нам бы следовало помогать.

– Черный Билли может заявиться, – ответил Том, не оглядываясь.

Это имя заставило умолкнуть даже Дориана.

Черный Билли. Старший из сыновей Кортни. Его мать, эфиопскую принцессу, сэр Хэл Кортни привез с собой из Африки, когда возвращался из своего первого путешествия к этому таинственному континенту.

Невеста королевской крови и полный корабль сокровищ, отбитых у голландцев и у язычников, представляли собой огромное состояние, с помощью которого их отец более чем удвоил земли своего древнего поместья, вследствие чего их семья стала богатейшей во всем Девоне, превзойдя даже Гренвилей.

Уильяму Кортни, или Черному Билли для своих младших единокровных братьев, было уже почти двадцать четыре года – на семь лет больше, чем близнецам. Он обладал умом, красотой и беспощадностью, походя на темного волка, и младшие братья боялись и ненавидели его, на что у них имелись причины. Один только звук его имени заставил Дориана вздрогнуть, и последние полмили они прошли молча. Наконец они выбрались наверх. Отдалившись от ручья, остановились под большим дубом, где прошлой весной устроил гнездо полевой лунь.

Том хлопнулся на землю под деревом, чтобы перевести дух.

– Если ветер продержится, мы сможем утром пойти под парусом, – заявил он, снимая шляпу и рукавом отирая вспотевший лоб.

Шляпу украшало маховое перо из крыла дикой утки – эта птица стала первой добычей его собственного сокола.

Том огляделся вокруг. С такой высоты взору открывалась почти половина владений Кортни – пятнадцать тысяч акров невысоких холмов и долин, лесов, пастбищ и пшеничных полей, которые протянулись до самых береговых утесов и почти достигали окрестностей порта. Все это представляло настолько знакомую для Тома картину, что его глаза ни на чем не задержались.

– Пойду вперед, проверю, как там обстоят дела, – сказал он, вставая.

Низко пригибаясь, Том осторожно направился к каменной стене, окружавшей церковь.

У стены он поднял голову и заглянул на другую сторону.

Эту церковь построил их великий предок сэр Чарльз, который завоевал рыцарское звание на службе доброй королевы Бесс. Будучи одним из капитанов, он с исключительной храбростью сражался против армады Филиппа Испанского. Более ста лет назад сэр Чарльз построил эту церковь во славу Божию и в память о победе флота у Кале. Тогда множество испанских галеонов, пылая, выбросились на берег, а остальных раскидали шторма, которые вице-адмирал Дрейк назвал Божьими Ветрами.

Церковь представляла собой красивое восьмиугольное здание из серого камня, с высоким шпилем, который в ясные дни можно было увидеть даже из Плимута, что находился в пятнадцати милях отсюда.

Том легко перелез через стену, затем прокрался по фруктовому саду к обитой железом дубовой двери ризницы. Чуть-чуть приоткрыв ее, он внимательно прислушался. Внутри царил тишина.

Осторожно войдя внутрь, Том приблизился к двери, что вела в неф.

Пока он всматривался туда, сквозь высокое витражное окно ворвался луч солнца, похожий на радугу. И ярко загорелись краски на картине, висевшей над алтарем; полотно изображало морскую битву англичан с испанцами – сверху из облаков сам Господь одобрительно наблюдал за тем, как пылают испанские галеоны.

Картины над главным входом добавил уже отец Тома. На этот раз разбитыми врагами являлись голландцы и орды мусульман, а над битвой гордо возвышался сам сэр Хэл, героически вскинув меч; рядом с ним стояла его эфиопская принцесса.

Оба они были в латах, а на их щитах сияли кресты ордена Святого Георгия и Священного Грааля.

В этот день неф был пуст. Венчание Черного Билли ожидалось в следующую субботу, и подготовка к нему еще не началась. Церковь оказалась в полном распоряжении Тома. Он быстро вернулся к двери ризницы и, высунувшись наружу, приложил к губам два пальца и резко свистнул. И почти мгновенно два его брата перебрались через внешнюю стену и подбежали к нему.

– Дорри, на башню! – приказал Том, а когда ему показалось, что младший снова собирается возражать, он угрожающе шагнул к братишке.

Дориан насупился, но исчез на уходящей вверх лестнице.

– Она уже пришла? – спросил Гай с легким беспокойством в голосе.

– Пока нет. Да еще и рано.

Том прошел к темной каменной лестнице, что вела в подземный склеп. Спустившись по ней, расстегнул пряжку на кожаной сумке, что висела у него на поясе рядом с кинжалом в ножнах. Достав большой железный ключ, который он позаимствовал в отцовском кабинете этим утром, Том отпер решетчатую дверь и распахнул ее; петли двери скрипнули.

Том без малейших колебаний вошел в подземелье, где в каменных саркофагах лежало множество его предков. Гай далеко не так уверенно последовал за ним. Присутствие мертвых всегда вызвало в нем тревогу. И он помедлил у входа в склеп.

Здесь на уровне земли имелись окна, сквозь которые сочился зловещий свет; другого освещения не было.

Вдоль круглых стен склепа выстроились шестнадцать каменных и мраморных гробов. В них лежали Кортни и их супруги со времен прапрадеда Чарльза. Гай инстинктивно посмотрел на мраморный гроб, в котором хранились земные останки его собственной матери, – он стоял в центре ряда из гробов трех покойных жен его отца. На крышке ее гроба имелся резной портрет женщины, и Гай подумал, что она невероятно прекрасна и похожа на нежную лилию. Гай не знал матери, ему не довелось испытать молока из ее груди: длившиеся трое суток роды оказались смертельными для этого хрупкого создания. Она умерла от потери крови и изнеможения уже через несколько часов после того, как Гай издал свой первый младенческий крик. Мальчиков растили сначала няни, а потом мачеха, ставшая матерью Дориана.

Гай подошел к мраморному гробу и преклонил перед ним колени.

Он прочитал надпись, оказавшуюся прямо перед ним: «В этом вместилище лежит Маргарет Кортни, возлюбленная вторая жена сэра Генри Кортни, мать Томаса и Гая, покинувшая сей мир 2 мая 1673 года от Рождества Христова».

Склонив голову и закрыв глаза, Гай стал молиться.

– Она все равно тебя не слышит, – мягко произнес Том.

– Нет, слышит, – возразил Гай, не поднимая головы и не открывая глаз.

Тому стало скучно, и он двинулся вдоль ряда гробов. Справа от его матери лежала мать Дориана, последняя жена их отца. Всего три года назад одномачтовое судно, на котором они плыли, перевернулось у входа в залив, и ее унесло в море. Течение оказалось мощным, и, несмотря на все усилия Хэла спасти свою жену, оно утащило вместе с ней и его самого. Их выбросило на голый берег в пяти милях от места крушения, и к этому времени Элизабет была уже мертва, а Хэл едва жив.

Том почувствовал, как в его глазах закипают слезы, потому что он любил Элизабет, насколько хватало сил в его сердце. Он кашлянул и провел рукой по глазам, не желая, чтобы Гай заметил его детскую слабость.

Хотя Хэл женился на Элизабет прежде всего для того, чтобы у осиротевших близнецов появилась мать, они очень скоро полюбили ее, а потом полюбили и Дориана, стоило ему появиться на свет. Вот только Черного Билли они не любили.

А сам Уильям Кортни не любил никого, кроме отца, и ревновал его ко всем с яростью пантеры. Элизабет защищала младших мальчиков от его мстительного внимания, пока море не забрало ее у них, оставив в одиночестве.

– Ты не должна была нас покидать, – тихонько сказал ей Том. И тут же виновато оглянулся на Гая.

Но Гай, погруженный в молитву, его не услышал, и Том отошел к другому гробу, рядом с гробом его родной матери.

Здесь покоилась Юдифь, эфиопская принцесса, мать Черного Билли. Мраморная фигура на крышке изображала красивую женщину с резкими, почти ястребиными чертами, которые унаследовал ее сын. Она была изображена в полукольчуге, что и полагалось тому, кто командовал сражавшейся с язычниками армией. На поясе у нее висел меч, на груди лежал шлем, а рядом – щит, украшенный коптским крестом, символом, существовавшим еще до римской власти над христианами.

Голова принцессы была непокрыта, пышные волнистые волосы напоминали корону.

Том смотрел на скульптуру на крышке гроба, чувствуя, как в его груди сильнее вскипает ненависть к ее сыну.

– Лошади следовало сбросить тебя раньше, чем ты выносила свое отродье! – На этот раз Том говорил вслух.

Гай встал и подошел к нему.

– Не к добру говорить такое умершим, – предостерег он брата.

Том пожал плечами:

– Теперь она ничего не может мне сделать.

Гай взял его за руку и отвел к следующему саркофагу в том же ряду. Оба брата знали, что он пуст.

И его крышка не была запечатана.

– «Сэр Фрэнсис Кортни, родился шестого января тысяча шестьсот шестнадцатого года в графстве Девон. Рыцарь ордена Подвязки и ордена Святого Георгия и Священного Грааля. Рыцарь-навигатор и моряк. Исследователь и воин. Отец Генри, доблестного джентльмена, – вслух прочитал надпись Гай. – Несправедливо обвинен в пиратстве трусливыми голландскими поселенцами мыса Доброй Надежды и самым жестоким образом казнен ими пятнадцатого июля тысяча шестьсот шестьдесят восьмого года. Хотя его смертные останки лежат на далеком и диком африканском берегу, память о нем всегда живет в сердце его сына, Генри Кортни, и в сердцах всех храбрых и преданных моряков, что ходили по океанам под его командой».

– Как отец мог поставить здесь пустой гроб? – пробормотал Том.

– Думаю, это потому, что он намерен когда-нибудь привезти сюда тело деда, – ответил Гай.

Том бросил на него короткий косой взгляд:

– Он тебе говорил это?

У него вызвало ревность то, что брату могли сказать что-то такое, чего не говорили ему, старшему. Все мальчики боготворили своего отца.

– Нет, не говорил, – качнул головой Гай. – Но я бы сделал именно это для своего отца.

Сразу потеряв интерес к разговору, Том вышел на середину подземелья. Здесь на полу был выложен мрамором и гранитом множества разных цветов таинственный круглый рисунок. По четырем сторонам круга стояли бронзовые чаши, которые должны были содержать в себе древние элементы огня и земли, воздуха и воды, когда в полнолуние во время летнего солнцестояния собирались рыцари ордена Святого Георгия и Священного Грааля. Сэр Генри Кортни был рыцарем-навигатором этого ордена, как и его отец и дед до него.

В центре сводчатого потолка подземелья находилось отверстие, открывавшееся прямо в небо. Крипта на самом деле располагалась не прямо под часовней, а сбоку от нее, и была выстроена так, чтобы через это отверстие лучи полной луны падали прямо на каменный рисунок на полу, под ногами Тома, – прямо на выложенный черным мрамором легендарный девиз ордена: «In Arcadia habito» – «Я пребываю в Аркадии».

Но ни один из мальчиков еще не был до конца посвящен в глубинный смысл всех геральдических тонкостей.

Том, встав на черные готические буквы, положил руку на сердце и начал произносить слова, которые однажды ему придется произнести при вступлении в орден:

– В это я верую, и это я буду защищать всей моей жизнью. Я верую в единство Господа в трех лицах, в вечных Отца, Сына и Святого Духа.

– Аминь! – негромко воскликнул Гай.

Оба они уже старательно изучали катехизис ордена, и их сердца пылко отзывались на него.

– Верую в причастие английской Церкви и в божественное право ее представителя на земле Вильгельма Третьего, короля Англии, Шотландии и Ирландии, защитника веры.

– Аминь!

Гай повторял слова за братом. Однажды они оба будут призваны, чтобы вступить в этот прославленный орден, и будут стоять в лучах полной луны и искренне приносить свои клятвы.

– Я буду поддерживать английскую Церковь. Я буду противостоять врагам моего божественного суверена Вильгельма... – продолжал Том голосом, в котором уже почти не слышалось ничего детского.

Но он сразу умолк, когда сквозь отверстие в крыше над его головой до них донесся свист.

– Это Дорри! – пробормотал Гай.

– Кто-то идет...

Они оба застыли, ожидая второго резкого свиста, который стал бы сигналом тревоги и опасности. Но других предостережений не прозвучало.

– Это она! – ухмыльнулся Том, посмотрев на брата. – Я уже боялся, что она не придет.

Но Гай не разделял радости Тома. Он нервно почесал шею:

– Том, мне это совсем не нравится.

– Ерунда, Гай Кортни! – засмеялся Том. – Не узнаешь ведь, как это хорошо, пока не попробуешь!

Они услышали шелест одежды, легкие шаги на лестнице, и вот в подземелье ворвалась девушка. Она остановилась у входа, быстро дыша, ее щеки слегка разгорелись от подъема на холм.

– Кто-нибудь видел, как ты ушла из дома, Мэри? – спросил Том.

Она покачала головой.

– Нет, мастер Том, никто. Они там слишком заняты приготовлением еды.

Девушка говорила с грубым провинциальным акцентом, но голос звучал приятно. Мэри уже давно созрела, она обладала пышными бедрами и грудью и возрастом превосходила близнецов – ей было около двадцати. Однако кожа у нее оставалась безупречно гладкой и свежей, как прославленные девонские сливки, а ангельское личико окружали волны спутанных темных волос. Губы Мэри, розовые, мягкие и влажные, выглядели мило и невинно, однако в ее ярких глазах светилось нечто вовсе не детское.

– Ты уверена, Мэри, что мастер Билли тебя не заметил? – настойчиво спросил Том.

Она снова качнула головой, и серьги в ее ушах закачались.

– Нет, не заметил. Я заглянула в библиотеку, прежде чем уйти, и он сидел над книгами, как всегда.

Она уперлась маленькими ладошками в бока, и хотя руки у нее потрескались и покраснели от кухонных работ, они прекрасно выглядели на тончайшей талии. Глаза близнецов последовали за их движением, взгляды братьев застыли. Потрепанная юбка Мэри не закрывала пухлых лодыжек, и, хотя босые ступни загрубели, лодыжки оставались безупречны. Видя взгляды и выражения лиц своих приятелей, девушка улыбнулась с видом превосходства, вполне ощущая свою власть.

Подняв одну руку, она подергала за ленту, которая удерживала вместе половинки лифа. Обе пары глаз послушно последовали за ее рукой, а она слегка обнажила грудь.

– Ты говорил, что я получу за это шесть пенсов, – напомнила девушка Тому.

Тот быстро кивнул:

– Да, я обещал. Шесть пенсов за нас обоих, за Гая и меня.

Мэри вскинула голову и показала ему розовый язычок:

– Эй, ты хитришь, мастер Том! Говорили про шесть пенсов за каждого, шиллинг за обоих.

– Не сходи с ума, Мэри!

Том сунул руку в кошель на поясе и достал серебряную монету. И подбросил ее в воздух. Она блеснула в неярком свете, вращаясь, и Том поймал ее, а потом протянул девушке, чтобы та ее осмотрела.

– Видишь, целых шесть серебряных пенсов, и все для тебя!

Но она снова покачала головой и еще чуть-чуть распустила ленту.

Оба мальчика уставились на полоску белой кожи, поразительно контрастировавшей с загорелыми веснушчатými плечами.

– Шиллинг – или ничего! – Мэри равнодушно пожала плечами.

При этом движении одна пухлая круглая грудь наполовину выскочила из лифа, и скрытым остался лишь ее острый сосок, но темный кружок возле него застенчиво показался над краем кофточки. Мальчишки лишились дара речи.

– Что, ворона в рот залетела? – нахально спросила Мэри. – Пожалуй, мне тут делать нечего.

Она повернулась к лестнице, качнув пышной попкой под тонкой юбкой.

– погоди... – сдавленным голосом окликнул ее Том. – Ладно, пусть будет шиллинг, Мэри, красotka.

– Покажи его, мастер Том.

Мэри оглянулась через веснушчатое плечо, а Том уже лихорадочно рылся в кошельке.

– Вот он, вот, Мэри...

Том протянул ей монету, и Мэри медленно подошла к нему, качая бедрами, как девицы в доках Плимута.

Она забрала из его пальцев монету:

– Ты считаешь меня хорошенькой, мастер Том?

– Да ты самая хорошенькая девушка во всей Англии! – с пылом заявил Том, и говорил он искренне.

Он потянулся к пышной круглой груди, теперь уже освободившейся от лифа.

Девушка хихикнула и отвела его руку:

– А как насчет мастера Гая? Может, он первый? – Она смотрела мимо Тома.

– Ты ведь никогда такого не делал, да, мастер Гай?

Гай тяжело сглотнул, но сказать ничего не смог. Он опустил взгляд и густо покраснел.

– Ладно, пусть он будет первым, – нервно согласился Том.

– Не бойся! – Мэри подошла к Гаю и взяла его руку. И улыбнулась, щуря слегка раскосые глаза. – Я тебя не укушу, мастер Гай! – пообещала она и потащила его в дальний конец подземелья.

Гай ощутил запах девушки, когда она прижалась к нему. Похоже, не мылась она больше месяца – от нее остро пахло потом, а еще ее кожа пропиталась мощным духом кухни, где она работала, духом жареного сала и древесного дыма, запахом лобстеров, что варились на огне...

Гай почувствовал сильную тошноту.

– Нет! – вырвалось у него, и он резко отодвинулся от Мэри. – Я не хочу, не могу...

Он был уже на грани слез.

– Иди ты, Том, – позвал он брата.

– Я же ее для тебя позвал, – хрипло откликнулся Том. – Когда ты все по-настоящему почувствуешь, ты просто с ума сойдешь! Вот увидишь!

– Прошу, Том, не заставляй меня... – Голос Гая надломился, он в отчаянии оглянулся на лестницу. – Я просто хочу вернуться домой. Отец скоро заметит...

– Я ведь уже отдал ей наш шиллинг! – попытался урезонить его Том.

– Зря потратил.

Мэри снова схватила Гая за руку.

– Ну же, давай, идем! – Она потянула его за собой. – Ты такой славный парень! Я давно на тебя глаз положила, честно! Ты просто чудо какой симпатичный, правда!

– Пусть лучше Том будет первым, – повторил Гай, теперь уже почти в бешенстве.

– Ладно, пусть так. – Мэри двинулась к Тому. – Пусть мастер Том покажет тебе дорогу. Он-то теперь и вслепую все найдет, он здесь достаточно часто бывал.

Вцепившись в руку Тома, Мэри увлекла его к ближайшему гробу, оказавшемуся гробом сэра Чарльза, героя Кале, и прислонилась к нему.

– И не только со мной, – хихикнула она в лицо Тому. – А и с Мэйбл тоже, и с Джилл, если только они обе не врут, да еще и с половиной девушек из деревни, насколько я слыхала. Ты просто как поршень трудишься, да, мастер Том?

Протянув руку, она дернула за шнурок бриджей Тома. И одновременно, приподнявшись на цыпочки, прижалась губами к его рту. Том толкнул ее спиной на каменный гроб. Он пытался что-то сказать близнецу, кося глазами в сторону Гая, но губы и язык Мэри слишком мешали ему.

Наконец он отодвинулся от нее и жадно глотнул воздуха, потом усмехнулся Гаю.

– А теперь я собираюсь показать тебе самое сладкое в мире, – сообщил он. – Ты ничего слаще не увидишь, проживи хоть сотню лет.

Мэри стояла, прислонившись спиной к каменному гробу.

Том наклонился и опытной рукой окончательно расшнуровал блузку девушки и спустил с нее юбку, и та упала волной вокруг лодыжек. Под юбками у Мэри ничего не оказалось. Кожа девушки поражала гладкостью и белизной; казалось, это тело вылепили из лучшего свечного воска. Все трое уставились на него: близнецы – благоговейно, а Мэри – с горделивой улыбкой. Последовала долгая минута молчания, когда слышалось лишь прерывистое дыхание Тома.

Мэри обеими руками сняла через голову блузку и бросила ее на крышку гроба позади себя. Потом повернула голову и посмотрела на Гая в упор.

– И ты вот этого не хочешь? – спросила она, приподнимая ладонями белые груди. – Нет?

Она явно насмеялась. Гай онемел от потрясения. А девушка медленно провела кончиками пальцев по всему своему сливочному телу, мимо глубокой ямки пупка и ниже. Потом пинком отбросила в сторону юбку и раздвинула ноги, не сводя глаз с Гая.

– Ты ведь никогда не видел ничего похожего на такую вот киску, а, мастер Гай? – спросила она.

Под ее пальцами шевельнулись кудрявые волоски, когда она погладила себя между бедрами. Гай сдавленно вскрикнул, и Мэри победоносно расхохоталась.

– Опоздал, мастер Гай! – поддразнила она его. – Упустил свой шанс!

К этому времени Том спустил штаны до лодыжек. Мэри положила ладони ему на плечи и ловким движением подпрыгнула, ухватившись за шею Тома обеими руками, а ногами сжав его талию.

На шее девушки висели дешевые стеклянные бусы, оказавшиеся между их телами. Нитка бус лопнула, блестящие бусинки дождем посыпались вниз и раскатились по каменным плитам. Но парочка словно и не обратила на это внимания.

Гай наблюдал в странном смешении ужаса и зачарованности, как его близнец, прижав девушку к каменной крышке саркофага их деда, резко двигался вперед и назад, хрипя, красневшись, а девушка отзывалась на его толчки... Она начала издавать странные, похожие на мяуканье звуки, которые становились все громче, пронзительнее, и наконец она уже повизгивала, как щенок...

Гай хотел отвернуться, но не мог. Словно окаменев, он в ужасе видел, как его брат запрокинул голову и, широко раскрыв рот, испустил чудовищный, болезненный вопль. «Она убила его, – подумал Гай, и тут же у него мелькнула другая мысль: – Что же мы скажем отцу?..»

Лицо Тома стало темно-красным и блестело от пота.

– Том! Ты в порядке? – Слова сорвались с губ Гая сами собой.

Том повернул голову и криво ухмыльнулся:

– Лучше не бывает!

Он поставил Мэри на ноги и отступил назад, а она так и осталась у гробницы.

– Ну, теперь твоя очередь, – выдохнул Том.

– Да, заставь меня отработать шесть пенсов... – Мэри тоже дышала с трудом, но смеялась. – Только дай мне минутку перевести дух, а уж потом я тебе устрою такую скачку, какой ты не забудешь много лет, мастер Гай!

В этот момент резкий двойной свист донесся в подземелье через дыру в потолке, и Гай отпрыгнул назад с испугом и облегчением. Прозвучал безусловный сигнал тревоги.

– Ты слышал?! – воскликнул он.

– Да, это Дорри на крыше. Кто-то сюда идет.

Том запрыгал на одной ноге, потом на другой, натягивая бриджи и зашнуровывая их.

– Удирай поскорее, Мэри! – рявкнул он на девушку.

Мэри ползала по полу на четвереньках, пытаясь собрать рассыпавшиеся бусы.

– Да оставь ты это! – велел Том.

Но она не обратила на него внимания. На ее голых ягодицах виднелись розовые пятна в тех местах, какими она прижималась к гробу, и Тому показалось, что он может разобрать отпечатавшуюся на ее коже надпись. Ему вдруг захотелось расхохотаться.

Вместо этого он схватил Гая за плечо:

– Скорее! Это может быть отец!

От этих слов на ногах у братьев как будто выросли крылья, и они рванулись вверх по лестнице, в спешке налетая друг на друга.

Когда они вывалились из двери ризницы, то сразу увидели Дориана – младший брат ожидал их под укрытием плюща, затянувшего стену.

– Кто это, Дорри? – выдохнул Том.

– Черный Билли! – пискнул Дориан. – Он только что выехал из конюшни на Султана и направился прямо к тропе на холм. Он здесь будет через минуту!

Том крепко выругался; такому ругательству он научился у Большого Дэниела Фишера, отцовского бойца.

– Он не должен застукать нас здесь. Бежим!

Все трое помчались к каменной стене. Том подсадил Дориана, потом они с Гаем перескочили на другую сторону, и все они залегли в траве.

– Потихе, вы оба! – Том хрипел от смеха и возбуждения.

– Что у вас там произошло? – тихонько спросил Дориан. – Я видел, как туда вошла Мэри. Ты сделал это с ней, Гай?

– Тебе и знать-то не следует о таких вещах, – попытался уклониться от ответа Гай.

– Я знаю, что это такое! – негодуя возразил Дориан. – Я сто раз видел, как это делают бараны, и собаки, и петухи, и бык Геркулес.

Он поднялся на четвереньки и стал энергично изображать соответствующие движения, двигая бедрами и высунув язык, а заодно изо всех сил выпучив глаза.

– Ты так делал с Мэри, Гай?

Гай отчаянно покраснел:

– Прекрати, Дориан Кортни! Слышишь?

Но Том грубовато захохотал и ткнул Дориана лицом в траву:

– Ах ты маленькая грязная обезьянка! Спорю на гинею, ты бы справился лучше Гая, есть у тебя волосы внизу или нет.

– Ты мне позволишь в следующий раз, Том? – умоляюще произнес Дориан.

Его голос прозвучал приглушенно: старший брат все еще прижимал его лицо к траве.

– Я тебе разрешу попробовать, когда у тебя чуть-чуть подрастет то, чем пробуют, – ответил Том и отпустил братишку, позволив ему сесть.

В этот миг они услышали приближавшийся стук копыт.

– Тихо! – прошепел Том, давась смехом.

Они залегли за стеной в ряд, стараясь дышать потихе.

Всадник приблизился легким галопом и остановил лошадь на гравийной площадке перед главным входом в церковь.

– Прижмитесь к земле! – шепотом приказал Том братьям.

Но сам, сняв шляпу с пером, осторожно приподнялся, чтобы заглянуть через стену.

Уильям Кортни сидел верхом на вороном Султана. Он был великолепным всадником: это искусство казалось у него врожденным; возможно, тут проявлялись некие инстинкты, унаследованные от африканских предков. Стройный и высокий, Уильям был одет, как всегда, в черное.

Как раз это, кроме цвета его кожи и волос, и послужило причиной прозвища, данного ему единокровными братьями, которое он люто ненавидел.

Хотя в этот день он приехал с непокрытой головой, обычно он носил широкополую шляпу, украшенную пучком перьев страуса. Его высокие сапоги были черными; седло и уздечка тоже.

Султан, вороной жеребец, был так тщательно ухожен, что светился в неярких солнечных лучах. И лошадь, и всадник представляли собой прекрасное зрелище.

Причина его поездки к церкви не представляла никакой загадки: старший сын Кортни приехал проверить, готовятся ли здесь к его свадьбе. Обряд предстояло совершить именно здесь, а не в домашней церкви невесты, потому что после венчания планировались другие важные церемонии.

А их следовало провести только в церкви рыцарей-мореходов.

Уильям остановился перед дверью и низко наклонился в седле, чтобы заглянуть внутрь. Потом выпрямился и медленно поехал вокруг здания к дверям ризницы. Он внимательно огляделся вокруг – и вдруг посмотрел прямо на Тома. Том похолодел. Ему и братьям следовало сейчас находиться у устья реки, помогать Симону и его людям вытаскивать поставленные на лосося сети. Поденных рабочих, которых Уильям нанимал на время сбора урожая, кормили почти одним только лососем. Это была дешевая и обильная еда, хотя рабочие и возражали против ее однообразия.

Видимо, ветки яблони скрыли Тома от острых глаз брата, потому что Уильям спешил и привязал Султана к железному кольцу рядом с дверью.

Жениться он собирался на средней дочери Гренвиля. Этот брак должен был стать блестящей партией, и их отец почти год торговался с Джоном Гренвилем, графом Эксетером, насчет условий.

Черный Билли просто из кожи вон лез, чтобы заполучить такую невесту, насмешливо подумал Том, наблюдая за тем, как брат остановился на ступенях перед дверью, чтобы смахнуть пыль с блестящих черных сапог тяжелым свинцовым хлыстом, который всегда носил с собой.

Прежде чем войти в церковь, Уильям еще раз посмотрел в сторону Тома.

Его кожа была вовсе не черной, она имела легкий янтарный оттенок. И он скорее походил на уроженца Средиземноморья, чем на африканца, – может быть, на испанца или итальянца. Волосы, угольно-черные, густые и блестящие, он зачесывал назад и связывал в хвост черной лентой.

Уильям, с его прямым эфиопским носом и сверкающими черными глазами хищника, обладал особой, грозной и пугающей красотой. Том завидовал тому, что большинство молодых женщин просто таяли в присутствии Уильяма.

Уильям исчез в ризнице, и Том вскочил на ноги, прошептав братьям:

– Он ушел! Скорее, мы должны вернуться...

Но он не успел договорить, как в церкви раздался громкий крик.

– Мэри! – воскликнул Том.

– Я думал, она убежала, – испуганно пробормотал Гай. – Но эта дурочка все еще там, и Черный Билли поймал ее!

– Ну все, теперь кому-то не поздоровится, – бодро заявил Дориан и подпрыгнул на месте, чтобы заглянуть через стену. – Как вы думаете, что он сделает?

– Я не знаю, – ответил Том. – И мы не станем ждать и выяснять это.

Но прежде чем он возглавил отступление вниз по склону, из двери ризницы вылетела Мэри. Даже с такого расстояния виден был ее ужас. Она мчалась так, словно за ней гналась целая стая волков. А через мгновение на свет выбежал и Уильям, гнавшийся за девушкой.

– А ну вернись, мелкая дрянь!

Его голос отчетливо донесся до братьев, все еще прятавшихся за стеной. Мэри, подхватив юбку, помчалась еще быстрее. И она неслась именно к тому месту стены, где засели братья.

Позади нее Уильям отвязал поводья Султана и взлетел в седло. Он бросил жеребца в погоню сразу галопом. Лошадь и всадник без труда догнали бежавшую девушку.

– Остановись немедленно, маленькая грязная шлюха! Иначе хуже будет! – Уильям, нагнав Мэри, наклонился над ней, держа в правой руке хлыст с тяжелой свинцовой рукояткой. – Ты мне сейчас же объяснишь, что ты здесь делала!

Он хлестнул девушку, но Мэри увернулась от удара.

Уильям развернул жеребца вслед за ней:

– Тебе не сбежать от меня, сука!

Уильям улыбался, и это была холодная, жестокая улыбка.

– Пожалуйста, мастер Уильям! – взвизгнула Мэри, но он опять взмахнул хлыстом.

Хлыст просвистел в воздухе, и Мэри отскочила в сторону с живостью преследуемого зверька. Теперь она побежала в обратную сторону, к церкви, пригибаясь под ветками яблонь, а Уильям гнался за ней.

– Бежим! – прошептал Гай. – Пока есть возможность!

Он вскочил и, спотыкаясь, побежал вниз по крутому склону, и Дориан помчался за ним. Но Том все еще сидел, скорчившись, у стены.

Он в ужасе наблюдал, как его брат снова догнал девушку и приподнялся над ней в стремени.

– Я тебя научу слушаться, когда тебе велят остановиться!

Он опять взмахнул хлыстом, и на этот раз хлыст ударил Мэри по спине между лопатками. Девушка пронзительно завизжала от боли и ужаса и упала в траву.

От ее визга Том похолодел и стиснул зубы.

– Не надо! – закричал он, но Уильям его не услышал.

Он спешил и встал рядом с Мэри:

– Что ты там затеяла, ты, оборванка?

Мэри барахталась, запутавшись в задравшейся юбке, ее ноги обнажились, и Уильям ударил ее еще раз, метя в перепуганное бледное лицо, но Мэри закрылась руками, и удар пришелся по ним. Плеть оставила яркий алый след на коже, и девушка бормотала, корчась от боли:

– Пожалуйста, не бейте меня, мастер Уильям!

– Я буду тебя бить до тех пор, пока ты не изойдешь кровью или не скажешь, что ты делала в церкви, когда тебе следует быть в кухне, среди жирных горшков и сковородок!

Уильям спокойно улыбался, наслаждаясь собой.

– Я не делала ничего плохого, сэр...

Мэри опустила руки, умоляя его, и не успела вскинуть их снова достаточно быстро, чтобы закрыться от следующего удара, угодившего прямо ей в лицо. Она громко взвыла, по ее сразу же вспухшей щеке полилась огненно-алая кровь.

– Пожалуйста... пожалуйста, не надо меня больше бить!

Мэри закрыла окровавленное лицо ладонями и покатила по траве, пытаясь отодвинуться как можно дальше, но запуталась в юбке.

Уильям снова улыбнулся, увидев, что под юбкой у девушки ничего нет, и следующий удар хлыста пришелся на нежную белую кожу ее ягодиц.

– Что ты там украла, сука? Что ты там делала?

Он опять хлестнул, оставив алый след на задней части бедер.

Крик Мэри ударил Тома так же жестоко, как хлыст – ее плоть.

– Отстань от нее, Билли, черт тебя побери! – выпалил Том, охваченный вдруг чувством огромной ответственности и жалости к страдающей девушке.

И, не успев осознать, что делает, он уже перескочил через стену и помчался на помощь Мэри.

Уильям не слышал, как подбежал Том. Он был поглощен острым, неожиданным наслаждением, наказывая эту маленькую шлюшку. Вид алых полос на белой коже, ее рыдания, голые ноги, пронзительный визг, звериный запах немытого тела невероятно возбудили его.

– Что ты там делала? – ревел он. – Ты мне ответишь или мне выбить из тебя ответ?

Он с трудом сдержал хохот, оставив еще один горящий след на обнаженных плечах девушки и видя, как мускулы под мягкой кожей сжались от боли.

Том налетел на него сзади. Он был крепким и сильным для своего возраста и не слишком отстал в росте и весе от старшего брата. К тому же ярость и ненависть придали ему сил – слишком глубоко задела его несправедливость и жестокость того, что он увидел, заодно с воспоминанием о тысячах обид, которые он и братья претерпели от Черного Билли. К тому же на сей раз у него имелось преимущество полной неожиданности.

Он ударил Уильяма в поясницу, и как раз в тот момент, когда мучитель опирался лишь на одну ногу, стараясь пнуть свою жертву и повернуть так, чтобы удобнее было еще раз хлестнуть ее. Уильям рухнул вперед с такой силой, что свалился на девушку и перевернулся, растянувшись во весь рост и ударившись головой о ствол яблони.

Лежа на земле, Уильям ошеломленно застыл.

Том наклонился и рывком поднял на ноги дрожащую, плачущую Мэри.

– Беги! – велел он ей. – Беги как можно быстрее. – И подтолкнул ее.

Мэри не нужно было повторять дважды. Она ринулась вниз по тропе, плача и подвывая, а Том в ярости повернулся к старшему брату.

Уильям уже сидел в траве. Он пока что не понял, кто или что сбilo его с ног. Он потрогал свою голову, погрузил два пальца в темную густую массу волос, а потом уставился на пятнышко крови из небольшой царапины, полученной при ударе о дерево.

Покачав головой, он встал. Посмотрел на Тома.

– Ты!.. – негромко, почти любезно произнес он. – Мне следовало понять, что именно ты стоишь за этой чертовщиной.

– Она ничего не сделала! – Том все еще кипел гневом и не успел пожалеть о своем порыве. – А ты мог слишком сильно ее поранить.

– Да, – согласился Уильям. – Я как раз этого и хотел. Она вполне такое заслужила. – Он наклонился и поднял хлыст. – Но она сбежала, поэтому я накажу тебя и получу огромное удовольствие, исполняя свой долг. – Он взмахнул вправо и влево хлыстом, и тот угрожающе просвистел в воздухе. – А теперь ты мне скажи, мой маленький братец, чем ты и та шлюшка здесь занимались? Было ли это нечто греховное и грязное, о чем следует узнать нашему отцу? Говори побыстрее, пока я не выбил из тебя ответ вот этим хлыстом.

– Раньше ты провалишься в ад!

Это было одно из любимых выражений их отца. Но, несмотря на внешнюю дерзость, Том уже горько сожалел о своем рыцарском порыве, толкнувшем его на это столкновение. Теперь, когда вспышка угасла, он прекрасно понимал, что его положение безнадежно. Старший брат занимался не только книгами. В Кембридже он выступал в соревнованиях по борьбе за Королевский колледж, и в эти соревнования, помимо прочего, входила борьба без правил, во время которой запрещалось лишь использовать смертельное оружие. На ярмарке в Эксмуте прошлой весной Том видел, как Уильям свалил и прижал к земле местного чемпиона, здорового, похожего на быка мужчину, и это после того, как уже исколотил его как следует.

Том подумал о том, чтобы повернуться и сбежать. Но он знал, что брат, с его длинными ногами, даже в сапогах для верховой езды догонит его уже через сотню ярдов. Так что бежать не имело смысла. Том встал в стойку и поднял сжатые кулаки – так, как учил его Большой Дэниел.

Уильям расхохотался ему в лицо:

– Ох, во имя Петра и всех святых! Этот маленький петушок готов драться!

Он бросил хлыст и лениво шагнул вперед; его руки расслабленно висели вдоль боков. И внезапно он выбросил вперед правый кулак. Он никак не дал понять, что собирается ударить, и Том едва успел отскочить назад. Однако кулак задел его губы, и они тут же распухли, и Том ощутил во рту соленый вкус крови. Зубы стали красными, словно он наелся малины.

– Вот так-то! – воскликнул Уильям. – Это первый глоточек кларета. А будут и другие, предупреждаю, их будет целый бочонок, до того как мы покончим с нашим дельцем.

Он снова взмахнул правой рукой, делая обманный выпад, а когда Том прыгнул в сторону, ударил его по голове сбоку другой рукой. Том блокировал удар, как учил Дэниел.

Уильям усмехнулся:

– Смотри-ка, обезьянка выучила несколько трюков!

Но его глаза сузились; он не ожидал ничего подобного.

Он снова попытался ударить левой рукой, и Том поднырнул под нее и схватил руку брата у локтя, отчаянно стиснув ее обеими руками.

Уильям инстинктивно отпрянул, а Том воспользовался инерцией его движения и, вместо того чтобы сопротивляться, прыгнул вперед, одновременно с силой колотя ногой.

Он снова захватил брата в момент неустойчивого равновесия, и один из его пинков попал Уильяму точно в пах. Этот удар вышиб воздух из груди Уильяма – с рычанием боли он согнулся и прижал обе ладони к пострадавшей части тела.

Том развернулся и помчался по тропе к дому.

Хотя смуглое лицо Уильяма все еще было искажено болью, все же, стоило ему увидеть, что младший брат удирает, он выпрямился и, заставив себя не обращать внимания на боль, бросился в погоню. Его движения затрудняла травма, и все равно он неумолимо догонял Тома.

Когда Том услышал приближавшиеся к нему быстрые шаги, он оглянулся через плечо и на этом потерял немного скорости. Он слышал хрипение брата, и ему уже казалось, что он ощущает его дыхание на своей шее.

Ни скрыться, ни просто убежать Том не имел возможности. Тогда он просто упал на землю и свернулся в клубок.

Уильям уже был так близко и бежал с такой скоростью, что не смог остановиться. Оставался единственный способ не столкнуться с Томом: перепрыгнуть через него. Уильям легко взлетел в воздух... но Том перевернулся на спину и схватил преследователя за лодыжку на середине прыжка. Он дернул брата за ногу со всей силой своего ужаса, и Уильям рухнул на грязную тропу лицом вниз. В этот миг он являл собой совершенную беспомощность, и Том, вскочив, уже приготовился мчаться дальше, но тут ярость и ненависть лишили его возможности мыслить здраво.

Он видел Черного Билли, растянувшегося в грязи. Искушение завладело им, и Том не смог сопротивляться: впервые в его жизни старший брат оказался полностью в его власти. Том замахнулся правой ногой и пнул его, не щадя сил.

Удар пришелся в голову Уильяма, перед ухом... вот только результат получился не тот, какого ожидал Том.

Вместо того чтобы потерять сознание, Уильям взревел от бешенства и обеими руками схватил ногу Тома. Напрягшись, приподнял его и швырнул в заросли папоротника рядом с тропой. А потом вскочил и бросился на Тома, прежде чем тот успел опомниться.

Он сел верхом на грудь юноши, потом наклонился вперед и прижал руки Тома к земле над его головой.

Том не мог шевельнуться, он почти не мог дышать, от веса Уильяма у него трещали ребра. Уильям все еще задыхался и хрипел, но постепенно его дыхание выравнивалось, и он снова заулыбался – кривой болезненной улыбкой.

– Ты заплатишь за свои забавы, щенок. Ты очень много за них заплатишь, это я тебе обещаю, – прошептал он. – Дай мне только перевести дыхание, и мы закончим наше дело.

Пот стекал по его подбородку, капли падали на лицо Тома.

– Я тебя ненавижу! – прошипел Том. – Мы все тебя ненавидим! Мои братья, и все, кто здесь работает, и все, кто тебя знает! Все мы тебя ненавидим!

Уильям вдруг отпустил одно из запястий Тома и хлестнул брата по лицу тыльной стороной ладони.

– Все эти годы я пытался научить тебя хорошим манерам, – негромко произнес он, – но ты так ничему и не научился.

Глаза Тома наполнились слезами от боли, но он все же сумел набрать полный рот слюны и плюнуть в нависшее над ним смуглое лицо. Слюна повисла на подбородке Уильяма, но он не обратил на это внимания.

– Я до тебя все равно доберусь, Черный Билли! – хриплым от боли шепотом пообещал Том. – Однажды я до тебя доберусь.

– Нет, – покачал головой Уильям. – Не думаю. – Он улыбнулся. – Ты разве не слышал о законе первородства, обезьянка?

Он снова ударил Тома ладонью по голове сбоку. В глазах у Тома сверкнула вспышка, под носом показалась кровь.

– Отвечай, братец!

Новый удар отбросил голову Тома в сторону.

– Ты знаешь, что это такое? – Уильям ударил еще раз правой рукой. – Отвечай, красавчик!

Снова удар левой, потом правой, и вот уже удары посыпались без передышки. Хлоп – правой. Хлоп – левой. Голова Тома болталась из стороны в сторону. Он уже терял сознание, а град ударов не прекращался.

– Первородство! – Удар. – Это! – Удар. – Право! – Удар. – Того! – Удар. – Кто родился первым! – Удар.

Но следующий удар последовал из-за спины Черного Билли.

Дориан бежал следом за братьями по тропе и видел, что происходит с его любимым Томом. И удары, сыпавшиеся на Тома, такой же болью отзывались в Дориане. Он в отчаянии оглядывался по сторонам в поисках какого-нибудь оружия.

У края тропы лежала большая грудa сломанных веток.

Дориан выбрал сухую палку толщиной в свое запястье и длиной в руку и подкрался к Уильяму сзади. Ему хватило ума не предупреждать о своем приближении и о том, что он намеревался сделать; он просто тихо поднял над головой палку обеими руками. Помедлил, прицеливаясь и собирая все свои силы, а потом обрушил свое оружие на макушку Уильяма так, что палка треснула в его руках.

Руки Уильяма замерли в воздухе, и он скатился с груди Тома.

Увидев Дориана, Уильям взревел:

– А, еще одно вонючее отродье! – Он встал на ноги и слегка пошатнулся. – Еще и младший щенок!

– Отстань от моего брата, – угрожающе произнес Дориан, побелев от ужаса.

– Беги, Дорри! – почти ничего не соображая, прохрипел Том, не в силах даже сесть в папоротниках. – Беги! Он же тебя убьет!

Но Дориан застыл на месте.

– Ты отстанешь от него, – заявил он.

Уильям сделал шаг в его сторону:

– Ты знаешь, Дорри, что твоя мать была шлюхой? – Он благодушно улыбнулся и еще раз шагнул вперед, опустив вниз руки. – А это делает тебя сыном шлюхи.

Дориан не знал толком, что такое шлюха, но ответил яростно:

– Не смей так говорить о моей маме!

И невольно отступил на шаг назад, когда Уильям грозно надвинулся на него.

– Мамочкин сынок! – насмешливо бросил Уильям. – Ну, твоя шлюха-мамочка умерла, детка.

Глаза Дориана наполнились слезами.

– Не смей так говорить! Я тебя ненавижу, Уильям Кортни!

– Тебе тоже следует поучиться хорошим манерам, детка Дорри!

Руки Уильяма метнулись вперед и сжали шею мальчика.

Он без труда поднял Дориана в воздух, хотя тот брыкался и царапался.

– Манеры создают настоящего мужчину, – сообщил Уильям и прижал Дориана к стволу красного бука, под которым они стояли. – Ты должен учиться, Дорри!

Он аккуратно прижал два пальца к горлу мальчика, пристально глядя ему в лицо, наблюдая, как тот надувается и краснеет.

Пятки Дориана беспомощно колотили по стволу дерева, он царапал руки Уильяма, оставляя красные полосы на его коже, но не издавал ни звука.

– Гадючье гнездо! – сказал Уильям. – Вот что вы такое – аспиды и гадюки! Придется от вас избавиться.

Том, придерживаясь за ветки, добрался туда, где стоял старший брат. И вцепился в его ноги.

– Пожалуйста, Билли! Я виноват. Ударь меня! Оставь Дориана! Пожалуйста, не калечь его! Он ничего плохого не хотел!

Уильям пинком отшвырнул его в сторону, продолжая прижимать мальчика к дереву. Ноги Дориана болтались в паре футов над землей.

– Уважение, Дорри, ты должен научиться уважению!

Он ослабил нажим пальцев, позволив жертве сделать вдох, потом снова надавил на горло. Молчаливая борьба Дориана стала отчаянной.

– Меня бей! – умолял Том. – Оставь Дориана! Он тут ни при чем!

Том, держась за дерево, поднялся на ноги. И дернул Уильяма за рукав.

– Ты плюнул мне в лицо, – мрачно откликнулся Уильям. – А этот маленький гаденыш пытался вышибить мне мозги. Теперь увидишь, как он задыхается.

– Уильям!

Новый голос, хриплый от ярости, прозвучал совсем рядом.

– Какого черта ты тут делаешь?

Мощный удар обрушился на протянутые руки Уильяма. Он уронил мальчика на землю и резко развернулся, очутившись лицом к лицу со своим отцом.

Хэл Кортни ударил по рукам старшего сына ножнами сабли, освобождая младшего, а теперь, похоже, готов был снова воспользоваться ими, чтобы сбить Уильяма с ног.

– Ты что, сошел с ума? Что ты делаешь с Дорианом? – спросил сэр Кортни, и его голос дрожал от бешенства.

– Это же была просто игра, отец... мы тут играли... – Злоба Уильяма чудесным образом испарилась, он как будто пришел в себя и даже казался пристыженным. – Ничего же с ним не случилось, он в порядке...

– Ты чуть не убил его! – прорычал Хэл, потом опустился на одно колено, чтобы поднять младшего сына из грязи.

Он нежно прижал мальчика к груди. Дориан уткнулся в шею отца, рыдая, кашляя и жадно глотая воздух. На нежной коже его горла отчетливо виднелись ярко-красные следы пальцев, лицо было залито слезами.

Хэл Кортни уставился на Уильяма:

– Мы уже не в первый раз говорим о твоей грубости по отношению к младшим. Видит Бог, Уильям, мы и еще раз поговорим об этом, сегодня после ужина, в библиотеке. А теперь убирайся с моих глаз, пока я не вышел из себя!

– Да, сэр, – покорно откликнулся Уильям и побрел вверх по тропе, к церкви.

Но, уходя, бросил на Тома такой взгляд, что у мальчика не осталось сомнений: их дело еще не закончено.

– Что с тобой случилось, Том? – Хэл повернулся к нему.

– Ничего, отец, – твердо ответил Том. – Это ерунда.

Он вытер окровавленный нос рукавом. Если бы он рассказал обо всем, то нарушил бы собственный кодекс чести, пусть даже дело касалось такой ненавистой персоны, как Черный Билли.

– Тогда почему у тебя из носа течет кровь, а лицо распухло и покраснело, как зрелое яблоко?

Голос Хэла звучал хрипло, но мягко: он испытывал парнишку.

– Я упал, – пояснил Том.

– Знаю, что иногда ты бываешь ужасно неуклюж, Том. Но ты уверен, что тебя никто не толкнул?

– Если и так, сэр, это наше с ним дело.

Том наконец оттолкнулся от дерева и выпрямился во весь рост, не обращая внимания на боль и ушибы.

Хэл положил руку ему на плечо. Другой рукой он прижимал к груди Дориана.

– Идемте, мальчики, домой пора.

Он повел обоих туда, где оставил на краю леса свою лошадь, и посадил Дориана вперед, прежде чем сам вскочил в седло. Вдев ноги в стремяна, он потянулся вниз, чтобы взять за руку Тома и, подняв его, посадить к себе за спину.

Том обеими руками обхватил талию отца и прижался к его спине распухшим, избитым лицом.

Он так любил тепло и запах отцовского тела, его крепость и силу... Рядом с отцом у него рождалось ощущение полной безопасности. Ему хотелось заплакать, но он сдержал слезы.

«Ты не ребенок, – сказал себе Том. – Дорри может плакать, а ты – нет».

– А где Гай? – спросил отец, не оборачиваясь.

Том чуть не брякнул: «Он убежал», но успел поймать себя за язык, пока с него не сорвались неподходящие слова.

– Думаю, пошел домой, сэр.

Хэл ехал молча, ощущая тепло двух тел, благодарно прижавшихся к нему, и страдая за них так же, как страдали они. Но при этом он чувствовал и гневную беспомощность. Уже не первый раз его перворожденный сын сталкивался с детьми других его жен. Хэл понимал, что это некое состязание, в котором преимущество не на стороне младших, причем здесь может получиться только один исход.

Сэр Кортни разочарованно нахмурился. Ему еще не исполнилось сорока двух, а Уильям родился, когда ему было всего восемнадцать, но Хэл чувствовал себя старым и придавленным беспокойством, когда думал о столкновениях между четверьмя его сыновьями.

Проблема состояла в том, что он любил Уильяма не меньше, если даже не сильнее, чем маленького Дориана.

Уильям был его первенцем, сыном его Юдифи, прекрасной девы-воина из Африки, женщины, которую он любил глубоко, с благоговением и страстью. Когда она погибла под копытами собственного дикого жеребца, она оставила в его жизни болезненную пустоту. И много лет ничто не могло заполнить эту пустоту, кроме прекрасного малыша, которого она ему оставила.

Хэл воспитывал Уильяма, учил его быть упорным и сильным, умным и находчивым. Он и стал таким, и даже более того. Но в нем жило и нечто дикое и жестокое, пришедшее с того темного таинственного континента, который ничто не могло укротить. Хэл боялся этого, хотя,

по правде, и не ждал ничего другого. Он ведь и сам был жестким, безжалостным человеком, так с какой стати ему отвергать те же качества в его собственном перворожденном сыне?

– Отец, что значит «первое родство»? – внезапно спросил Том.

Его голос прозвучал слегка приглушенно из-за плаща Хэла.

Это настолько совпало с собственными мыслями Хэла, что он даже вздрогнул.

– Где ты узнал это слово? – спросил он.

– Где-то слышал, – пробормотал Том. – Только не помню где.

Хэл без труда мог догадаться, где именно, но не стал нажимать на мальчика, который и так уже пострадал достаточно для одного дня.

Вместо этого он попытался честно ответить на вопрос, потому что Том уже достиг того возраста, когда мог это понять. Да и пора ему было узнать, какие трудности ему, младшему брату, припасла жизнь.

– Ты хотел сказать «первородство», Том. Это значит право того, кто родился первым.

– А это Билли, – негромко произнес Том.

– Да, это Билли, – честно признал Хэл. – И по английским законам он мой прямой наследник. У него преимущество перед младшими братьями.

– Перед нами, – с легкой горечью бросил Том.

– Да, перед вами, – согласился Хэл. – Когда меня не станет, все перейдет ему.

– Ты хочешь сказать, когда ты умрешь? – вмешался Дориан, озвучивая очевидное.

– Верно, Дорри. Когда я умру.

– Я не хочу, чтобы ты умирал! – заныл Дориан. Он все еще хрипел из-за поврежденного горла. – Отец, обещай, что никогда не умрешь!

– Хотелось бы мне, сынок, но я не могу. Все мы когда-нибудь умрем.

Дориан какое-то время молчал. Потом спросил:

– Но ведь не завтра?

Хэл негромко усмехнулся:

– Нет, не завтра. И вообще не скоро, если сумею. Но когда-нибудь это случится. Это всегда случается. – Он предупредил следующий вопрос.

– И тогда Билли станет сэром Уильямом, – сказал Том. – Ты именно это пытаешься нам сказать.

– Да. Уильям получит титул баронета, но это еще не все. Он получит и всё остальное.

– Всё? Я не понимаю, – сказал Том, поднимая голову от отцовской спины. – Ты хочешь сказать, получит Хай-Уилд? Дом и земли?

– Да. Все это будет принадлежать ему. Поместье, земля, дом, деньги.

– Это нечестно! – воскликнул Дориан. – Почему Том и Гай ничего не будут иметь? Они гораздо лучше Билли! Это несправедливо!

– Возможно, это и несправедливо, но таков закон Англии.

– Это нечестно! – настаивал Дориан. – Билли жестокий и ужасный!

– Если ты собираешься жить, постоянно ожидая справедливости, тебя ждет множество разочарований, мой мальчик, – мягко произнес Хэл, обнимая его.

И подумал при этом: «Хотелось бы мне изменить это для тебя».

– Но если ты умрешь, Билли не разрешит нам остаться в Хай-Уилде. Он нас прогонит.

– Ну, нельзя знать наверняка, – возразил Хэл.

– Я знаю, – уверенно сказал Том. – Он сам мне так говорил, и он не шутил.

– Ты найдешь собственную дорогу, Том. А поэтому ты должен быть умным и сильным. Именно поэтому я иногда бываю с тобой суров, даже суровее, чем когда-либо бывал с Уильямом. Ты должен научиться постоять за себя, когда меня не будет.

Он замолчал.

Может ли он объяснить им это, когда они еще так молоды? Он должен постараться. Он обязан это сделать.

– Закон первородства служит тому, чтобы сделать Англию великой. Если каждый раз, когда кто-то умирает, его земли разделять между его выжившими детьми, то очень скоро вся страна окажется разделенной на крошечные бесполезные кусочки, неспособные прокормить даже одну семью, и мы тогда превратимся в нацию крестьян и нищих.

– И что же мы будем делать? – спросил Том. – Те, кого выгонят?

– Есть армия, есть морской флот, есть церковь, и все это открыто для тебя. Ты можешь отправиться в мир как торговец или колонист и вернуться из дальних уголков, с других концов океанов с сокровищами и богатством даже большими, чем наследует после меня Уильям.

После этого все долго молчали.

– Я стану моряком, как ты, отец. Я поплыву за край океанов, как это делал ты, – заявил наконец Том.

– И я с тобой, Том! – поддержал его Дориан.

Сидя на передней скамье в фамильной церкви, Хэл Кортни имел все причины быть довольным собой и миром вокруг себя. Он видел, как его старший сын ждет у алтаря. Музыка органа заполняла небольшое здание радостными звуками. Уильям выглядел ошеломительно красивым в костюме, который он выбрал для венчания. Он впервые отказался от мрачной черной одежды. Воротник его состоял из лучших фламандских кружев, а его жилет зеленого бархата был расшит золотом.

Эфес его меча украшала инкрустация из ляпис-лазурита, изображавшая камелии. Большинство собравшихся женщин рассматривали его, а самые молодые хихикали и шепотом обсуждали жениха.

«Лучшего сына мне и желать не приходится», – сказал себе Хэл.

Уильям проявил себя и как атлет, и как ученый.

Его наставник в Кембридже хвалил его прилежность и способности к постижению наук, и он был отличным борцом, наездником и мастером соколиной охоты.

Вернувшись в Хай-Уилд после учебы, он показал себя и как успешный управляющий и предприниматель.

Хэл постепенно передавал ему все больше и больше власти в управлении поместьем и оловянными рудниками, пока сам наконец почти не отошел от повседневных дел. И если что-то и вселяло в Хэла неуверенность, так это то, что Уильям часто бывал слишком жесток в обращении с людьми, работавшими на него. Не раз и не два люди погибали на разработках руды, а могли бы и выжить, если бы немножко больше внимания уделялось их безопасности и если бы Уильям тратил немного больше денег на укрепление шахт и перевозку. Но прибыли от рудников и от поместья почти удвоились за последние три года. И это служило достаточным доказательством компетентности старшего сына.

А теперь Уильям заключал блестящий брак.

Конечно, это Хэл указал ему на леди Элис Гренвиль, но Уильям ухаживал за ней и очень быстро так влюбил ее в себя, что девушка убедила своего отца в уместности их союза, вопреки его первоначальной неохоте. Ведь Уильям Кортни был человеком без титула.

Хэл посмотрел на графа, тоже сидевшего в первом ряду, по другую сторону прохода. Джон Гренвиль, худощавый мужчина, старше Хэла на десять лет; его очень простая одежда явно не подходила одному из крупнейших английских землевладельцев. Веки тяжело нависали над его глазами, лицо отличалось нездоровой бледностью. Он поймал взгляд Хэла и кивнул, но без выражения дружелюбности или вражды, хотя они обменялись многими резкими словами, обсуждая приданое Элис. В конце концов, она обладала титулом и фермами в Гейнсборо, более тысячи акров, в дополнение к действующим оловянным рудникам на востоке и юге Рашвудда.

Требование присоединить к приданому рудники выглядело настоящей жадностью, но Рашвуд присоединился к рудникам Кортни, которыми так эффективно управлял Уильям.

При общем управлении рудники становились более эффективными, а добыча – более дешевой. Но и этим не исчерпывалось приданое Элис. Последний пункт в договоре, который Хэлу удалось выманить у графа, доставлял сэру Кортни такое же удовольствие, как и все остальное: он представлял собой пакет акций Британской Ост-Индской компании, двенадцать тысяч акций с правом голоса. Хэл уже являлся крупным держателем таких акций и членом правления компании, но новый пакет увеличивал его власть и делал его одним из самых влиятельных людей в совете директоров после председателя, Николаса Чайлдса.

Да, у Хэла имелись все причины к самодовольству. Так почему же его тревожило какое-то странное чувство, царапало, как соринка в глазу?

Иногда, проезжая верхом вдоль утесов и глядя на холодное серое море, Хэл вспоминал теплые лазурные воды Индийского океана. И частенько, пуская в небо сокола и наблюдая за его стремительным полетом, он думал о другом небе – высоком, синем, африканском. Вечерами он иногда снимал со своих библиотечных полок карты и часами сидел над ними, читая заметки, которые делал на них два десятилетия назад, изучая синие холмы Африки, белые песчаные пляжи и могучие реки...

Однажды, совсем недавно, он проснулся среди ночи, потный и растерянный. Сон оказался очень ярким и живым, в нем происходили те самые трагические события... Она снова была рядом, его милая золотистая девушка, ставшая его первой настоящей любовью. И она снова лежала на его руках, умирая.

– Сакиина, любовь моя, я умру вместе с тобой...

Хэл чувствовал, как его сердце вновь разбивается, когда он произносил эти слова.

– Нет...

Ее нежный голос слабел.

– Нет, ты будешь жить. Я шла рядом с тобой столько, сколько мне было позволено. Но для тебя судьба приготовила нечто особенное. Ты будешь жить дальше. У тебя родится много сильных сыновей, чьи потомки будут процветать на землях Африки и завоюют ее...

Хэл закрыл глаза ладонью и наклонил голову, как в молитве, на случай, если вдруг кто-нибудь заметит в них блеск слез. Немного погодя он снова открыл глаза и посмотрел на сыновей, которых Сакиина предсказала ему много лет назад.

Том был ближе всех к нему по духу и плоти; крупный и сильный для своего возраста, он обладал глазами и руками воина. Неугомонность жила в его характере, у него легко вызывало скуку однообразие или любое дело, которое требовало долгого серьезного сосредоточения. Том не имел склонности к кропотливой учебе, но и не страдал слабостью ума или отсутствием хитрости. Внешне он был приятен, хотя и не красавец, потому что имел слишком крупные нос и рот, но его лицо отличалось сильными, решительными чертами и крепким подбородком. Импульсивный и иногда порывистый, почти бесстрашный, Том часто проявлял дерзость себе же во вред. Синяки на его лице уже поблекли, став желтыми и кое-где пурпурными. Для Тома было весьма характерно бросаться на кого-то намного старше и намного сильнее, не думая о последствиях.

Хэл уже знал причину стычки в лесу за церковью: Уильям рассказал ему о Мэри, кухонной девице, и та, горестно рыдая, несвязно призналась Хэлу во всем.

– Я честная девушка, сэр, видит Бог! Я ничего не украдала, зря он меня оговаривает! Мы просто немножко развлеклись, только и всего! А потом приехал мастер Уильям, вошел в церковь и стал мне говорить разные дурные слова, а потом избил меня...

Заливаясь слезами, она задрала юбку, чтобы показать Хэлу длинные красные полосы на бедрах.

Хэл поспешил сказать:

– Прикройся, девочка!

Он гадал, насколько она в самом деле невинна. Он замечал прежде эту девушку, хотя обычно лишь скользил взглядом по двум дюжинам или около того женщин, работавших в главном доме; но эта имела дерзкие глаза и пышные зад и грудь, их трудно было не заметить.

– Мастер Том пробовал его остановить, он ведь мог и убить меня, мастер Уильям, он мог. Он хороший юноша, мастер Том. Он ничего не сделал плохого...

Значит, Том запустил зубы в это сладкое блюдо, подумал Хэл. Что ж, нормально для парня. А она, скорее всего, дала ему хорошие уроки старой игры, и когда Уильям их застукал, Том бросился на ее защиту. Такие чувства достойны похвалы, но действовал он слишком поспешно: объект его рыцарского порыва едва ли стоил такой яростной преданности.

Хэл отослал девушку обратно на кухню и переговорил наедине с экономом. Через два дня эконом нашел для Мэри другое место – служанки в «Королевском дубе» в Плимуте, и Мэри тихо исчезла из Хай-Уилда. Хэл совсем не желал, чтобы она появилась у него под дверью через девять месяцев со свертком в руках.

Он тихо вздохнул. Очень скоро ему придется подыскать место и для Тома тоже. Тот не мог оставаться здесь слишком долго.

Он был уже почти мужчиной. Эболи недавно начал учить Тома обращаться с мечом. Хэл откладывал это, пока у мальчика не окрепнут руки как следует: ему приходилось видеть молодых людей, испорченных слишком ранними тренировками с клинком. Хэл внезапно вздрогнул, потому что мысль о Томе вызвала и гневную мысль о его старшем брате. Уильям был прекрасным фехтовальщиком. Но он тяжело ранил товарища в Кембридже, нанеся прямой удар в нижнюю часть груди. Это была схватка чести, но Хэлу понадобилось все его влияние и мешок золотых гиней, чтобы замять дело. Дуэли не нарушали закона, но вызывали недовольство; и если бы тот человек умер, даже Хэл не смог бы уберечь сына от последствий.

Хэла снова посетила невыносимая для него мысль, что два его сына могут в конце концов излить свою вражду в настоящей схватке, но такое, скорее всего, произойдет, если он не разделит их поскорее. Он должен будет найти Тому место на одном из кораблей «Джона-компани», как прозвали Британскую Ост-Индскую компанию.

Том почувствовал взгляд отца и повернулся к нему с такой открытой, искренней улыбкой, что Хэл невольно отвел взгляд.

Гай сидел рядом с братом. Хэл задумался о том, что Гай тоже представлял собой проблему, но совсем другого рода, чем Том. Хотя двойняшки были обычным делом в роду Кортни и в каждом поколении рождалась хотя бы одна пара, Том и Гай не были одинаковыми. Как раз наоборот. Они различались во всем, в чем только можно.

Гай обладал совсем другой внешностью, у него были тонкие, почти женские черты и изящное тело, которому недоставало физической силы и энергии Тома. По природе Гай был осторожен вплоть до робости, но в то же время очень умен и способен с полным вниманием заниматься самыми однообразными делами.

Хэл не страдал обычным для сквайров презрением к торговле и ростовщичеству и без сомнений готов был поощрять сыновей продвигаться в этом направлении.

И он осознавал, что Гай может наилучшим образом приспособиться именно к такой жизни.

Его трудно было вообразить воином или моряком. Хэл нахмурился.

В «Джон-компани» имелось множество должностей служащих и секретарей, спокойных, надежных мест, позволявших быстро продвинуться, в особенности таким умным и знающим молодым людям, чьи отцы занимали высокие посты в компании.

Хэл решил, что должен на следующей неделе поговорить с Чайлдсом, когда они встретятся.

Хэл собирался выехать в Лондон пораньше следующим утром, сразу после того, как увидит, что Уильям благополучно обвенчался с леди Элис, а ее движимое приданое доставят в поместье Кортни. Лошади были уже наготове, и Большой Дэниел с Эболи могли запрячь их в экипаж и выехать уже через час после приказа Хэла. Но даже при хорошей скорости понадобится не меньше пяти дней, чтобы добраться до Лондона, а квартальное собрание совета директоров компании должно было состояться первого числа следующего месяца.

«Я должен взять мальчиков с собой», – внезапно подумал Хэл.

В этой мысли отразились все его опасения. Если бы он оставил их в Хай-Уилде, когда там станет заправлять Уильям, это означало бы испытывать судьбу, и это притом что самого его там не будет, а значит, и защиты им ждать не придется. Даже Дориана лучше взять, решил Хэл.

Он нежно посмотрел на младшего сына, сидевшего на скамье рядом с ним, и в ответ получил солнечную, восторженную улыбку. Дориан немного придвинулся к нему, ерзая по жесткой дубовой скамье. Хэла неожиданно тронуло прикосновение маленького тела. Он легко погладил плечо мальчика. Пока что нельзя понять, каким он вырастет, подумал Хэл, но, похоже, в нем соединилось лучшее от других братьев и почти не досталось их слабостей.

Однако судить об этом еще слишком рано.

В этот момент музыка органа изменилась, и Хэл отвлекся от своих мыслей. Зазвучал марш невесты. И тут же зашуршали одежды и тихо загудели голоса – все собравшиеся в церкви повернулись, ожидая появления девушки.

* * *

Хотя солнце еще не поднялось над верхушками деревьев – лишь несколько лучей падали на высокие крыши и башенки большого дома, проводить их в Лондон вышли все домашние – от Уильяма с его молодой женой, Бена Грина, управляющего поместьем, Эвана, эконома, и до последней кухонной служанки и конюха.

В порядке старшинства провожающие выстроились вдоль главной лестницы, что вела к парадной двери, а слуги, тоже в соответствии с рангом, собрались на лужайке перед домом. Большой Дэниел и Эболи сидели на кучерской скамье, а лошади фыркали, пуская пар из ноздрей на утренней прохладе.

Хэл коротко обнял Уильяма. Элис, раскрасневшаяся и сияющая счастьем и любовью, нежно цеплялась за руку мужа. Мальчики по приказу отца вслед за ним по очереди без улыбки подошли к старшему брату, чтобы пожать ему руку, а потом, гикая от восторга, помчались вниз по ступеням к ожидавшему их экипажу.

– А можно мне ехать с Эболи и Большим Дэниелом? – умоляющим тоном спросил Том, и его отец снисходительно кивнул.

– А мне, мне можно? – подпрыгивал на месте Дориан.

– Ты поедешь в карете со мной и мистером Уэлшем.

Мистер Уэлш был учителем мальчиков, и Дориану предстояли четверо суток плена с ним и его книгами – латинским, французским и арифметикой.

– Ну пожалуйста, отец, почему мне нельзя? – сердито спросил Дориан. И тут же сам себе ответил: – Да, знаю, потому что я младший.

– Идем, Дорри. – Гай взял его за руку и потащил в карету. – Я тебе помогу с уроками.

Все несправедливости отношения к юному возрасту были мгновенно забыты, как только Эболи взмахнул хлыстом и карета дернулась и покатилась, и под ее железными колесами заскрипел гравий. Гай и Дориан высунулись из окна, чтобы помахать на прощанье своим

любимцам из домашнего штата. Но вот они повернули у перекрестка, и Хай-Уилд скрылся из вида.

Том, полный восторга, сидел в кучерской кабинке между двумя людьми, которых он обо- жал.

На голове Большого Дэниела красовалась огромная грива седых волос, торчавших во все стороны из-под шляпы. Во рту у него не осталось ни одного зуба, так что, когда он жевал, его морщинистое лицо превращалось в сплошные складки. Но все знали, что даже в таком возрасте он оставался самым сильным человеком в Девоншире. Том видел, как Большой Дэниел подни- мал непослушную лошадь в воздух и укладывал ее на спину так, что все четыре ноги болтались в воздухе, а потом легко удерживал в таком положении, пока кузнец ее подковывал. Большой Дэниел был боцманом у Фрэнсиса Кортни, и когда дедушку Тома убили голландцы, Большой Дэниел стал служить его сыну и плавал с Хэлом Кортни в южных океанах, сражаясь вместе с ним против язычников и голландцев, против пиратов и предателей и десятков других врагов.

И еще он был нянькой для Уильяма и двойняшек, носил их на спине и качал на больших ласковых ладонях.

Он знал такие невероятные истории, что любой мальчишка заслушался бы его; он строил модели высоких кораблей, так похожие на настоящие суда во всех деталях, что казалось – они могут в любой момент уплыть за горизонт навстречу волнующим приключениям и унести Тома на своих палубах.

Он обладал богатым репертуаром ругательств и прибауток, которые Том мог повторить лишь в компании Дориана и Гая, потому что произнести такое в присутствии Уильяма или отца, да и вообще кого-то из взрослых означало навлечь на себя мгновенное возмездие.

Том всей душой любил Большого Дэниела.

А кроме его собственной семьи, существовал лишь еще один человек, которого Том любил больше всего. Эболи сидел по другую сторону от Тома, держа в огромных черных руках поводья.

– А ты поддержи-ка мушкетон, – сказал Эболи.

Прекрасно зная, какое удовольствие он доставляет мальчику, Эболи протянул страшное оружие. Хотя ствол мушкетона был короче руки Тома, он мог выпустить двойную порцию крупной дроби сразу из расширяющегося колоколом дула.

– Если на дороге нас попытается остановить разбойник, ты его накормишь хорошим зарядом, Клебе.

Том пребывал вне себя от такой чести и сидел между мужчинами, выпрямившись, мыс- ленно молясь, чтобы ему подвернулся шанс воспользоваться тяжелым оружием, которое он положил на колени.

Эболи называл его «Клебе», что на языке африканских лесов означало «ястреб». Тома приводило в восторг такое прозвище. Эболи учил его языку лесов, «потому что, – объяснял он, – именно туда приведет тебя судьба. Так давным-давно предсказала мудрая и прекрасная женщина. Африка ждет тебя. Я, Эболи, должен подготовить тебя к тому дню, когда ты ступишь на ее землю впервые».

Эболи был принцем своего племени. Рисунок ритуальных шрамов, покрывавших его чер- ное лицо завитками и бороздами, служил доказательством древней крови. Эболи прекрасно обращался с любым оружием, от африканских боевых палок до наилучших рапир из толедской стали. Теперь, когда двойняшки достигли правильного возраста, Хэл Кортни доверил Эболи задачу научить их искусству боя на мечях. Эболи тренировал и Хэла в таком же возрасте, и Уильяма тоже. И выковывал из каждого из них настоящего мастера. Том обходился с клинком с таким же природным умением, как и его отец и единокровный брат, но Эболи огорчало то, что Гай совсем не проявляет такого же пыла в обучении и не выказывает особых способностей.

Дориан как-то раз спросил:

– Как ты думаешь, сколько Эболи лет?

Том ответил с мудростью превосходящего возраста:

– Он даже старше отца! Должно быть, ему лет сто, не меньше.

На круглой, как пушечное ядро, голове Эболи не сохранилось ни единого волоска, ни единой седой пряди, выдающей его истинный возраст. И хотя морщины и шрамы смешивались на его лице, тело Эболи оставалось худощавым и мускулистым, а кожа на нем – гладкой и блестящей, как отполированный обсидиан.

Никто, даже сам Эболи, не знал, сколько ему лет. А истории, которые он рассказывал, зачаровывали даже сильнее, чем рассказы Большого Дэниела. Он говорил о гигантах и пигмеях; о лесах, наполненных невероятными зверями; об огромных обезьянах, которые способны разорвать человека пополам, как будто он какой-нибудь кузнецик; о существах с шеями настолько длинными, что они могут объедать листья с верхушек самых высоких деревьев; о пустынях, где алмазы величиной с яблоко блестят на солнце, как вода, и о горах из чистого золота...

– Когда-нибудь я отправлюсь туда, – пылко повторял Том, дослушав до конца очередную волшебную историю. – Ты поедешь со мной, Эболи?

– Да, Клебе. Однажды мы отправимся туда вместе, – обещал Эболи.

Но пока что карета подпрыгивала и поскрипывала на неровной дороге, расплескивая грязные лужи, и Том сидел между двумя мужчинами, пытаясь скрыть волнение и нетерпение.

Когда они добрались до перекрестка перед Плимутом, увидели висевший на виселице скелет в цепях, все еще одетый в жилет, бриджи и сапоги.

– В воскресенье будет месяц, как он тут висит.

Большой Дэниел приподнял шляпу-треуголку, приветствуя ухмылявшийся череп казненного разбойника, с которого вороны ободрали уже почти всю плоть.

– Бог в помощь, Джон Уоркинг! Замолви там за меня словечко перед Старым Ником!

Вместо того чтобы катить к Плимуту, Эболи повернул лошадей на широкую, хорошо укатанную дорогу, что шла на восток, к Саутгемпτονу и Лондону.

Лондон был величайшим городом в мире. Пять дней спустя, когда путники находились еще в двадцати милях от него, они увидели на горизонте дым. Смог висел в воздухе, смешиваясь с облаками, как огромная коричневатая завеса над полем какого-нибудь сражения. Дорога бежала теперь вдоль берега Темзы, широкой и шумной, кипящей бесконечными процессиями маленьких суденышек, баржей, лихтеров и небольших грузовых лодок, нагруженных до отказа древесиной и строительным камнем, мешками пшеницы и мычащим скотом, ящиками, тюками и бочками – всем, чем торговала нация. Речное движение становилось все более интенсивным по мере того, как они приближались к Пулу, участку Темзы ниже Лондонского моста, – там стояли на якоре большие корабли; и теперь Хэл со спутниками уже проезжали мимо первых домов, окруженных открытыми полями и садами.

Они уже чувствовали запах этого города, а дым сомкнулся над их головами, закрыв солнце. Каждая труба изрыгала смог, усиливавший сумрак. Запах города стал сильнее. Пахло всем сразу – увядшей зеленью и новой одеждой в тюках, испорченным мясом и еще непонятно чем, пахло людьми и лошадьми, крысами и курами, воняло горящим углем и открытыми сточными канавами. Речная вода стала мутно-коричневой, а дорогу заполнили телеги и кареты, повозки и коляски. Открытые поля уступили место бесконечным зданиям, каменным и кирпичным; их крыши прижимались друг к другу, а улицы стали настолько узкими, что на них не могли разъехаться две кареты. Реку почти скрыли склады, выстроившиеся вдоль берега.

Эболи направлял карету через эту мешанину, весело обмениваясь шутками и ругательствами с другими возницами.

Том, сидевший рядом с ним, просто не успевал впитать все это. Его взгляд метался из стороны в сторону, голова вертелась на плечах, и он непрерывно болтал, как взволнованная белка.

Хэл Кортни уступил наконец мольбам Дориана и позволил ему вскарабкаться наверх, в кучерскую кабинку, где мальчик добавил к болтовне и смеху Тома свои восторженные восклицания.

Наконец они переехали через реку по подобному горе каменному мосту, такому массивному, что речные волны ударялись о его опоры и кружились в водоворотах.

По всему мосту стояли будки, из которых торговцы визгливо предлагали проезжавшим свои товары.

– Свежие лобстеры, просто чудо! Живые устрицы и моллюски!

– Эль! Сладкий и крепкий! Выпейте на пенни! Убойное питье на два пенса!

Том увидел, как один мужчина перегнулся через перила моста и его вырвало; немного дальше пьяная уличная девка задрала юбки, присела на корточки и помочилась в канаву. Офицеры в великолепной форме сторожевого полка короля Вильгельма, вернувшиеся с войны, с важным видом расхаживали в толпе в сопровождении хорошеньких девушек в чепчиках.

На реке стояли на якорях военные корабли, и Том нетерпеливо показал на них Дэниелу.

– А, ну да... – Дэниел сплюнул табачную жвачку. – Вон тот – старый «Дрендоут», семьдесят четыре орудия. Он ходил к Мидуэю. А вон тот – «Кембридж».

Дэниел называл такие славные имена кораблей, что Том дрожал от восторга, слыша их.

– Ой, посмотри-ка туда! – воскликнул он вдруг. – Должно быть, это собор Святого Павла.

Том узнал его по картинкам из школьных учебников. Купол, достроенный лишь наполовину и опутанный паутиной строительных лесов, открывался прямо в небо.

Гай услышал его и тут же высунулся в окно кареты.

– Новый собор Святого Павла, – поправил он брата. – Старый полностью уничтожен Великим пожаром. Его строит архитектор мастер Кристофер Рен, и купол будет высотой почти в триста шестьдесят пять футов...

Но внимание двух его братьев, сидевших наверху, уже привлек другой объект.

– Что это с теми домами случилось? – спросил Дориан, показывая на почерневшие от дыма руины вдоль берега реки, между которыми уже стояли новые строения.

– Они все сгорели в Великом пожаре, – ответил Том. – Смотри, там уже строят все заново.

Они проехали через мост на новые оживленные улицы города. Здесь движение экипажей и пешеходов было еще гуще.

– Я здесь бывал до пожара, – сообщил Дэниел. – Задолго до того, как вы, мелкие, вообще появились на свет. Улицы тут были в два раза уже, чем сейчас, а люди выплескивали свои горшки прямо в канавы...

К восторгу мальчиков, он продолжил описывать интересные подробности тех условий, в каких город жил всего лишь двадцать лет назад.

В некоторых открытых экипажах, встречавшихся им, сидели важные джентльмены, одетые по последней моде, а рядом с ними находились леди в ярких шелках и атласе, такие прекрасные, что Том благоговейно таранился на них, уверенный, что это не какие-нибудь простые смертные, а самые настоящие ангелы с небес.

Другие женщины, что выглядывали из окон домов по сторонам улицы, не казались столь возвышенно-небесными. Одна даже заметила Эболи и замахала руками, приглашая его зайти.

– Что она хочет тебе показать, Эболи? – вытаращив глаза, спросил Дориан.

Дэниел растрепал пылающие рыжие волосы мальчика.

– Тебе лучше об этом никогда не узнать, мастер Дорри, потому что после такого ты навсегда лишишься покоя.

Наконец они добрались до «Большой Медведицы», и колеса кареты застучали по булыжникам, когда Эболи подъезжал к постоялому двору. Хозяин выбежал им навстречу, кланяясь и на ходу вытирая руки.

– Сэр Хэл, добро пожаловать! Мы ждали вас только завтра.

– Дорога оказалась лучше, чем я ожидал. Так что добрались быстро.

Хэл вышел, с трудом двигая затекшими ногами.

– Принеси-ка нам сразу легкого пива, чтобы смыть пыль из глоток, – велел он, входя в дом и падая в одно из кресел в передней гостиной.

– Я приготовил для вас ваш обычный номер, сэр Хэл, и комнату для ваших юношей.

– Отлично, и пусть твои конюхи позаботятся о лошадях и найдут местечко для моих слуг.

– Мне принесли записку от лорда Чайлдса, сэр Хэл. Он строго-настрого мне приказал прислать сообщение сразу, как только вы приедете.

– И ты это сделал? – Хэл бросил на хозяина суровый взгляд.

Николас Чайлдс был председателем совета директоров Британской Ост-Индской компании, но управлял ею так, словно она была его личным феодальным поместьем. Этот человек обладал огромным богатством и влиянием в городе и при королевском дворе. Корона была главным владельцем компании, и поэтому Чайлдс пользовался вниманием и благосклонностью самого государя. В общем, к Чайлдсу не следовало относиться пренебрежительно.

– Я только что отправил посланца, – кивнул хозяин.

Хэл одним махом выпил половину большой кружки пива и деликатно рыгнул, прикрыв рот ладонью.

– Ладно, теперь можно и наверх.

Он встал, и хозяин повел его по лестнице, пятясь спиной вперед и кланяясь на каждой третьей ступени.

Хэл одобрил предоставленный ему номер. В нем, кроме спальни, имелись салон и собственная столовая.

Мальчикам выделили комнату напротив, а Уэлшу, их наставнику, – помещение рядом с ними. Здесь им предстояло заниматься, потому что Хэл не желал, чтобы они пропустили уроки хоть на один день.

– Отец, можно нам выйти и посмотреть город? – попросил Том.

Хэл взглянул на Уэлша:

– Они выполнили задания, данные им на время поездки?

– Мастер Гай выполнил. Но остальные... – с чопорно-строгим видом произнес Уэлш.

– Что ж, вам придется выполнить все задания мастера Уэлша, – нахмурился Хэл, глядя на сыновей. – И так, чтобы он остался доволен. Только после этого вы сможете выйти наружу.

Когда Хэл отвернулся, Том скорчил в спину Уэлшу злобную гримасу.

Посыльный от Николаса Чайлдса появился еще до того, как Эболи и Дэниел закончили переносить тяжелые кожаные чемоданы, привязанные к крыше кареты. Ливрейный лакей с поклоном подал Хэлу запечатанный пергамент. Хэл дал лакею монету и ногтем большого пальца сломал восковую печать Ост-Индской компании.

Письмо было написано секретарем.

Лорд Чайлдс просит об удовольствии разделить с Вами ужин сегодня вечером в восемь часов в Бомбей-хаусе.

Ниже красовалась приписка, сделанная затейливым почерком самого Чайлдса:

Единственным гостем будет Освальд Хайд. Н. Ч.

Хэл тихо присвистнул. Ужин наедине с председателем и канцлером его величества короля Вильгельма Третьего!

– Предстоит что-то интересное...

Он улыбнулся, и по его венам пробежал трепет предвкушения.

За оставшееся время Эболи и Дэниел отчистили лошадей и карету от дорожной пыли и грязи, и теперь шкуры лошадей сверкали, как полированный металл. У Хэла имелось достаточно времени, чтобы принять ванну и с помощью горничной подготовить одежду, прежде чем настал назначенный Чайлдсом час.

Окруженный садом Бомбей-хаус стоял за высокими стенами; находилось это здание буквально на расстоянии броска камнем от юридических школ, а от штаб-квартиры Ост-Индской компании на Леденхолл-стрит путь сюда занимал несколько минут неторопливым шагом.

У высоких кованых ворот стояла охрана, но стражи сразу распахнули створки, как только Эболи выкрикнул имя своего хозяина. У двустворчатой двери ожидали трое лакеев, чтобы встретить Хэла и принять у него плащ и шляпу. Затем мажордом повел его через анфиладу роскошных комнат, где висели зеркала и огромные картины, изображавшие корабли, морские сражения и экзотические пейзажи; анфиладу освещал целый лес восковых свечей в хрустальных канделябрах и золоченые масляные лампы, которые держали в изящных руках мраморные нимфы и черные амуры.

Они шли дальше, и огромные публичные помещения уступили место более сдержанному окружению; Хэл понял, что теперь они вошли в приватную часть огромного здания, ближе к кухням и помещениям для слуг.

Наконец они остановились перед дверью настолько маленькой и неприметной, что Хэл легко прошел бы мимо нее. Мажордом негромко стукнул по ней своим посохом.

– Войдите! – прогремел изнутри знакомый голос.

Перешагнув порог, Хэл очутился в небольшом, но роскошно обставленном кабинете. Панели стен скрывались за арабскими и индийскими гобеленами, а в самой комнате едва хватало места для большого стола, уставленного серебряными блюдами и золочеными супницами, от которых исходили соблазнительные ароматы и струйки пара.

– Вы точны, как всегда, – похвалил Хэла лорд Чайлдс.

Он сидел во главе стола, едва помещаясь в большом мягком кресле.

– Вы уж меня извините, Кортни, что не встаю, как положено. Опять болит, черт бы ее побрал.

Он показал на свою ногу, обмотанную бинтами и опиравшуюся на небольшую скамеечку.

– Вы, конечно, уже встречались с Освальдом.

– Да, я имел такую честь. – Хэл поклонился канцлеру. – Добрый вечер, сэр. Нас познакомили у мистера Сэмюэля Пепуса в прошлом августе.

– Добрый вечер, сэр Генри. Отлично помню нашу встречу. – Лорд Хайд улыбнулся и сидя чуть поклонился Хэлу. – Вы не из тех людей, кого легко забыть.

Хэл понял, что вечер начинается лучше некуда.

Чайлдс легким, свободным жестом предложил Хэлу сесть рядом с ним.

– Садитесь сюда, чтобы удобнее было говорить. Снимайте сюртук и парик, чувствуйте себя свободно.

Он посмотрел на густые темные волосы Хэла, лишь едва заметно тронутые сединой, и усмехнулся.

– Ну конечно, вы не носите парика... чертовски разумно! Мы просто рабы моды, все те несчастные, что живут в этом городе.

И Чайлдс, и канцлер, коротко остриженные, сидели за столом в одних рубашках с расстегнутыми воротниками. Чайлдс повязал на шею салфетку, и эти двое явно не стали дожидаться Хэла, чтобы приступить к ужину.

Судя по горе пустых устричных раковин, Чайлдс уже проглотил их несколько дюжин.

Хэл сбросил сюртук и, отдав его лакею, сел на предложенное место.

– Что предпочтете, Кортни, рейнвейн или мадеру?

Чайлдс кивнул одному из слуг, чтобы тот наполнил бокал Хэла. Хэл выбрал рейнвейн. Он по прошлому опыту знал, что вечер будет долгим, а мадера – крепкий напиток, хотя и обманчиво сладкий. Как только бокал Хэла оказался наполнен, а на его тарелке появилась огромная куча колчестерских устриц, Чайлдс взмахом руки отпустил слуг, чтобы ничье присутствие не стало помехой приватному разговору.

И почти сразу они затронули раздражающий всех вопрос войны в Ирландии. Низложенный король Яков отправился из Франции в Ирландию, чтобы собрать армию своих сторонников-католиков, и был атакован силами, преданными королю Вильгельму. Освальд Хайд оплакивал потраченные на эту кампанию деньги, но Чайлдс радовался успешной защите Лондондерри и Эннискиллена армией его величества.

– Можете не сомневаться, как только король разберется с этими ирландцами, он снова полностью сосредоточится на Франции. – Освальд Хайд высосал из раковины очередную устрицу, сохраняя несчастное выражение лица – похоже, таковое ему было присуще от природы. – И мне придется обращаться к парламенту за новыми ассигнованиями.

Хотя Хэл и жил в глуши, он оставался в курсе всех современных событий – в Лондоне у него имелось много друзей, и они регулярно с ним переписывались. Так что сейчас он без труда следил за разговором и даже сам вставлял кое-какие замечания.

– Но у нас ведь не остается выбора, – сказал он. – Как только Людовик вторгся в палатинат, мы стали вынуждены действовать против него по условиям Венского договора.

Его мнение вполне совпало с мнением собеседников, и Хэл почувствовал их одобрение, хотя Хайд и продолжал жаловаться на дороговизну войны на континенте.

– Я согласен, что война с Францией должна случиться, но, видит Бог, мы еще не расплатились за войну с Голландией и за пожар. Черный Парень и Джейми заставили нас задолжать почти каждому банку в Европе!

Черным Парнем прозвали Карла Второго, Веселого Короля. А Джейми называли Якова Второго, вступившего на трон после Карла и правившего три жалких года, пока его неприкрытая склонность к римскому католицизму не вынудила его бежать во Францию. Правитель Нидерландов Вильгельм, четвертый в линии наследования, был приглашен на трон Англии. Его жена Мэри была дочерью Якова, что делало их претензии на престол более серьезными, и, конечно, оба они являлись непоколебимыми протестантами.

Когда с устрицами было покончено, Чайлдс снова призвал лакеев, чтобы те подали другие блюда. И напал на рыбу так, словно перед ним внезапно очутился злейший враг. Потом они перешли к баранине и бифштексам с тремя разными соусами. Скучное рейнское сменилось добрым красным кларетом.

Хэл очень осторожно отпивал из своего бокала, потому что беседа раскрывала перед ним ошеломляющую картину переплетений власти и мировой политики, чего он редко удаивался. И он не мог допустить, чтобы даже лучшее из вин затуманило его разум. А разговор свободно переходил от коронации русского царя Петра к вторжению французов в Канаду, от резни поселенцев в Лашине, учиненной ирокезами, к восстанию маратхов против императора из династии Великих Моголов Аурангзеба в Индии.

Эта последняя новость и подвела беседу к истинной причине нынешней встречи – к делам Британской Ост-Индской компании. Хэл ощутил перемену в настроении собеседников по тому, как они стали смотреть на него.

Их взгляды стали острыми, оценивающими.

– Насколько я понимаю, вы владеете значительной частью акций компании? – небрежным тоном спросил лорд Хайд.

– Да, мне настолько повезло, что я сумел приобрести их, вернувшись с Востока в семидесятые годы, – скромно признал Хэл. – А с тех пор, когда судьба бывала ко мне благосклонна, я от случая к случаю увеличивал свой пакет.

Чайлдс взмахнул рукой, отвергая его скромность.

– Всем прекрасно известны выдающиеся подвиги, совершенные вами и вашим отцом во время войны с Голландией и позже, и то, что вы весьма пополнили свой кошелек военными трофеями и доходами, полученными в результате торговых рейсов на Острова Пряностей¹ и на Восточное побережье Африканского континента.

Он повернулся к канцлеру.

– Сэр Генри держит четыре с половиной процента акций компании, и это без учета приданого Элис Гренвиль, недавно вышедшей замуж за его старшего сына, – сухо закончил он.

На Хайда, явно сразу же мысленно подсчитавшего примерный объем состояния Хэла, это произвело впечатление.

– Вы проявили себя как доблестный и находчивый капитан, – пробормотал Хайд. – И как благоразумный инвестор. Ваше богатство вполне заслужено.

Он продолжал изучать Хэла пристальным взглядом, и Хэл понял, что разговор подходит к главному, ради чего и был затеян.

– Более того, ваши личные интересы тесно связаны с нашими, – тихо продолжил канцлер, потирая стриженую голову так, что короткие жесткие волоски шуршали под его пальцами. – Мы все держатели акций, и крупнейший из нас – корона. А потому недавние события в Восточной Индии отразились на нас весьма болезненно.

Хэл вдруг ощутил страх, от которого у него все сжалось внутри.

Он выпрямился на своем стуле и заговорил глухим голосом:

– Простите, милорды, но я лишь сегодня утром приехал в Лондон и никаких новостей пока что не слышал.

– Значит, вам повезло, потому что новости скверные.

Чайлдс, недовольно фыркнув, поднес ко рту кусок бифштекса с кровью. Он прожевал его, проглотил, потом запил кларетом.

– Две недели назад корабль компании «Йоркширец» встал на якорь в доках. Он шестьдесят два дня шел от Бомбея с грузом хлопка и кошенили и с донесением Джеральда Онгира, губернатора колонии. – Чайлдс нахмурился и покачал головой, ему явно не хотелось произносить следующие слова. – Мы потеряли два корабля. «Минотавр» и «Весна Альбиона».

Хэл откинулся на спинку стула так резко, словно его ударили.

– Но они оба – гордость нашего флота! – воскликнул он.

В это почти невозможно было поверить. Эти величественные, прекрасные корабли были повелителями океанов, их построили не только для того, чтобы перевозить грузы, но и ради престижа великой и процветающей компании, владеющей ими, и ради торжества английской короны, под чьим флагом они ходили.

– Крушение? – рискнул предположить Хэл.

Даже великая компания иногда несет случайные потери. Но... потеря одного такого корабля – ужасный удар. А потеря двух кораблей – это уже настоящее бедствие, стоившее, наверное, сотни тысяч фунтов с учетом их груза.

– Где они разбились? – резко спросил Хэл. – У мыса Агульяс? На коралловых рифах у островов к востоку от Мадагаскара?

– Они не разбились, – зловещим тоном произнес Чайлдс.

– Тогда что?

– Пираты, – ответил Чайлдс. – Корсары.

¹ Так назывались Молуккские острова.

– Вы уверены? Откуда вам это известно?

Корабли компании строились надежно, они могли ходить на большой скорости и имели серьезное вооружение как раз на случай подобных обстоятельств. Чтобы захватить один из них, требовался настоящий военный корабль.

Хэл подумал, что, когда эта весть разнесется, акции компании сразу упадут. И его собственное состояние уменьшится на тысячи, а возможно, и на десятки тысяч фунтов стерлингов.

– Они опоздали уже на несколько месяцев, оба эти корабля. И мы не имели никаких известий о них, – пояснил Чайлдс. – Но похоже, одному моряку удалось сбежать с «Минотавра». Он почти сорок дней провел в море, держась за какие-то обломки крушения; ему повезло в том, что ему досталось немного дождевой воды, а ел он сырую рыбу, которую мог поймать. Наконец его выбросило на побережье Африки. Несколько недель он шел вдоль берега и добрался до португальского поселения в Лобито. Там его взяли на сторожевой корабль, что шел в Бомбей. Он рассказал всю историю губернатору Онгиру, и тот отправил и матроса, и свое донесение сюда на «Йоркширце».

– Где сейчас этот матрос? – резко осведомился Хэл. – Вы с ним говорили? Он заслуживает доверия?

Чайлдс вскинул руку, останавливая поток вопросов.

– Он в надежном месте, с ним хорошо обращаются. Но мы не хотим, чтобы он стал болтать обо всей этой истории на лондонских улицах или в кофейнях.

Хэл кивнул; в этом имелся смысл.

– И – да, я долго с ним говорил. Он кажется разумным парнем, крепким и находчивым. Полагаю, его рассказ верен.

– Что именно он говорит?

– Вкратце это выглядит так. Неподалеку от Мадагаскара «Минотавр» натолкнулся на небольшую лодку-дау, терпящую бедствие, и взял ее команду на борт, пока та не затонула. Но в первую же ночь во время средней вахты спасенные захватили палубу. Они прятали на себе оружие, которым перерезали горла вахтенным. Конечно, команда «Минотавра» без труда справилась бы с такой маленькой бандой пиратов, но почти мгновенно из темноты появился целый флот небольших лодок, явно по сигналу, и те пираты, что уже находились на борту, сумели не подпустить матросов корабля к орудиям и не дали защититься иным образом.

– А этот человек как сбежал?

– Большинство команды «Минотавра» были зарезаны, но этот мужчина, Эл Уилсон, убедил капитана пиратов, что готов присоединиться к ним и помочь им найти другую цель для грабежа. И при первой же возможности Уилсон выскользнул за борт через орудийную амбразуру, прихватив с собой маленький деревянный бочонок в качестве плавучего средства.

Чайлдс открыл серебряную шкатулку и достал из нее длинный коричневый предмет, похожий на обломок сухой коры.

– Табачные листья, свернутые в палочку, – пояснил он. – Испанские, из их американских колоний. Они называют это сигарами. Я стал предпочитать их трубке. Хотите попробовать? Позвольте, я ее подготовлю для вас.

Он некоторое время занимался тем, что нюхал сигару и обрезал от одного ее конца небольшой кусочек.

Хэл взял свернутые листья и подозрительно принялся к ним. Но запах оказался на удивление приятным. Хэл последовал примеру Чайлдса и поджег один конец свертка от протянутого ему Чайлдсом тлеющего фитиля.

Он осторожно пыхнул дымом и обнаружил, что, несмотря на сильное огорчение в связи с услышанными новостями, наслаждается вкусом дыма; сигара показалась ему лучше любой из испытанных им трубок.

К этому времени и канцлер тоже дымил сигарой, и это дало Хэлу несколько минут, чтобы обдумать представленную ему проблему.

– Вы сказали, потеряны два корабля, – сказал он наконец.

– Да, – подтвердил Чайлдс. – «Весна Альбиона» пропала за несколько недель до «Миноватра». Захвачена той же бандой головорезов.

– Почему вы в этом уверены?

– Капитан пиратов хвастал своими подвигами перед тем матросом, Уилсоном.

После очередного долгого молчания Хэл спросил:

– Что вы намерены со всем этим делать, милорд?

И тут же его сердце забилося быстрее, потому что он увидел, как двое его собеседников переглянулись; он наконец впервые заподозрил, почему его пригласили на столь приватный ужин.

Чайлдс тыльной стороной ладони отер с губ и подбородка говяжий жир, а потом подмигнул Хэлу, как какой-нибудь заговорщик.

– Мы намерены послать кого-нибудь, чтобы он разобрался с этим пиратом, Джангири. Так зовут этого бандита – Джангири.

– И кого вы пошлете? – спросил Хэл, уже зная ответ.

– Да вас, конечно же!

– Но, милорд, я давно уже фермер, деревенский сквайр...

– Это всего несколько лет, – перебил его Хайд. – А до того вы были одним из наиболее выдающихся моряков в южных и восточных морях.

Хэл промолчал. Это ведь и вправду так.

Эти двое знали о нем всё.

Им были известны все подробности его походов, а Хайд наверняка имел и его отчеты обо всей добыче, переданной им в казначейство.

– Милорды, но у меня семья, четверо сыновей, о которых нужно заботиться, и нет жены, которая могла бы разделить со мной ответственность. Именно поэтому я не могу больше пускаться в авантюры.

– Да, нам известно, почему вы осели на суше, Кортни, и я искренне вам сочувствую из-за потери вашей супруги. Но с другой стороны, даже ваш младший сын сейчас, должно быть, уже в том возрасте, когда вы сами впервые вышли в море. Почему бы вам не найти местечко на борту хорошего корабля для всех ваших отпрысков?

И это тоже было правдой.

Чайлдс явно разработал свою стратегию с большим вниманием к деталям, но Хэл не собирался уступать так легко.

– Я не могу бросить Хай-Уилд, я отвечаю за него. Без хорошего управления помещьем я могу быстро стать нищим.

– Дорогой сэр Генри, – улыбнулся Хайд. – Мой собственный сын учился в Королевском колледже с вашим Уильямом. Они и до сих пор друзья, постоянно обмениваются письмами. Я так понимаю, что управление вашим имением уже почти полностью перешло к молодому Уильяму, а вы тратите немало времени на соколиную охоту, чтение и воспоминания о старых товарищах по плаваниям.

Хэл вспыхнул от гнева. Так вот что думает Уильям о вкладе отца в управление помещьем и рудниками?

– Если с этим типом, Джангири, не разобраться как можно скорее, мы все станем нищими, – добавил Чайлдс. – Лучше вас никого не найти для такого дела, и мы все это знаем.

– Уничтожение пиратов – задача Королевского военного флота, – упрямо возразил Хэл.

– Да, действительно, – согласился Хайд. – Но к концу года мы уже будем воевать с Францией, и у Королевского флота найдутся куда как более важные дела. И может пройти несколько

лет, прежде чем у адмиралтейства появится возможность обратить внимание на дела в океанах по другую сторону земного шара, а мы не осмелимся ждать так долго. Джангири уже захватил два могучих корабля. Кто скажет, что через год или два он не будет обладать такими силами, чтобы напасть на Бомбей или на наши фактории на побережье Карнатака? Ваша доля акций не будет стоить ничего, если ему такое удастся.

Хэл беспокойно поерзал на стуле, вертя в пальцах ножку бокала. Он ведь втайне ожидал именно этого в течение последних долгих месяцев скуки и безделья. Кровь в нем бурлила, мысли прыгали в разные стороны, как птичка-нектарница на цветущем дереве, когда она перелетает от цветка к цветку, выпивая из них нектар.

– Но у меня нет корабля, – проговорил он наконец.

Он давно продал «Золотую ветвь», сделав это сразу, как только вернулся в Девон. Она ведь постарела, ее корпус наполовину съели морские черви.

– А мне понадобится судно с такой же или даже большей скоростью, чем у «Минотавра» или «Весны Альбиона», – заметил Хэл.

– Я могу предложить вам эскадру из двух прекрасных кораблей, – легко возразил Чайлдс. – Флагманом будет новый «Серафим», лучшее из судов, когда-либо построенных компаниями. Тридцать шесть орудий и быстрый, как чайка. Его как раз заканчивают на верфи в Дептфорде. Он сможет выйти в море к концу этого месяца.

– А второй? – требовательно спросил Хэл.

– Второй – «Йоркширец», тот самый, что привез Уилсона. Он завершит переоснастку уже в конце недели и сможет отправиться в плавание. На нем тоже тридцать шесть орудий. А капитан – Эдвард Андерсон, отличный моряк.

– Я хорошо его знаю, – кивнул Хэл. – Но какие у меня будут полномочия?

Хэл был намерен сопротивляться как можно дольше.

– К завтрашнему полудню, – пообещал Хайд, – я получу для вас свидетельство, подписанное собственной рукой его величества, подтверждающее право искать, уничтожать или захватывать в качестве добычи любые корсарские корабли и любую собственность корсаров.

– Добыча на каких условиях? – Хэл стал слушать очень внимательно.

– Одна треть – короне, одна треть – Британской Ост-Индской компании, остальное – вам и вашей команде, – предложил Хайд.

– Если я все же соглашусь, в чем я пока не уверен, я бы предпочел иметь для себя и команды половину.

– Значит, это правда. – Хайд явно расстроился. – Вы жестко торгуетесь. Но мы можем это обсудить, когда вы согласитесь принять назначение.

– Я бы предпочел, кроме того, иметь право торговать в свою пользу во время рейда.

Один из принципов политики компании гласил: капитаны не могли заниматься частной торговлей и таким образом создавать конфликт интересов и преданности.

Лицо Чайлдса потемнело, он стиснул зубы от ярости.

– Ни при каких обстоятельствах! С этим я не могу согласиться. Это может создать опасный прецедент.

Тут он увидел наконец, что Хэл поставил ему ловушку и что он шагнул прямо в нее.

– Отлично, – тихо произнес Хэл. – Я готов отказаться от этого права, если вы гарантируете мне половину трофеев.

Чайлдс нервно сглотнул и пробормотал что-то насчет наглости, но Хайд мрачно улыбнулся.

– Он вас поймал, Николас. Одно или другое – что выбираете? Половина добычи или право торговли?

Чайлдс явно лихорадочно обдумывал ситуацию.

Трофеи в денежном выражении могли намного превзойти любую прибыль от торговли, какую только мог получить даже такой хитрый и сообразительный моряк на азиатских и африканских берегах, но право торговли было священным и принадлежало компании и только ей.

– Хорошо, – согласился он наконец. – Половина добычи, но никакой торговли.

Хэл нахмурился, но на самом деле остался вполне доволен. Он кивнул как будто с неохотой.

– Мне нужно подумать с неделю.

– У вас нет недели! – запротестовал Хайд. – Ваш ответ нужен прямо этим вечером. Его величество будет ждать моего отчета о встрече утром в своем кабинете.

– Но мне нужно слишком многое решить, прежде чем я смогу взяться за такое поручение.

Хэл откинулся в кресле и скрестил руки на груди окончательным жестом. Если он потянет еще немного, то, возможно, выжмет из них еще и другие уступки.

– Генри Кортни, барон Дартмутский! – негромко заговорил Хайд. – Достаточно ли хорошо звучит такой титул?

Хэл уронил руки и наклонился вперед, настолько захваченный врасплох, что даже позволил своему лицу осветиться надеждой.

Титул! Никогда прежде он не позволял себе даже думать о таком. Но это была одна из тех немногих вещей, которых ему недоставало в этом мире.

– Вы смеетесь надо мной, сэр? – пробормотал он. – Пожалуйста, объясните, что вы имели в виду?

– Немедленно согласитесь на наше предложение, привезите голову этого бандита Джангири в бочке с рассолом – и даю вам торжественное обещание, что вы получите титул барона. Что скажете на это, сэр?

Хэл вдруг усмехнулся. Он был обычным незнатным человеком, пусть и высшего ранга, но при следующем шаге вверх по лестнице он мог оказаться среди знати и в палате лордов.

– Это вы двое умеете жестко торговаться, милорд. И я просто не в силах больше сопротивляться ни вашим уговорам, ни своему долгу.

Он взял свой бокал и поднял его, а две важные персоны последовали его примеру.

– Попутного ветра и удачи! – произнес Хэл в качестве тоста.

– Чистого золота и славы! – нашел кое-что получше Хайд, и они осушили бокалы.

Когда их поставили обратно на стол, Хайд промокнул губы салфеткой и спросил:

– Вы ведь еще не представлены ко двору, сэр?

Хэл отрицательно качнул головой, и Хайд продолжил:

– Раз уж вы в ближайшее время станете одним из пэров, мы должны об этом позаботиться до того, как вы покинете Лондон. В эту пятницу, в два часа дня, король устраивает небольшой прием в Сент-Джеймском дворце, перед тем как отплывет в Ирландию. Я пришлю за вами человека, он вас проводит во дворец.

* * *

Уилсон оказался настоящим сюрпризом. Судя по имени, Хэл ожидал увидеть дюжего английского моряка, говорящего с йоркширским или сомерсетским акцентом. По просьбе Хэла Чайлдс освободил моряка оттуда, где его держали, и прислал к Хэлу на постоянный двор. И теперь он стоял посреди салона в номере Хэла и мял в красивых смуглых руках свою шапку.

– Ты англичанин? – строго осведомился Хэл.

Уилсон уважительно коснулся клока густых темных волос, падавших ему на лоб.

– Мой отец родился в Бристоле, капитан.

– Но не твоя мать? – предположил Хэл.

– Она была из Индии, мусульманка из Моголов, сэр...

Уилсон был даже смуглее собственного сына Хэла, Уильяма, и так же красив.

– Ты говоришь на ее языке, Уилсон?

– Да, сэр, и пишу. Моя мать имела высокое происхождение, прошу прощения, сэр.

– Тогда ты и по-английски можешь писать?

Хэлу нравилось то, как выглядит этот человек, и, если история его побега от Джангири была правдой, он и в самом деле обладал немалой находчивостью и умом.

– Да, сэр.

Хэл не скрывал удивления. Мало кто из моряков владел грамотой. Он задумчиво рассматривал Уилсона.

– Ты говоришь еще на каком-нибудь языке?

– Только на арабском. – Уилсон скромно пожал плечами.

– Все лучше и лучше...

Хэл улыбнулся и перешел на арабский, чтобы проверить Уилсона. Сам он научился арабскому у своей первой жены, Юдифи, и отточил свои знания за время многих путешествий вдоль берегов Африки и Аравии.

– Где ты плавал?

Хэл давно не говорил на этом языке и с трудом подбирал слова.

– Я много лет плавал в основном с арабами.

Уилсон говорил быстро и плавно.

– Кем ты был на «Минотавре»?

– Мичманом, сэр.

Хэл пришел в восторг. Дослужиться в таком возрасте до вахтенного офицера... должно быть, парень очень умен. Хэл решил, что такой человек ему нужен.

– Я хочу услышать от тебя все, что ты можешь рассказать о захвате «Минотавра». Но еще важнее то, что ты сможешь рассказать мне о Джангири.

– Прошу прощения, сэр, но это займет какое-то время...

– У нас весь день впереди, Уилсон. – Хэл показал на скамью у дальней стены. – Садись там.

Уилсон замялся, и Хэл продолжил:

– Ты сказал, на это нужно время. Садись, парень, и начинай.

Повествование матроса заняло почти четыре часа. Уэлш, наставник мальчиков, сидел все это время за столом и делал записи по приказу Хэла.

Уилсон говорил тихо, без эмоций, пока не дошел до описания убийства своих товарищей пиратами.

Тут его голос надломился, и когда Хэл поднял голову и посмотрел на него, он с удивлением увидел, что глаза Уилсона блестят от слез. Он послал за кружкой пива, чтобы моряк мог промочить горло, и дал ему немного времени, чтобы собраться с силами. Но Уилсон отказался от пива.

– Нет, сэр, – сказал он. – Я не пью спиртного.

Хэл изумился и обрадовался. Пьянство было проклятием большинства матросов.

– Никогда? – спросил он.

– Да, сэр, никогда. Моя мать... ну, вы понимаете, сэр.

– Но ты христианин?

– Да, сэр, но я не могу забыть наставлений матери.

– Да, я понимаю...

Видит Бог, он мне нужен, этот человек, подумал Хэл. Это же настоящая драгоценность! Потом ему на ум пришла новая мысль: «За время этого рейда я велю ему научить моих сыновей арабскому. Такой навык понадобится им на побережьях».

К тому времени, как закончился рассказ, Хэл уже ясно и живо представлял все то, что произошло на борту «Минотавра», и того человека, с которым ему предстояло схватиться.

– Я хочу, чтобы ты еще раз все как следует вспомнил, Уилсон. Если вдруг окажется, что ты что-то забыл, какую-то подробность, которая может быть полезной, ты должен вернуться и рассказать мне.

– Хорошо, капитан. – Уилсон встал, собираясь уходить. – Где я вас найду, сэр?

Хэл некоторое время колебался.

– Надеюсь, ты умеешь держать язык за зубами? – спросил он и, когда Уилсон кивнул, продолжил: – Я знаю, что тебе постарались не дать болтать о случившемся на «Минотавре». Но если ты дашь мне слово, что не станешь обо всем рассказывать кому попало, то можешь войти в мою команду. Я ищу хороших вахтенных офицеров. Готов подписаться, парень?

Уилсон почти застенчиво улыбнулся:

– Я много слышал о вас раньше, капитан. Видите ли, мой дядя плавал с вашим отцом на «Леди Эдви́не», а потом и с вами на «Золотой ветви». Он постоянно о вас рассказывал.

– Кто же был твой дядя?

– И был, и есть, капитан. Нед Тайлер.

– Нед Тайлер! – воскликнул Хэл.

Он пять лет не слышал этого имени.

– Но где он?

– На своей ферме рядом с Бристолем. Он купил ее на трофейные деньги, которые заработал на вашем корабле, капитан.

Нед Тайлер. Один из лучших людей, с какими только приходилось плавать Хэлу. В очередной раз Хэл с радостью подумал о том, насколько же тесно связаны между собой все члены морского братства.

– Так что ты скажешь, Уилсон? Подпишешь договор на плавание на «Серафиме»?

– Я буду очень рад плавать с вами, капитан!

– Тогда скажи моему боцману Дэниелу Фишеру, чтобы нашел тебе пристанище до тех пор, пока мы все сможем перебраться на корабль. А потом можешь поупражняться в правописании и сочинить письмо своему дяде Неду. Предложи ему бросить доить коров и выгребать навоз и снова надеть морские сапоги. Он мне нужен.

Когда Уилсон сбежал по узкой деревянной лестнице вниз, в холл гостиницы, Хэл подошел к небольшому окну, что выходило на мощный булыжниками двор перед конюшнями. И, заложив руки за спину, принялся наблюдать за тем, как Эболи учит близнецов управляться с клинком. Гай сидел на тюке сена рядом с Дорианом. Он, должно быть, уже отработал свои упражнения, потому что его лицо покраснелось и покрылось потом, а на рубашке проступили темные пятна. Дориан хлопал его по спине, видимо поздравляя.

Хэл смотрел, как Эболи показывает Тому приемы обращения с оружием, шесть вариантов отражения удара и полный набор выпадов и колющих ударов. Том тоже успел вспотеть, когда Эболи наконец кивнул, предложив начать тренировочную схватку.

– Внимание, Клебе! Противник может использовать с десятков недозволенных приемов.

Хэл прекрасно видел, как Эболи сдерживает свою силу, чтобы соответствовать Тому, но мальчик начал уставать и двигался медленнее. Эболи крикнул:

– Последний раз, Клебе! И теперь я тебя достану!

Лицо Тома напряглось, он встал в четвертую позицию, подняв саблю, внимательно следя за Эболи темными глазами и стараясь предугадать его движение. Клинки соприкоснулись, Эболи выставил вперед правую ногу, грациозный, как танцор, сделал финт, высоко взмахнув клинком, а когда Том яростно парировал удар, Эболи плавно отскочил назад и сделал встречный выпад, стремительно, как гадюка. Том попытался отбить удар снизу, но его руке немножко

не хватило скорости. Сталь ударилась о сталь, и клинок Эболи замер в дюйме от грудного соска, просвечивавшего сквозь белую рубашку Тома.

– Быстрее, Клебе! Двигайся как ястреб! – посоветовал Эболи.

Том плавно отступил. Но запястье Эболи слишком ушло вперед, и клинок сдвинулся в сторону. Похоже, он открыл для удара правое плечо. Том был в ярости и хмурился из-за пропущенного выпада, но заметил ошибку наставника.

Даже сверху, из окна, Хэл видел, как Том чуть заметно вскинул голову.

– Нет, Том, нет! – прошептал он.

Эболи подsunул ему приманку, на которую не раз и не два ловил самого Хэла, когда он пребывал в таком же возрасте... На самом деле Эболи находился на пару дюймов дальше, чем мог достать удар Тома, и, если Том попытается уколоть его в плечо, он снова получит смертельный удар...

Но Хэл просто согнулся от восторга, когда его сын сделал двойной шаг, выпад в сторону плеча, но тут же с ловкостью обезьяны и невероятной для его возраста силой запястья сменил угол атаки и вместо плеча ударил Эболи в бедро.

– Ты его почти достал! – прошептал Хэл, когда Эболи оказался вынужден применить вращение клинка и захватить саблю Тома.

Наконец Эболи отступил назад. И встряхнул головой так, что с его лысины разлетелись в стороны капли пота. Он сверкнул зубами, расплывшись в широкой улыбке:

– Неплохо, Клебе! Никогда не принимай приглашения врага! Отлично! Ты на этот раз почти дотянулся до меня. – Он обнял Тома за плечи. – Ну, на сегодня довольно. Вас ждет мастер Уэлш, пора браться за перо вместо сабли.

– Еще разок, Эболи! – умоляюще воскликнул Том. – На этот раз я точно тебя достану, вот увидишь!

Но Эболи подтолкнул мальчика к двери постоянного двора.

– Эболи точно все рассчитывает, – одобрительно пробормотал себе под нос Хэл. – И не дает им работать сверх сил.

Он осторожно пощупал белый шрам на мочке собственного правого уха и сочувственно усмехнулся.

– Но недалек тот день, когда он прольет пару капель малинового сока мастера Томаса, как сделал однажды со мной, чтобы слегка сбить с мальчика спесь и уверенность в собственном искусстве.

Хэл открыл окно и высунулся наружу:

– Эболи, где Большой Дэниел?

Эболи ладонью стер пот со лба:

– Он каретой занимался. А потом ушел куда-то с этим новым парнем, Уилсоном.

– Найди его и приведи сюда. Я должен вам кое-что сказать.

Немного позже, когда оба здоровяка явились в его номер, Хэл оторвался от документов, что лежали перед ним на письменном столе.

– Садитесь оба.

Он показал на скамью, и они сели на нее бок о бок, словно два школьника-переростка, которых собираются за что-то выбрать.

Хэл начал с Дэниела:

– Я поговорил с Мэйбл. Она говорит, что просто не выдержит еще одну зиму, видя, как ты бродишь вокруг коттеджа, словно медведь на цепи. И она умоляла меня отправить тебя куда-нибудь как можно дальше.

Дэниел ошеломленно уставился на него. Мэйбл была его женой, главной кухаркой в Хай-Уилде, милой пухлой женщиной, веселой и краснощекой.

– Она не должна... – гневно начал Дэниел, но тут же умолк и расплылся в усмешке, заметив искру в глазах Хэла.

Хэл повернулся к Эболи:

– Что до тебя, черный дьявол, то мэр Плимута жаловался мне, что у них в городе просто какая-то эпидемия, лысые темные дети рождаются один за другим, а мужья заряжают мушкеты. Пора уже и тебя отослать на время.

Эболи что-то проворчал себе под нос и расхохотался:

– И куда мы отправимся, Гандвана?

Он назвал Хэла тем прозвищем, которое дал ему еще в детстве; на языке лесов оно означало «тростниковая крыса». В последнее время Эболи редко произносил его, разве что в моменты особых чувств.

– На юг, – ответил Хэл. – Мимо мыса Доброй Надежды. В тот океан, что так хорошо тебе знаком.

– И что мы будем там делать?

– Искать человека по имени Джангири.

– А когда мы его найдем?.. – продолжил Эболи.

– Мы убьем его и заберем все его сокровища.

Эболи немножко подумал:

– Звучит неплохо.

– А что за корабль? – спросил Большой Дэниел.

– «Серафим». Корабль компании, только что спускают со стапелей. Тридцать шесть орудий и шустрый, как хорек.

– А что такое «серафим»?

– Серафимы – это одни из высших ангелов на небесах.

– По мне, оценка на «зет». – Дэниел расплылся в широкой улыбке.

Он, правда, не умел читать и лишь по словам других знал, что оценка на «зет» весьма высока.

Хэл улыбнулся про себя.

– И когда мы увидим этот «Серафим»? – требовательно спросил Дэниел.

– Да прямо завтра с утра. Приготовь карету к рассвету. До верфей компании в Дептфорде долго ехать.

Мужчины хотели уже встать, но Хэл жестом остановил их:

– Нам еще очень многое следует сделать. Начиная с набора команды.

Оба сразу стали серьезными. Подобрать команду для нового корабля, даже самого отличного, всегда оставалось трудной задачей.

Хэл взял одну из бумаг, лежавших перед ним на столе. Она представляла собой афишу, которую он придумал накануне и тут же отправил Уэлша в типографию на Кэнон-стрит, чтобы заказать печать.

Теперь он держал в руках пробный оттиск.

Верхняя строка была отпечатана жирными черными буквами: «НА СОТНИ ФУНТОВ ТРОФЕЕВ!»

Текст внизу был набран буквами помельче, но тоже яркими и затейливыми, и сплошь испещрен восклицательными знаками.

«КАПИТАН СЭР ХЭЛ КОРТНИ, герой голландской войны, опытный моряк, прославленный навигатор, захвативший в плен голландские галеоны „Стандвастигхейд“ и „Хеерлик Нахт“, на своих легендарных кораблях „Леди Эдвина“ и „Золотая ветвь“ совершивший много походов в Африку и на индийские Острова Пряностей, сражавшийся и побеждавший врагов его величества и добывший огромные сокровища и трофеи, готов нанять хороших моряков!

Они нужны на новом корабле!

Это корабль Ост-Индской компании „Серафим“, 36 орудий! Мощь и скорость! На нем есть все, чтобы офицеры и матросы отлично устроились.

Те моряки, которым ПОВЕЗЛО плавать с КАПИТАНОМ КОРТНИ в прошлых походах, получили НАГРАДУ В 200 ФУНТОВ на каждого!

Отправляясь в поход с КАПЕРСКИМ СВИДЕТЕЛЬСТВОМ, подписанным самим ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМ ВИЛЬГЕЛЬМОМ ТРЕТЬИМ (ДА БЛАГОСЛОВИ ЕГО ГОСПОДЬ!), КАПИТАН КОРТНИ будет искать врагов ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА В ИНДИЙСКОМ ОКЕАНЕ, чтобы разбить и уничтожить их и ЗАВОЕВАТЬ БОГАТУЮ ДОБЫЧУ!

И половина этой добычи достанется офицерам и МАТРОСАМ!

Всем НАДЕЖНЫМ МОРЯКАМ, кто ищет службу и удачу, от души предлагаем разделить кружку эля с БОЛЬШИМ ДЭНИЕЛОМ ФИШЕРОМ, старшим офицером „Серафима“, в таверне „БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА“ НА ТЭЙЛОР-ЛЕЙН!»

Эболи прочитал все это вслух для Большого Дэниела, который всегда твердил, что у него слишком слабые глаза для чтения, хотя при этом мог заметить чайку на горизонте и без всяких затруднений вырезал мельчайшие детали, строя модели кораблей.

Когда Эболи закончил декламацию, Дэниел усмехнулся:

– Пожалуй, это отличный повод смыться подальше, и этот знаменитый капитан мне вполне подходит. Черт побери, думаю, я поставлю свой крестик на контракте!

Когда мистер Уэлш вернулся от печатников, пошатываясь под тяжестью огромной пачки афиш, Хэл отправил Дориана и близнецов помогать Эболи и Дэниелу развесить их на каждом углу улиц и на каждой двери таверн и публичных домов вдоль реки и доков.

* * *

Эболи остановил карету на мощеной площадке верфей. Хэл мгновенно выскочил наружу и быстро направился к молу Дептфорда, где его уже ждали Большой Дэниел и Эл Уилсон. Верфи были сплошь покрыты судами всех классов и размеров – от грузовых лодок до военных кораблей. Где-то виднелись едва начатые корпуса, где-то стояли суда, уже полностью готовые к спуску, – они поднимали паруса и шли вниз по реке к Грэйвсенду и к проливу, а иные медленно продвигались вверх против ветра и течения, к Блэкуэллу.

Но во всей этой мешанине невозможно было ошибиться или пропустить «Серафим». Взгляд Хэла моментально нашел его – корабль стоял на якоре в стороне от главного течения, окруженный лихтерами, а на его палубе трудилось множество плотников и мастеров парусного дела.

В то время как Хэл наблюдал, огромная бочка для воды была поднята на лебедках с одного из лихтеров и опущена в кормовой трюм корабля.

– Ты прекрасен! – прошептал Хэл.

Он все оглядывал корабль с почти чувственным наслаждением, словно видел перед собой обнаженную женщину. Хотя реи еще не заняли свои места, высокие элегантные мачты возносились вверх, и Хэл без труда представил множество парусов, которые эти мачты способны нести.

Корпус корабля, выстроенный на редкость удачно, являл собой некий особый компромисс. Корабль имел мощные бимсы и глубокие трюмы для большого груза и тяжелых пушек и отлично подходил для роли вооруженного торгового судна. И в то же время плавные линии носа и кормы обещали большую скорость и послушность рулю при любом ветре.

– Лучшего и не пожелаешь, капитан. На таком корабле можно отправляться за удачей, – проворчал за спиной Хэла Большой Дэниел.

Он выразил вслух невысказанные чувства самого Хэла.

«Серафим» представлял собой сплошное великолепие и роскошь, что соответствовало гордости и престижу Ост-Индской компании. Несмотря на рыскавшие вокруг лихтеры, частично скрывавшие корабль от взгляда, его окраска сияла на неярком весеннем солнце. Он был сплошь золотым и синим, украшен затейливой резьбой, а на носу красовалась фигура крылатого ангела с детским личиком. Орудийные порты были обведены золотом в приятном глазу шахматном порядке, и это подчеркивало мощь корабля.

– Найди лодку! – приказал Хэл.

Когда нанятое суденышко подошло к скользким каменным ступеням, спускавшимся к воде, Хэл легко сбежал вниз и прыгнул на кормовое сиденье.

– Вези нас на «Серафим», – велел Большой Дэниел старику, сидевшему у румпеля, и оттолкнул шлюпку от ступеней.

В лодке воняло нечистотами, которые перепачкали всю ее палубу, – видимо, одним из занятий ее владельца был вывоз ночных сосудов из офицерских кают кораблей, стоявших на якоре на реке; но днем эта же лодка перевозила овощи и пассажиров.

– Это вы будете капитан Кортни, новый командир «Серафима»? – дрожащим голосом спросил лодочник.

– Ты же видел афиши, да? – ответил Большой Дэниел, потому что Хэл слишком сосредоточился на своей новой любви и просто не слышал вопроса.

– У меня двое отличных сильных сыновей, они хотят плавать с вами, – продолжил старик.

– Пусть приходят, я на них посмотрю, – проворчал Большой Дэниел.

Прошло три дня с тех пор, как они развесили афиши, и он уже почти полностью набрал команду.

Он и в мыслях не держал отправляться в тюрьму и подкупать охрану, чтобы ему прислали заключенных получше. Напротив, Дэниел имел возможность выбирать из толпы свободных в этот момент моряков, тут же осадивших трактир. Условия на корабле компании предлагались лучше некуда – и каюты, и жалованье даже сравнивать не приходилось с тем, что предлагал Королевский военный флот.

Каждый бродяга в портах и каждый моряк, недавно сошедший на берег, отлично знал, что вот-вот начнется война с Францией и в каждом порту Британии появятся толпы вербовщиков и потащат на борт военных кораблей всех, кого сумеют поймать. И каждый дурак прекрасно знал, что куда умнее ухватить прямо сейчас отличную возможность и уйти в дальние океаны до того, как начнется эта смертельная игра.

Старший кораблестроитель, стоявший на юте, увидел высокую фигуру в шлюпке и по уверенности Хэла сразу догадался, кто это может быть. И подошел к поручням у трапа, ожидая, пока Хэл поднимется на палубу.

– Эфраим Грин к вашим услугам, капитан.

– Будьте любезны, мистер Грин, покажите мне корабль.

Хэл уже охватил взглядом грот-мачту и все уголки верхней палубы и сразу широким шагом направился к корме; Грин старался не отставать от него.

Они обошли весь корабль, от нижних трюмов до самого верха, и по пути Хэл коротко бросал Большому Дэниелу распоряжения, если видел что-то, что не удовлетворяло его до конца. Дэниел уточнял все для Уилсона, и тот сразу же заносил замечания в большой журнал в кожаном переплете, который нес под мышкой.

Дэниел и Уилсон уже превратились в отличную команду.

Когда Эболи повез Хэла обратно на постоянный двор, Хэл предоставил Дэниелу и Уилсону поискать себе место для ночлега в мешанине бревен и опилок, рулонов новой парусины и огромных бухт пеньковых канатов, занимавших палубы «Серафима». У этих двоих вряд ли нашлось бы время сойти на берег еще раз до того, как корабль будет готов к выходу в море.

– Вернусь завтра, пораньше утром, – пообещал Хэл Большому Дэниелу. – Мне понадобится список того, что уже есть на борту, можешь потребовать его у мастера Грина, и другой список – того, что еще нам нужно.

– Есть, капитан!

– Потом мы займемся грузовой декларацией и начнем приводить корабль в окончательный порядок.

– Да, капитан.

– Потом, если найдешь время, можешь начать поторапливать мастера Грина и его парней насчет парусов, чтобы мы могли выйти в море до начала зимы.

В этот день неприятный легкий ветерок дул с северо-востока, принося запах льда и заставляя людей плотнее заворачиваться в плащи, когда они стояли на открытой палубе.

– Как раз в такие вечера теплые южные ветры как будто шепчут мое имя... – Хэл улыбнулся, собираясь уходить.

Большой Дэниел ухмыльнулся:

– Да я почти чую в муссоне горячую пыль Африки.

Уже давно стемнело, когда карета въехала в мощный двор «Большой Медведицы», но не успел еще Хэл выйти из экипажа, как все его сыновья выбежали из теплой светлой гостиной ему навстречу и потащились следом за ним вверх по лестнице в его личный номер.

По пути Хэл велел хозяину принести ему большую кружку теплого глинтвейна, потому что он насквозь промерз из-за резко сменившейся погоды, затем сбросил плащ на высокую спинку кресла и лишь после этого повернулся к серьезным мальчикам, выстроившимся перед ним:

– Чем я обязан такой чести? Что за делегация, джентльмены?

Он сделал серьезное лицо, под стать серьезности молодых лиц перед собой. Две головы повернулись к Тому, признавая в нем своего представителя.

– Мы хотели подписаться на плавание у Большого Дэниела, – пояснил Том. – Но он отправил нас к тебе.

– В каком вы звании, какой опыт имеете? – поддразнил их Хэл.

– У нас нет опыта, но мы всем сердцем желаем учиться, – сказал Том.

– Это приемлемо для Тома и Гая. Могу взять вас в качестве слуг капитана и назначить жалованье – гинея в месяц.

Лица юношей осветились радостью, но Хэл тут же добавил:

– Однако Дориан для этого слишком молод. Ему придется остаться в Хай-Уилде.

Мальчики ошеломленно застыли, потом близнецы в ужасе повернулись к Дориану.

Дориан изо всех сил пытался сдержать слезы:

– А кто будет обо мне заботиться, если Том и Гай уедут?

– Твой брат Уильям станет управляющим Хай-Уилда, пока я в море, а мастер Уэлш останется с тобой, чтобы ты не забывал об уроках.

– Уильям меня ненавидит, – тихо произнес Дориан, и его голос отчетливо дрожал.

– Ты к нему слишком несправедлив. Он строг, но он тебя любит.

– Он пытался меня убить, – сказал Дориан, – а если тебя не будет, он снова попытается. Мастер Уэлш не сможет ему помешать.

Хэл собрался было покачать головой, но тут в его памяти ярко вспыхнула картина прошлого, он увидел выражение лица Уильяма, когда тот сжимал горло ребенка...

Впервые он взглянул в глаза неприятной реальности и понял, что экстравагантное утверждение Дориана могло оказаться не таким уж далеким от истины.

– Я останусь и буду смотреть за Дорианом, – заявил Том в наступившей тишине.

Его напряженное лицо побледнело.

Хэл интуитивно понял, чего стоило Тому такое заявление: всем своим существом Том рвался в море, но теперь был готов отказаться от этого.

– Если ты так не хочешь оставаться в Хай-Уилде, Дориан, ты можешь переехать к своему дяде Джону в Кентербери. Он брат твоей матери и любит тебя почти так же, как я.

– Если ты действительно любишь меня, отец, ты не оставишь меня здесь. Пусть лучше брат Уильям убьет меня.

Дориан говорил с убеждением и решительностью, странными для столь юного существа, и Хэл оказался захвачен врасплох: он не был готов к такому категорическому отказу.

– Том прав, – твердо поддержал брата Гай. – Мы не можем оставить здесь Дориана. Оба мы не можем. Нам с Томом придется остаться с ним.

Слова Гая поразили Хэла сильнее, чем все остальное. Это было почти неслыханно – чтобы Гай занял такую уверенную позицию в каком бы то ни было вопросе; однако когда он это делал, никакая угроза не могла повлиять на него.

Хэл нахмурился, глядя на сыновей, его мысли беспорядочно кружились. Может ли он взять мальчика такого возраста, как Дориан, в поход, который наверняка окажется невероятно опасным? Потом он посмотрел на близнецов. Он ведь помнил: когда умерла его собственная мать, его отец, сэр Фрэнсис, взял его с собой в море, и сколько тогда ему было лет? Пожалуй, на год или два больше, чем сейчас Дориану.

Хэл почувствовал, как его решительность слабеет.

Потом он прикинул, с чем именно им наверняка придется столкнуться. И представил прекрасное тело Дориана, пронзенное летящими во все стороны обломками в момент обстрела корабля. Подумал о кораблекрушении, о том, как ребенок падает в море и тонет... или на каком-нибудь пустынном африканском берегу его пожирают гиены и прочие мерзкие твари.

Он смотрел на своего сына, на его золотую голову, на невинное и чудесное лицо, похожее на лицо резного серафима на носу его нового корабля...

И снова приготовился произнести слова отказа. Но в этот момент Том жестом защиты положил руку на плечо младшего брата. В этом жесте отсутствовала фальшь, он был исполнен спокойного достоинства, любви и чувства долга... и слова застыли на языке Хэла.

Он медленно, глубоко вздохнул.

– Я подумаю об этом, – ворчливо произнес он. – А пока идите отсюда, все трое. У меня и без того достаточно хлопот для одного дня.

Они попятились, вместе дошли до двери.

– Спокойной ночи, отец.

Когда они очутились в своей спальне, Том сжал плечи Дориана:

– Только не плачь, Дорри. Ты ведь знаешь: когда он говорит «подумаю», это значит «да». Но ты не должен реветь. Если ты отправишься в море со мной и Гаем, ты должен вести себя как мужчина. Понимаешь?

Дориан нервно сглотнул и с силой дернул головой, соглашаясь, но боясь ответить словами.

* * *

По аллее перед входом в Сент-Джеймский дворец тянулась длинная вереница экипажей. Это здание представляло собой нечто фантастическое, похожее на замок для игрушечных солдатиков, с парапетами и башнями; его построил Генрих Восьмой, и им до сих пор пользовались короли.

Когда карета Хэла наконец остановилась, два ливрейных лакея шагнули вперед, чтобы открыть дверцу, и секретарь, которого прислал навстречу Хэлу лорд Хайд, тут же повел гостя в ворота дворца и через двор.

Здесь, у начала парадной лестницы, что вела наверх, в Большую галерею, стояли копье-носцы в стальных шлемах и нагрудных латах; секретарь показал свое удостоверение, и Хэлу позволили пройти. Лакеи доложили о нем зычными голосами:

– Капитан сэр Генри Кортни!

Стражи отсалютовали ему взмахом копий, и Хэл зашагал вверх по лестнице следом за испанским послом и его свитой. Поднявшись, Хэл обнаружил, что вся галерея целиком заполнена блестящим собранием джентльменов; здесь он увидел такую коллекцию великолепных мундиров, медалей, звезд, шляп с плюмажами и роскошных париков, что почувствовал себя деревенским увальнем.

Он огляделся в поисках приведшего его секретаря, но этот идиот уже куда-то исчез, затерявшись в толпе, и Хэл совершенно не представлял, что ему теперь делать.

Тем не менее причин ощущать себя здесь чужим у него не имелось, потому что он надел новый бархатный костюм цвета бургундского, специально сшитый для этого случая, а пряжки на его башмаках были из чистого серебра. На шее Хэла висел знак рыцаря-морехода ордена Святого Георгия и Священного Грааля, принадлежавший прежде его деду, а потом отцу. Это было прекрасное украшение: на массивной золотой цепи крепилась пластинка с изображением золотого льва Англии, и в лапах великолепный зверь с рубиновыми глазами держал земной шар, вокруг которого сияли в небе алмазные звезды.

Знак вполне соответствовал любому из мириад орденов и медалей, что сверкали вдоль всей галереи. У бедра Хэла висел меч Нептуна, и на его эфесе красовался синий сапфир, огромный, как куриное яйцо, а ножны были инкрустированы золотом.

В это мгновение кто-то по-свойски сжал его локоть, и голос Хайда негромко заговорил в ухо Хэла:

– Я рад, что вы смогли прийти. Но нам незачем зря терять тут время. Это же просто сборище павлинов, распутивших хвосты, но есть здесь и кое-кто, с кем стоит встретиться. Позвольте познакомить вас с адмиралом Шовелом. Он будет управлять новой военной верфью, которую король строит в Девенпорте. А еще с лордом Айлешемом – с ним полезно сойтись, он умеет устраивать дела.

Освальд Хайд быстро повел Хэла сквозь толпу – каждая из групп мгновенно расступалась при его приближении. Когда Хайд представлял Хэла кому-нибудь, на него смотрели очень внимательно, отмечая, что перед ними наверняка важная персона, раз уж он протеже самого канцлера.

Хэл заметил, что Хайд постепенно подводит его к красивой двери в конце галереи; в итоге они оказались первыми, с кем должен был встретиться тот, кто выйдет из этой двери.

Хайд наклонился поближе к Хэлу и тихо сказал:

– Его величество вчера подписал ваш патент.

Он достал из рукава камзола свернутый в трубку пергамент. Он был перевязан красной лентой и запечатан воском, на котором красовался оттиск Большой печати Англии с надписью: «*Honi soit qui mal у pense*»².

– Берегите его как зеницу ока.

Он вложил пергамент в ладонь Хэла.

– Не беспокойтесь, – заверил его Хэл.

Этот кусочек пергамента стоил целого состояния, да еще и пэрства.

² «Пусть стыдится тот, кто плохо об этом подумает» (ст. – фр.).

В это мгновение все вокруг задвигались, негромко загудели голоса вдоль всей галереи – дверь резко распахнулась. Вильгельм Третий, король Англии и правитель Нидерландов, на своих маленьких ногах шагнул через порог. На нем были туфли, расшитые морским жемчугом и золотой витой нитью. Все в галерее разом согнулись в поклоне.

Конечно, Хэл знал об уродстве короля, но реальная картина повергла его в шок. Король Англии был ненамного выше Дориана, а его спина выпирала горбом, так что алая с синим мантия ордена Подвязки вздымалась над его маленькой птичьей головой, а массивная золотая цепь ордена, казалось, просто придавливает его к полу.

Рядом с ним его супруга, королева Мария, выглядела настоящей великаншей, хотя она была всего лишь стройной девушкой двадцати с небольшим лет.

Король сразу увидел Хайда и кивком позвал его к себе.

Хайд низко склонился перед королем, подметая пол шляпой. Хэл, стоя на два шага позади, последовал его примеру. Король посмотрел на него через спину Хайда.

– Можете представить вашего друга, – сказал он с сильным голландским акцентом.

Голос у него оказался низким, сильным, совершенно не подходящим к столь детским формам.

– Ваше величество, представляю вам сэра Генри Кортни.

– Ах да. Мореход, – сказал король и протянул Хэлу руку для поцелуя.

У Вильгельма был длинный клювовидный нос, но широко расставленные глаза светились умом.

Хэл изумился тому, что его так сразу узнали, но сказал на хорошем голландском:

– Позвольте заверить ваше величество в моей искренней преданности.

Король бросил на него острый взгляд и ответил на том же языке:

– Где вы научились так хорошо говорить?

– Я провел несколько лет на мысе Доброй Надежды, ваше величество, – пояснил Хэл.

Он гадал, известно ли королю, что Хэл находился там в плену у голландцев. Темные глаза Вильгельма блеснули весельем, и Хэл понял, что королю все известно, – видимо, Хайд ему рассказал.

Но Хэлу казалось очень странным, что король Англии прежде являлся его злейшим врагом и что, будучи солдатом, брал верх над многими из тех английских генералов, которые теперь выстроились вдоль галереи, готовые выразить ему уважение и преданность.

– Надеюсь вскоре получить от вас хорошие вести, – сказал маленький человек, и королева кивнула Хэлу.

Он снова поклонился, и королевская свита двинулась дальше по галерее.

Встреча Хэла с монархом закончилась.

– Идите за мной, – сказал Хайд и потихоньку повел его к какой-то боковой двери.

Когда они вышли, он продолжал:

– Все прошло отлично. У короля изумительная память. Он вас не забудет, когда придет время попросить ту награду, о которой мы говорили.

Хайд протянул Хэлу руку:

– Вот эта лестница выведет вас во двор. Прощайте, сэр Хэл. Мы уже не увидимся до того, как вы отправитесь в поход, но я тоже ожидаю получить от вас хорошие вести о деяниях на Востоке.

* * *

Два корабля вместе двинулись вниз по реке. «Серафим» шел впереди, а «Йоркширец» следом, в двух кабельтовых от него. На «Серафиме» все еще оставались рабочие с верфи. Они

не сумели завершить все работы к назначенной дате, как искренне обещали, но Хэл все равно снялся с якоря.

– Я отправлю ваших людей на берег, когда мы дойдем до Плимута, – сказал он мастеру Грину, кораблестроителю. – Если, конечно, они закончат все к тому времени. А если нет, я просто выброшу их в Бискайский залив, и пусть себе плывут домой.

Команда «Серафима» пока что не слишком ловко справлялась с делом. Хэл посмотрел назад, за корму, и увидел, какой резкий контраст с его новыми людьми представляет команда «Йоркширца» – там ставили паруса быстро и сноровисто. Эдвард Андерсон, капитан «Йоркширца», тоже наблюдал, и Хэл покраснел от стыда за неумелость своих людей.

Но он поклялся, что все кардинально изменится до того, как они дойдут до мыса Доброй Надежды.

Когда они вышли в открытые воды пролива, ветер сменил направление и усилился, превращаясь в осенний шторм.

Солнце скрылось за тучами, море обрело мрачный зеленый цвет и забурило. Ночная темень наступила прежде времени, так что два корабля потеряли друг друга из вида еще до того, как миновали Дувр.

Несколько дней «Серафим» болтался на волнах, но, когда они наконец прошли остров Уайт, Хэл обнаружил «Йоркширца» всего в четырех милях от себя, он шел тем же курсом.

– Отлично!

Хэл кивнул и сложил подзорную трубу.

Он пока что не утвердился в своем мнении об Андерсоне. Капитан «Йоркширца», крепкий уроженец Йоркшира, краснолицый, не улыбочивый и неразговорчивый, похоже, не желал признавать старшинство Хэла над собой. Но несколько последних дней, по крайней мере, доказали, что на него можно положиться.

Хэл снова сосредоточился на «Серафиме». Команда уже лучше справлялась с делом, потренировавшись в сложных условиях, и люди вроде бы работали бодро и с охотой, как и следовало. Хэл предложил хорошее жалованье, чтобы сохранить за собой лучших, но разницу между тем, что давала компания, и своим предложением он возмещал из собственного кармана.

Как раз в это время трое мальчиков появились у сходного трапа; мастер Уэлш отпустил их с занятий. Возбужденные, они вели себя шумно и ни в малейшей мере не страдали от морской болезни, после того как море несколько дней штормило. Эболи нашел им подходящую для моря одежду еще в Лондоне, где вдоль доков расположилось множество мелких лавок. Мальчишки неплохо устроились на судне, к тому же обладали лучшей экипировкой по сравнению с той, что имелаась в свое время у Хэла, когда он впервые вышел в море со своим отцом.

Старик считал, что юнца нельзя баловать, и Хэл отлично помнил свои грубые парусиновые штаны и пропитанный смолой бушлат, жесткий от морской соли, натиравший под мышками. А штаны натирали между бедрами. Хэл грустно улыбнулся при воспоминании о том, как он спал рядом с Эболи на сыром соломенном тюфяке на открытой палубе, вместе с рядовыми матросами, как ел, сжавшись под прикрытием одного из орудий, управляясь с рагу пальцами и кинжалом, как грыз твердые галеты, как пользовался для особых нужд кожаным ведром; и он ни разу не мылся от начала и до конца плавания. «Это меня немного обижало, – думал Хэл. – Но, с другой стороны, принесло некоторую пользу».

И все-таки он считал, что с молодым человеком необязательно обращаться как со свиньей, чтобы сделать из него хорошего моряка.

Конечно, и условия и обстоятельства его первого плавания с отцом были совсем другими. Старая «Леди Эдвины» была вполтину меньше «Серафима», и даже каюта его отца выглядела

собачьей будкой по сравнению с просторной каютой на корме, которая теперь имелась в распоряжении Хэла.

Хэл велел рабочим отделить перегородкой небольшую часть его каюты, чуть побольше буфета для посуды, и устроить там три узкие полки, служившие теперь койками для его сыновей.

Мастера Уэлша он нанял на должность служащего при капитане, невзирая на протесты воспитателя, твердившего, что он вовсе не моряк. От него требовалось продолжать обучение мальчиков, используя собственную крохотную каюту как классную комнату.

И теперь Хэл с одобрением наблюдал, как Дэниел мгновенно перехватил орущих мальчишек, стоило тем появиться на палубе, и сурово приказал выполнять те задания, которые он им дал. Дэниел разделил двойняшек, поставив Тома на вахту правого борта, а Гая отправив на левый борт. Они постоянно дурно влияли друг на друга. Близость Гая подталкивала Тома к тому, чтобы показать себя, в то время как Том отвлекал Гая своими выходками. Дориана же послали на камбуз помогать коку готовить завтрак.

Хэла слегка кольнула тревога, когда он подумал, что Дэниел мог отправить двойняшек на мачты, чтобы помогать управляться с парусами, но ему не о чем было беспокоиться: требовалось время, для того чтобы у парней как следует окрепли ноги и они научились легко балансировать на качающейся палубе. А пока Дэниел держал их на открытой палубе.

Хэл знал, что вполне может оставить сыновей под внимательным взглядом старого соратника, и занялся другими проблемами. Он мерил шагами ют, прислушиваясь к тому, как живет под ним корпус корабля, ощущая, как судно отзывается на каждое изменение в положении парусов.

Корабль немного ныряет носом, решил он, когда «Серафим» захлестнула зеленая волна; вода прокатилась по палубе и ушла в шпигаты. Все последние дни он представлял, как именно следует перераспределить груз в трюмах, в особенности тяжелые бочки с водой, чтобы достичь нужного продольного угла наклона корабля. Он прикинул, что тогда скорость может увеличиться на два узла.

Да, Чайлдс отправил его в военный поход, однако главной заботой Ост-Индской компании всегда являлась прибыль, поэтому трюмы «Серафима» ломались от разных товаров, которые следовало доставить в фактории компании рядом с Бомбеем.

Пока часть сознания Хэла занималась распределением грузов, другая часть наблюдала за командой. Хэлу все еще не хватало вахтенных офицеров. Это и стало главной причиной, чтобы он шел к Плимуту, вместо того чтобы отправиться напрямик вокруг французского побережья, пересечь Бискайский залив и пойти прямо на юг, к глыбе Африканского континента, и далее – к мысу Доброй Надежды. Плимут был «домашним» портом, и Дэниел с Эболи знали в городе и окрестностях почти всех мужчин, женщин и детей.

– Я могу заполнить судовой список лучшими в Англии людьми уже через день после того, как сойду на причал в Плимуте! – хвастал Дэниел.

И Хэл знал, что это действительно так.

К удовольствию Хэла, Уилсон сообщил ему:

– Мой дядя Нед прислал весточку, что будет ждать нас там.

Хэлу очень хотелось заполучить на «Серафим» Неда Тайлера.

Но, кроме нужды пополнить команду, имелись и другие причины для этого вояжа. В Лондоне просто не представлялось возможным найти нужное количество пороха и зарядов. Ирландская война привела к тому, что военного снаряжения не хватало, а теперь, когда на горизонте маячила еще и война с Францией, адмиралтейство наложило лапу на каждый бочонок пороха и на каждое пушечное ядро.

Однако Хэлу принадлежал один из складов в доках Плимута, который до отказа был забит бочками пороха и железными ядрами и пулями. Хэл приготовил все это, готовясь к последнему походу на «Золотой ветви», от которого вынужден был отказаться, когда мать Дориана умерла и оставила ему младенца. И хотя припасы лежали там уже несколько лет, Хэл тогда закупил новомодный порох, который не портился так быстро, как порох старых сортов, а значит, должен был остаться в хорошем состоянии.

И наконец, имелась еще одна причина зайти в Плимут.

Чайлдс навязал Хэлу пассажиров, которых следовало доставить на фабрику компании рядом с Бомбеем, и они должны были ждать его в порту. Чайлдс не сказал, сколько там человек, и Хэл только надеялся, что их окажется немного. Помещений на любом корабле всегда не хватало, даже на таком большом, как «Серафим», и кому-то из его офицеров придется уступить свои каюты пассажирам...

Хэл так погрузился в свои проблемы, что ему казалось, будто они только что прошли мимо острова Уайт. Но они уже огибали мыс Гара, шли мимо острова Дрейка по проливу Эресунн к Плимуту.

На берегу несколько десятков зевак наблюдали за двумя красивыми кораблями, подходившими к причалу.

Дэниел остановился рядом с Хэлом и проворчал:

– Видишь вон ту седую голову, что сияет, как маяк? – Он кивнул в сторону набережной. – Таковую сразу заметишь, да?

– Боже, да это мастер Нед! – захохотал Хэл.

– А рядышком Уилл Картер. Похоже, Нед взял его на буксир, – кивнул Дэниел.

– Хороший парень наш Уилл.

– С ним как с третьим помощником и с Недом ты, похоже, получишь всех своих вахтенных офицеров, капитан, сэр.

Как только они причалили, Нед Тайлер мгновенно очутился на палубе, и Хэл с трудом удержался от того, чтобы обнять его.

– Рад тебя видеть, мистер Тайлер!

– И я, – кивнул Нед. – И кораблик у вас под ногами симпатичный, но только он ныряет носом, а паруса похожи на ком грязных простыней в день большой стирки.

– Но ты же всем этим займешься, Нед, разве не так? – сказал Хэл.

Нед скорбно кивнул:

– Ладно, займусь, капитан.

Несмотря на дурные дороги, Эболи уже добрался сюда из Лондона со своей каретой и теперь ждал на причале, сидя в кучерской кабинке. Хэл приказал Дэниелу начать перевозку пороха со склада и вытащить из трюма «Серафима» бочки с водой на причал, чтобы перераспределить груз, обращая особое внимание на продольный угол наклона корпуса корабля. А потом позвал сыновей, и они направились туда, где их ждал Эболи с лошадьми.

Гай последовал за отцом послушно, даже с некоторым облегчением.

А вот Том и Дориан спустились по трапу на твердую землю лишь после многих попыток отвертеться от поездки, они даже изо всех сил старались как можно дольше прощаться с теми членами команды, с которыми успели подружиться.

Эти двое чувствовали себя на борту корабля так, словно родились для моря.

Впрочем, подумал Хэл, это и в самом деле так. Он усмехнулся.

– Эй, поскорее, вы двое! Можете вернуться завтра и помочь Большому Дэниелу с перегрузкой.

Как только мальчики вскарабкались в кабинку к Эболи, Хэл сказал:

– Вези нас в Хай-Уилд, Эболи.

* * *

Немного позже, когда карета миновала ворота в каменной стене, означавшей границу имения, Том, посмотрев вперед, увидел одинокого всадника, рысью скакавшего через вересковую пустошь; тот явно собирался встретиться с каретой у подножия холма.

Даже издали было видно, что это высокий человек во всем черном; он сидел на черном жеребце и ехал со стороны оловянного рудника у Ист-Рашвулда.

Дориан в то же самое мгновение увидел Черного Билли и придвинулся немного ближе к Тому, словно ища защиты; но оба мальчика не произнесли ни слова.

Уильям направил коня к живой изгороди. Конь и всадник взлетели в воздух, и черный плащ развевался за спиной Уильяма, – и вот уже конь приземлился и тут же повернул к дороге, навстречу карете.

Уильям не обратил внимания ни на Эболи, ни на двух младших братьев в кучерской кабинке, а просто развернул жеребца и поехал рядом с каретой.

– Рад встрече, отец! – крикнул он Хэлу в окошко кареты. – Добро пожаловать в Хай-Уилд! Мы уже соскучились.

Хэл выглянул в окно, улыбаясь, и они с сыном погрузились в оживленную беседу.

Уильям быстро сообщил обо всем, что происходило в отсутствие Хэла, уделяя особое внимание работе рудников и сбору урожая.

Они проехали мимо холма к большому дому, и вдруг Уильям прервал рассказ, издав раздраженный возглас.

– Ох! Я забыл упомянуть, что из Брайтона приехали твои гости. Они уже два дня тебя ждут.

– Мои гости? – Хэл явно был озадачен.

Уильям хлыстом показал на фигуры вдаль, на лужайке. Высокий солидный джентльмен стоял рядом с двумя леди, а две девочки в ярких передниках уже наперегонки мчались по траве навстречу карете, взвизгивая от возбуждения, словно кипящий чайник.

– Девчонки! – презрительно проговорил Дориан. – Мелкие девчонки!

– Но там и постарше есть, – заметил Том.

Его острый взгляд уже приметил стройную фигурку одной из тех, что держали под руки осанистого джентльмена.

– И чертовски хорошенькая!

– Поосторожнее, Клебе! – проворчал Эболи. – Последняя сбросила тебя в воду.

Но Том уже насторожился, как гончая, почуявшая птицу.

– Да кто они такие, черт побери? – раздраженно спросил Уильяма Хэл.

Его настолько поглощала подготовка корабля к дальнему плаванию, что появление неожиданных гостей в Хай-Уилде выглядело совершенно несвоевременным.

– Некий мистер Битти и его семейство, – ответил Уильям. – Мне сказали, что ты их ждешь, отец. Разве это не так? Если нет, сейчас же велим им собрать вещички.

– Да будь я проклят! – воскликнул Хэл. – Совсем забыл! Должно быть, это те самые пассажиры «Серафима», которых я должен отвезти в Бомбей. Битти, похоже, и есть новый генеральный ревизор компании. Но Чайлдс не упомянул, что с ним будет целая толпа. Вот досада! Четыре женщины! И где, черт подери, я найду для них место?

Хэл, однако, постарался скрыть свое раздражение, когда вышел из кареты и поздоровался с семейством:

– Мистер Битти, к вашим услугам, сэра. Лорд Чайлдс мне о вас сообщил. Надеюсь, вы спокойно добрались до Девона?

По правде говоря, Хэл ожидал, что пассажиры найдут себе жилище в порту, а не явятся в Хай-Уилд, но он изобразил на лице приветливость и повернулся к жене Битти.

Миссис Битти обладала дородным телом, как и ее муж, и это неудивительно: они уже двадцать лет сидели за одним обеденным столом. Лицо у нее было красным и круглым, как детский мячик, но из-под оборок ее чепчика выглядывали девичьи кудряшки. Она со слоновьей элегантностью присела перед Хэлом в реверансе.

– Я очарован, мадам! – галантно произнес Хэл.

Она хихикнула, когда Хэл поцеловал ей руку.

– Могу я представить вам мою старшую дочь, Кэролайн?

Леди прекрасно знала, что сэр Генри Кортни не просто один из богатейших людей в Девоне и крупный землевладелец, но еще и вдовец.

Кэролайн было почти шестнадцать, и она выглядела прелестно. Миссис Битти тут же прикинула, что разница в возрасте между ней и Хэлом около двадцати пяти лет, и такой же была разница в возрасте между нею самой и мистером Битти. Впереди было долгое путешествие, много времени для того, чтобы зародилась дружба... и ведь иногда мечты сбываются?

Хэл поклонился девушке, присевшей в реверансе, но не сделал попытки поцеловать ей руку. Его взгляд перешел на двух девочек, скакавших как кузнечики вокруг родителей.

– А кто эти две юные леди? – поинтересовался он с отеческой улыбкой.

– Я Агнес!

– А я Сара!

К тому времени, когда они дошли до крыльца и парадной двери Хай-Уилда, Хэл уже держал за руки обеих девочек, а они обе болтали и подпрыгивали, таращась на него и добиваясь внимания.

– Ему всегда хотелось иметь дочь, – негромко сказал Эболи, нежно наблюдая за своим хозяином. – А он только и получил что целую банду озорников!

– Да это же просто девчонки! – высокомерно бросил Дориан.

Том промолчал. Он вообще не сказал ни слова с тех пор, как подошел к Кэролайн достаточно близко, чтобы рассмотреть ее как следует. И с того момента был сражен.

Кэролайн и Гай поднялись по ступеням следом за остальными. Они о чем-то разговаривали, но наверху Кэролайн остановилась и оглянулась. И ее взгляд встретился со взглядом Тома.

Девушка была так прекрасна, что прежде Том и вообразить не мог подобного. Она была такого же роста, как и Гай, но обладала узкими плечами и тонкой гибкой талией. Крошечные ножки в нарядных туфельках загадочно выглядывали из-под кружевных слоев панталон и юбок. Руки, едва прикрытые пышными рукавами, сияли светлой безупречной кожей. Тонкое лицо, пухлые розовые губы, большие фиолетовые глаза...

Она посмотрела как будто сквозь Тома без какого-либо выражения, ее лицо выглядело спокойным и неулыбчивым, она словно бы и не видела Тома, он для нее как будто и не существовал... А потом она отвернулась и вместе с семьей направилась в дом. Том только теперь заметил, что сдерживает дыхание, и наконец шумно вздохнул.

Эболи покачал головой. Он ничего не упустил. И подумал, что им предстоит долгое путешествие. И возможно, опасное...

* * *

«Серафим» уже шесть дней стоял у причала. Даже притом что Нед Тайлер и Большой Дэниел постоянно подгоняли рабочих, те не смогли закончить все дела раньше. Но только тогда, когда последний стык был подогнан и закреплен, а последний клин вбит на место,

Дэниел велел рабочим собрать вещички и сесть в почтовую карету, чтобы вернуться на верфи в Дептфорде.

К этому времени весь груз, провизия и оружие были вынесены из трюмов «Серафима» и уложены заново, а Хэл, стоя в заливе на одном из баркасов, проверял продольный угол наклона корабля. Эдвард Андерсон с «Йоркширца» проявил доброжелательность и прислал собственную команду, чтобы помочь Хэлу в тяжких трудах.

А тем временем Нед отослал всю парусину в мастерскую по изготовлению парусов. Он лично проверил каждый стежок и каждый подгиб, и то, что ему не понравилось, заставил переделывать. А потом он наблюдал за тем, как каждый парус распаковывают, помечал его и убирал в специальные ящики, чтобы все оставалось под рукой.

Разобравшись с парусами, Нед занялся инспекцией запасных брусев, рей и прочего и лишь потом вернул их на борт. Том таскался следом за ним, постоянно задавая вопросы и жадно набираясь знаний обо всех тонкостях морского дела.

Хэл лично выпил по ковшу воды из каждой бочки, прежде чем их вернули в трюмы, – он хотел удостовериться, что их содержимое свежо. Кроме того, он открыл каждый третий бочонок с солониной и заставил корабельного хирурга доктора Рейнольдса проверить качество свинины и говядины, а также сухих галет и муки, желая, чтобы вся пища на корабле была наилучшей. Все прекрасно знали, что к тому времени, когда они доберутся до мыса Доброй Надежды, вода может позеленеть, в сухари может пробраться долгоносик, однако Хэл был полон решимости хотя бы начать долгий путь с надежными продуктами. Команда прекрасно заметила его озабоченность, и матросы одобрительно переговаривались об этом между собой.

– Немногие капитаны так-то вот хлопочут! Некоторые берут поганую свинину в адмиралтействе, просто чтобы сэкономить гинею-другую!

А еще Хэл вместе со своими артиллеристами как следует проверил порох, удостовераясь, что в бочонки не пробралась влага.

После этого они выложили на палубу все мушкетеры, сто пятьдесят штук, и убедились, что кремни в них крепкие и при ударе пускают фонтаны искр на порох.

Палубные орудия выкатили на открытое место и смазали как следует их лафеты. Расставили по местам фальконеты и малые пушки, а также отправили необходимое вооружение в гнезда на мачтах. Все было организовано так, чтобы ничего не препятствовало, пройдя рядом с вражеским кораблем, осыпать его градом снарядов с любого борта.

А кузнец и его помощники занимались тем, что затачивали абордажные сабли и топоры и укладывали их на высокие оружейные стойки, чтобы в нужный момент все это команда могла быстро схватить.

Хэл долго ломал голову над корабельным расписанием, подбирая для каждого члена команды правильное место во время боя. Потом ему пришлось еще как следует подумать над размещением нежданных пассажиров. В конце концов он выставил сыновей из их новой каюты и отдал ее трем сестрам Битти, а третьему помощнику Уиллу Картеру пришлось уступить свою каюту, совсем крошечную, мистеру Битти и его жене. Двум их весьма объемистым телам предстояло втиснуться в маленькое помещение, и Хэл лишь усмехался, мысленно представляя эту картину.

Потом в кормовой каюте «Серафима» Хэл провел долгие часы с Эдвардом Андерсоном, капитаном «Йоркширца», разрабатывая с ним систему сигналов, с помощью которой они могли бы поддерживать связь в открытом море. Уже сорок лет назад трое моряков с «Генерала морей» – Блэйк, Дин и Монк – создали новейшую систему сигналов: с помощью флагов днем и с помощью фонарей ночью. Хэл раздобыл экземпляр их брошюры, которая называлась

«Инструкция для лучшего управления флотом во время боев», и они с Андерсоном воспользовались пятью флагами и четырьмя фонарями как основой для собственного набора сигналов.

Значение флагов зависело от их сочетания и положения на реях. Ночью фонари следовало выставлять в определенном порядке по вертикали и горизонтали, квадратом либо треугольником, на грот-мачте и грот-рее.

Договорившись о сигналах, капитаны согласовали также места встреч на случай, если корабли потеряют друг друга в море в условиях дурной видимости или во время сражения. В конце этих долгих обсуждений Хэл обрел уверенность, что достаточно хорошо узнал Андерсона и вполне может ему доверять.

На седьмые сутки после возвращения из Плимута подготовка к выходу в море завершилась, и в последний день в порту Уильям устроил в столовой Хай-Уилда роскошный ужин.

Кэролайн посадили между Уильямом и Гаем за длинным обеденным столом. Том сидел напротив нее, однако стол был слишком широк для непринужденной беседы через него. Но это не имело значения, потому что Том впервые совершенно не мог придумать, что сказать. Он мало ел, почти не притрагиваясь к лобстеру и морскому языку, своим любимым блюдам. Он с трудом мог оторвать взгляд от чудесного, безмятежного лица девушки.

Зато Гай почти сразу выяснил, что Кэролайн любит музыку, и они нашли общий язык. Гай под руководством мастера Уэлша научился играть на клавесине и лире, изящном, модном струнном инструменте. Том же не проявил никаких способностей в этом деле, а что до его пения, то мастер Уэлш говорил, что от него любая лошадь встанет на дыбы.

Во время их пребывания в Лондоне мастер Уэлш водил Гая и Дориана на какой-то концерт. У Тома очень кстати заболел живот, что позволило ему не ходить с ними, но теперь он горько об этом сожалел, наблюдая, как Кэролайн с откровенным восторгом слушает рассказ Гая о том вечере, о музыке и о блестящем лондонском обществе. Гай, похоже, мог даже припомнить, какие именно платья и драгоценности надела женщины на концерт, и большие фиолетовые глаза не отрывались от него.

Том попытался отвлечь ее внимание от Гая рассказом об их посещении Бедлама в Мурфилде, где они видели сумасшедших в железных клетках.

– Когда я бросил в одного из них камень, он схватил собственное дерьмо и швырнул в меня! – с удовольствием сообщил он. – К счастью, в меня он не попал, зато угодил в Гая.

Верхняя губа Кэролайн, похожая на бутон розы, слегка приподнялась, словно она учуяла то, о чем ей поведали, а ее взгляд, ставший пронзительным, как у василиска, прошил Тома насквозь, заставив его онеметь. А она опять повернулась к Гаю.

Дориан, напряженно выпрямившись, сидел между Агнес и Сарой в самом конце стола. Девочек скрывал от взглядов родителей ряд букетов в серебряных вазах и высокие канделябры. Они хихикали и перешептывались в течение всего ужина, болтали всякую ерунду, обменивались пустыми шутками, которые им самим казались умными, и им даже приходилось прикрываться салфетками, чтобы сдержать веселье.

Дориан буквально корчился от смущения и страха, что лакеи, стоявшие за спинами гостей, могут рассказать о его страданиях в комнатах слуг. Тогда даже последний мальчишка с конюшен, бывший его закадычным дружкой, начнет его презирать как простофилю.

Во главе стола сидели Хэл и Уильям, а также мистер Битти и Эдвард Андерсон, и они говорили о короле.

– Бог свидетель, я вовсе не рад тому, что на троне сидит голландец, но, вообще говоря, этот маленький джентльмен в черном бархате уже проявил себя как воин, – заметил Битти.

Хэл кивнул:

– Да, он сильно сопротивляется Риму и не любит французов. Одно это вызывает во мне преданность. Но я также нахожу его человеком с острым взглядом и умом. Думаю, он будет для нас хорошим королем.

Элис Кортни, молодая жена Уильяма, сидела рядом с Хэлом, бледная и тихая. В противоположность первым дням влюбленности и послушности она вообще не смотрела через стол на своего мужа. Сбоку на ее лице, под ухом, виднелся темный синяк, который она попыталась скрыть под слоем рисовой пудры и припрятать под локоном темных волос. Она весьма односложно отвечала на болтовню миссис Битти.

В конце ужина Уильям встал и постучал серебряной ложкой по своему бокалу, требуя внимания.

– Поскольку я остаюсь отвечать за все, пока остальные члены моей любимой семьи отправляются в дальний вояж... – начал он.

Том спрятался за большим букетом, чтобы его не видели Уильям и отец, и, сунув палец в рот, изобразил сильную тошноту.

Дориан счел это таким забавным, что закашлялся и подавился от смеха, и поспешил сунуть голову под стол.

Кэролайн бросила на Тома короткий надменный взгляд и передвинула свой стул так, чтобы Том не видел ее за цветами. Не обратив внимания на все эти моменты, Уильям продолжил:

– ...Я знаю, отец, что ты, как и много раз прежде, вернешься к нам с еще большей славой и на корабле, нагруженном богатствами. Я буду жить в ожидании этого дня. Но пока ты здесь, я хочу, чтобы ты знал: дела семьи здесь, в Англии, будут находиться под моей неусыпной заботой.

Хэл откинулся на спинку стула, полуприкрыв глаза, и с улыбкой слушал торжественные клятвы старшего сына. Но когда Уильям упомянул о своих троих единокровных братьях, Хэл ощутил укол сомнения: в голосе Уильяма что-то изменилось.

Хэл резко открыл глаза и увидел, что Уильям смотрит на Тома, сидящего в конце стола. Ледяной темный взгляд Уильяма так не соответствовал теплоте произносимых слов, что Хэл сразу понял: все, что говорил старший сын, было неискренним.

Уильям ощутил недовольство отца и оглянулся на него, мгновенно скрыв свою злобу. Его лицо тут же вновь засияло нежностью, смешанной с грустью от неминуемой разлуки с любимыми.

Однако то, что Хэл успел увидеть в глазах Уильяма, вызвало у него целый поток мыслей и одновременно странное предчувствие, дурное и тяжелое, что он в последний раз сидит за таким вот столом вместе со всеми своими сыновьями. «Ветер риска и опасностей унесет всех нас прочь, – подумал он, – и каждый отправится собственным курсом. Кто-то уже не увидит Хай-Уилда...»

На него навалилась такая глубокая меланхолия, что он оказался не в силах стряхнуть ее и просто заставил свои губы улыбаться, когда встал, чтобы ответить на тост Уильяма.

* * *

Ветер и волны понесли наконец корабль к открытому морю. Уильям, сидя на своем Султане, вороном жеребце, высоко взмахнул шляпой, салютуя двум кораблям. Хэл подошел к поручням на юте, чтобы ответить на его салют, а потом отвернулся и начал отдавать приказы рулевому, разворачивая корабль на юг.

– Ветер держится? Не мешает идти до Ушанта? – спросил он Неда Тайлера, когда они обогнули мыс Пенли и зеленые холмы Англии начали таять за кормой.

Нед стоял у новомодного рулевого колеса, которое на таком современном корабле заменило древний румпель. Это колесо стало изумительным изобретением: если, используя рум-

пель, рулевой был ограничен поворотом на пять градусов по обе стороны от центра, то эта новая штукавина, штурвал, позволяла делать поворот в целом на семьдесят градусов, и это давало возможность гораздо лучше управлять кораблем.

– Ветер устойчивый, капитан. Юго-юго-запад, – ответил Нед.

Он прекрасно знал, что это был формальный вопрос, потому что Хэл внимательно изучил карты, прежде чем выйти из каюты, а направление ветра и сам чувствовал.

– Отметь на траверз-доске, – сказал Хэл.

Нед воткнул колышек в дырку на краю круглой доски.

Следовало добавлять по колышку каждые полчаса, а в конце вахты будут определены главный курс и положение корабля по навигационному счислению.

Хэл прошелся по палубе, глядя вверх, на паруса. Ветер дул с левого борта, легко наполняя их. Благодаря Неду каждый парус выглядел безупречно, и «Серафим» как будто летел, перепрыгивая с волны на волну. Хэла охватило радостное возбуждение такой силы, что он удивился. «Мне казалось, что я слишком стар для того, чтобы восторгаться, оказавшись на палубе и ожидая приключений», – подумал он.

Он постарался придать своему лицу спокойное выражение, а походке – неторопливое достоинство, но на юте стоял Большой Дэниел, наблюдая за ним, и их взгляды встретились. Ни один из мужчин не улыбнулся, но каждый прекрасно понял чувства другого.

Пассажиры поначалу стояли в средней части корабля, выстроившись вдоль поручней. Женские юбки развевались и шуршали на ветру, а чепчики приходилось придерживать. Но как только «Серафим» оставил сушу далеко позади и ощутил полную мощь открытого моря, женские восторженные восклицания понемногу затихли, пассажирки одна за другой оставили поручни и поспешили вниз, оставив одну только Кэролайн стоять рядом с ее отцом.

Весь этот день и несколько следующих ветер набирал силу. Он гнал вперед два корабля, пока наконец к вечеру не начал угрожать настоящим штормом, и Хэлу пришлось убавить парусов. Когда стемнело, корабли подняли на грот-мачты сигнальные фонари. А на рассвете Нед постучал в дверь каюты Хэла, чтобы сообщить: «Йоркширец» виден в двух милях за кормой, а впереди слева по борту виден Ушант.

Еще до полудня они обогнули Ушант и направились напрямик в бурные воды Бискайского залива, оправдывавшего свою зловещую репутацию. Всю следующую неделю команда могла использовать отличную возможность как следует потренироваться в управлении парусами, чтобы провести корабль через беспокойные воды и сильные ветра. Среди женщин, похоже, одна лишь Кэролайн не страдала от морской болезни, и она вместе с Томом и Дорианом каждый день присутствовала на уроках мастера Уэлша в тесной каютке.

Она говорила мало и совсем не обращалась к Тому, продолжая игнорировать его, даже когда он говорил весьма умные вещи. Она отклонила предложенную им помощь в решении математических задач мастера Уэлша.

Языки и математика – в этих двух областях Том преуспевал.

Кэролайн отказалась и от уроков арабского, которым мальчики каждый день занимались по часу с Элом Уилсоном.

Пока они пересекали Бискайский залив, Гай лежал плашмя, страдая от морской болезни. Хэла очень беспокоило, что кто-то из его сыновей может стать жертвой волнения на море. Тем не менее он устроил для Гая постель в каюте на корме, и Гай лежал там, бледный и стонущий, словно на грани смерти, не в силах принимать пищу и лишь глотая воду из кружки, которую Эболи держал перед ним.

Миссис Битти и ее младшие дочери чувствовали себя не лучше. Ни одна из них не покидала каюту, и доктор Рейнольдс, которому помогала Кэролайн, проводил почти все дни в забо-

тах о них. Это было не слишком воодушевляющее занятие: приходилось то и дело выбегать наружу с полными горшками и выплескивать их содержимое за борт.

В каютах на корме царствовал кислый запах рвоты.

Хэл приказал теперь держать курс строго на запад, чтобы в темноте не налететь на острова, Мадейру или Канарские, и в надежде поймать более удачный ветер и поскорее дойти до экваториальной зоны. Однако они успели достичь тридцать пятого градуса северной широты, оставив Мадейру в сотне лиг к востоку, когда шторма начали постепенно утихать. Теперь Хэл смог заняться ремонтом парусов и рей, пострадавших в штормах, и потренировать команду в других занятиях, кроме как поднимать и спускать паруса.

Команда смогла наконец просушить мокрую насквозь одежду и постели, а кок получил возможность разжечь огонь и приготовить горячую еду.

На корабле воцарилось совсем другое настроение.

Через несколько дней миссис Битти и ее младшие дочери снова появились на палубе. Поначалу бледные и слабые, вскоре они воспряли духом. И через короткое время Агнес и Сара стали настоящей корабельной чумой. Особое внимание они уделяли Тому, считая его почему-то героем, достойным поклонения; чтобы сбежать от них, Том уговорил Эболи отправить его наверх, не спрашивая разрешения отца, – они оба знали, что такого разрешения не получить.

Хэл вышел на палубу во время смены дневной вахты и увидел Тома на рее в тридцати футах над палубой; босые ноги Тома твердо стояли на рее, и он помогал брать риф грот-паруса.

Застыв на половине шага с запрокинутой головой, Хэл лихорадочно искал причину, по которой мог приказать Тому спуститься на палубу, не роняя его достоинства. Он повернулся в сторону рулевого, увидел, что все офицеры на палубе наблюдают за ним, и с рассеянным видом подошел к Эболи, стоявшему у поручней.

– Я помню, как ты сам впервые забрался на грот-мачту, Гандвана, – тихо произнес Эболи. – Это произошло в беспокойном море у мыса Агульяс. И ты сделал это потому, что я запретил тебе подниматься выше первой ванты. Ты был тогда на два года моложе, чем сейчас Клебе, но всегда был непослушен.

Эболи неодобрительно покачал головой и сплюнул в воду.

После небольшой паузы он продолжил:

– Твой отец, сэр Фрэнсис, хотел тебя высесть. Надо было с ним согласиться.

Хэл отлично помнил тот случай. То, что началось как мальчишеская бравада, обернулось презренным ужасом, когда он взобрался на верхушку мачты и увидел внизу, в сотне футов, крошечную палубу, окруженную пенными зелеными волнами, на которых подпрыгивал корабль, а за ним тянулась белая полоса...

Неужели Том теперь на целых два года старше, чем он был в тот день? К тому же рея, на которой стоял его сын, находилась едва на половине высоты мачты...

– Мы с тобой оба не раз видели, как люди падают с главной реи, – проворчал он. – Они ломают кости и погибают точно так же, как если бы поднялись в два раза выше.

– Клебе не упадет. Он ловкий, как обезьяна. – Эболи вдруг усмехнулся. – Должно быть, у него это в крови.

Хэл не обратил внимания на его слова и вернулся в свою каюту под предлогом необходимости заполнить судовой журнал, но на самом деле он просто не мог видеть, как его сын болтается где-то в воздухе.

Остаток времени до полудня он ждал, что вот-вот послышится ужасающий удар о палубу над его головой или крик: «Человек за бортом!»

Но вот в дверь каюты наконец постучали, и в дверь просунул голову Том, сияя от гордости: он принес сообщение от вахтенного офицера. Хэл чуть не подпрыгнул от облегчения и крепко обнял сына.

Они наконец вышли в экваториальную зону штилей, и корабль безмятежно затих с обвисшими парусами. В середине утра Хэл находился в своей каюте вместе с Большим Дэниелом, Недом Тайлером и Уилсоном, снова изучая описание, данное Уилсоном чудовищу Джангири. Хэл желал, чтобы все его люди знали, чего им следует ожидать, и высказали свои соображения о том, как лучше выманить Джангири и заставить его сражаться или хотя бы отыскать его в порту укрытия.

Вдруг Хэл умолк на половине слова и вскинул голову. На палубе наверху происходило что-то необычное, слышались торопливые шаги, голоса и смех.

– Прошу прощения, джентльмены...

Он вскочил и быстро направился по коридору, чтобы посмотреть, что происходит.

На палубе собрались все свободные от вахты люди, а если точнее – то, похоже, вообще все, кто находился на борту. Все головы были запрокинуты, а глаза устремлены на грот-мачту.

Хэл проследил за их взглядами.

Том беспечно сидел верхом на грот-рее и весело кричал Дориану:

– Ну же, Дорри, давай! Не смотри вниз!

Дориан стоял на рее на стене под ним.

На одно ужасное мгновение Хэлу показалось, что мальчик просто застыл там, в восьмидесяти футах над палубой. Но Дориан пошевелился.

Он сделал один осторожный шаг, потом схватился за канаты над своей головой и снова шагнул.

– Отлично, Дорри! Теперь еще чуть-чуть!

Гнев Хэла на Тома стократно возрос из-за страха за ребенка. «Мне бы следовало содрать ему всю шкуру со спины, еще когда он в первый раз выкинул такую штуку», – подумал Хэл, быстро подходя к рулю и выхватывая из креплений рупор.

Но прежде чем он успел поднести его ко рту, чтобы рявкнуть на мальчиков, рядом с ним возник Эболи.

– Было бы не слишком мудро пугать их сейчас, Гандвана. Дориану нужны обе руки и вся его воля, чтобы справиться.

Хэл опустил рупор и перевел дыхание, когда Дориан стал, перебирая руками, продвигаться вверх по снастям.

– Почему ты их не остановил, Эболи? – в ярости спросил он.

– Они меня не спрашивали.

– Да если бы и спросили, ты бы им позволил, – обвиняющим тоном заявил Хэл.

– По правде говоря, не знаю, – пожал плечами Эболи. – Каждый мальчик вступает в пору зрелости в свое время и своим путем.

Он не сводил глаз с маленького мальчика высоко над палубой.

– Но Дориан не боится, – заявил он.

– Откуда ты знаешь? – прорычал Хэл, сам вне себя от страха.

– Посмотри, как он держит голову. Присмотрись к его ногам и рукам, к тому, как он держится.

Хэл не ответил. Он уже видел, что Эболи прав. Трусцы цепляются за канаты, зажмурив глаза, руки у них дрожат, от них исходит сильный запах страха. Но Дориан продолжал двигаться, уверенно глядя вперед. Почти все на палубе молча и напряженно наблюдали за ним.

Том протянул руку брату:

– Почти добрался, Дорри!

Но Дориан презрительно глянул на готовую помочь руку и с видимым усилием подтянулся выше, к старшему брату. Ему понадобилось мгновение-другое, чтобы перевести дыхание, а потом он запрокинул голову и восторженно завизжал.

Том обнял его за плечи.

Их сияющие лица отчетливо различались даже издали, с палубы.

Команда невольно разразилась одобрительными криками, а Дориан сорвал с головы шапку и помахал ею.

Они с Томом уже давно стали любимцами матросов.

– Он готов, – сказал Эболи. – И доказал это.

– Бог мой, да он же просто ребенок! – взорвался Хэл. – Я должен запретить ему подниматься наверх!

– Дориан не ребенок. Ты просто смотришь на него отцовскими глазами, – возразил Эболи. – Скоро нам предстоит сражаться, а мы с тобой оба знаем, что во время схватки самое безопасное место для парнишки – на мачте.

Конечно, это было чистой правдой. Когда Хэл находился в таком же возрасте, его всегда отправляли в гнездо, потому что вражеский огонь направлялся в корпус корабля, а если корабль брали на abordаж, то и тут он остался бы невредим.

Несколько дней спустя Хэл внес поправки в судовой лист и записал Тома и Дориана в наблюдающие на случай, если корабль вступит в бой.

Он не знал пока, что ему делать с Гаем, – тот совершенно не изъявлял желания покидать безопасную верхнюю палубу. Может быть, он сможет действовать в случае чего как помощник хирурга, подумал Хэл.

Но как он отнесется к виду крови?

В этих широтах ветер кокетничал с ними. И наконец утих почти полностью, а море стало спокойным, как лужа масла. На корабль навалилась жара, все дышали с трудом, и из каждой поры на их теле ручьем лился пот.

Те, кто находился на палубе, старались скрыться в тени парусов, чтобы хоть чуть-чуть отдохнуть от солнца. Потом на горизонте мог появиться клочок облаков, гладкая поверхность океана слегка морщилась, дыхание ветерка наполняло паруса и несло их иногда час, а порой целый день.

Когда же ветер, капризный и переменчивый, снова покидал их и корабль неподвижно лежал на воде, Хэл тренировал людей, давая им воинские уроки. Они работали у орудий, соревнуясь друг с другом вахтами, стремясь быстрее других зарядить, откатить, выстрелить и снова зарядить. Он устраивал учения с мушкетами, бросая за борт пустую бочку в качестве мишени.

Потом из арсенала извлекли abordажные сабли, и Эболи с Дэниелом принялись обучать матросов, как следует обращаться с ними. Том вместе со своей вахтой тоже тренировался, и не раз и не два Большой Дэниел брал его в напарники, чтобы продемонстрировать остальным трудные приемы.

Хэл неплохо подобрал команду: почти все матросы уже сражались прежде и умели обращаться с пистолетами и abordажными саблями, а также с крюками и топорами, знали, что делать с пушками. Через две или три недели он понял, что у него лучшая из боевых команд, какой он когда-либо управлял. Но одному из качеств этих людей Хэл с трудом находил определение; он мог думать об этом только как о рвении. Они походили на охотничьих псов, ищущих след добычи, и Хэл был бы только рад бросить их в любое сражение.

Они давно оставили за восточным горизонтом Мадейру и Канарские острова, но чем дальше они забирались в экваториальные воды, тем медленнее становилось их движение. Иной раз они лежали в дрейфе целыми днями, и паруса безвольно болтались на мачтах, а поверхность океана вокруг них была гладкой, как стекло, и безмятежность этих пылающих вод нарушали только комья саргассовых водорослей да стайки летучих рыб, прыгавших над ними.

Солнце жгло безжалостно и неустанно.

Хэл знал о тревоге и слабости, которые могли напасть на команду на этих изнурительных широтах, знал, что жара может вытянуть из людей жизненные силы и решительность. Он изо

всех сил старался не дать своим людям погрузиться в трясину скуки и уныния. Поэтому военные учения проходили каждый день; Хэл организовывал также состязания в беге от кормы до грот-мачты и обратно, выставя одну вахту против другой. Даже Том и Дориан участвовали в них, к пискливому восторгу Отродий Битти, как Том прозвал Агнес и Сару.

Потом Хэл приказал плотникам обоих кораблей и их помощникам поставить банки на баркасы. Баркасы спустили на воду, и команды гребцов «Серафима» принялись соревноваться с гребцами «Йоркширца», дважды обходя кругом оба замерших корабля; призом победителям служила красная лента и дополнительная порция рома.

Ленту после первых гонок повязали на бушприт «Серафима», и потом она служила символом почета, переходя с одного корабля на другой.

Чтобы отпраздновать завоевание красной ленты, Хэл пригласил Эдварда Андерсона явиться на «Серафим» и отужинать с ним и его пассажирами в каюте на корме. И с некоторым запозданием включил в компанию и своих сыновей, чтобы они помогли развлекать гостей, потому что мастер Уэлш предложил после ужина устроить музыкальный концерт. Уэлш мог играть на лютне, Гай – на лире, а Дориан, обладавший удивительным голосом, мог петь.

Хэл выставил на стол свой лучший кларет, и ужин получился шумным и веселым. Конечно, при таком количестве гостей в маленькой каюте рассестись оказалось нелегко, не говоря уже о том, чтобы как-то двигаться. И когда Хэл наконец призвал к тишине и попросил мастера Уэлша сыграть, немusикальный Том оказался задвинутым в угол на каком-то табурете и скрытым от общих взглядов резной ширмой, которая отделяла дневную часть каюты от спального места его отца.

Уэлш и Гай начали с исполнения нескольких старых мелодий, включая «Зеленые рукава» и «Испанские леди», приведших в восторг всех, кроме Тома, который мучился отчаянной скукой и потому принялся вырезать кинжалом на деревянной раме ширмы, за которой сидел, свои инициалы.

– А теперь мы послушаем песню в исполнении мистрис Кэролайн Битти и мастера Дориана Кортни, – провозгласил Уэлш.

Кэролайн встала и с трудом пробралась сквозь аудиторию к тому концу каюты, где сидел Том. Она одарила его одним из своих ледяных взглядов, потом, наполовину отвернувшись от него, прислонилась боком к резной ширме, становясь лицом к Дориану, который пробрался к другому концу переборки.

Начали они с какой-то неизвестной Тому песни. Голос Кэролайн звучал чисто и нежно, хотя и слегка напряженно, а Дориан пел с естественной легкостью. Божественные звуки, исходившие из уст подобного ангелу мальчика, вызвали слезы на глазах слушателей.

К этому времени Том уже весь издергался, чувствуя потребность сбежать из жаркой каюты, вызывавшей клаустрофобию. Ему хотелось очутиться на палубе, под звездами, спрятаться за каким-нибудь из орудийных лафетов с Дэниелом, или Эболи, или с ними обоими и слушать истории о диких землях и таинственных океанах, ждавших их впереди.

Но он сидел в ловушке.

Потом он заметил, что, когда Кэролайн брала какую-нибудь высокую ноту, она приподнималась на цыпочки, и ее юбка открывала лодыжки и нижнюю часть икр. Скука Тома мгновенно испарилась. Ножки девочки, обтянутые темно-синими чулками, в нарядных туфельках выглядели чудесно; лодыжки плавной линией переходили в икры.

Том почти бессознательно вынул руку из кармана и потянулся к скульптурной лодыжке.

«Ты что, с ума сошел?» – тут же спросил он себя.

И с огромным усилием запретил себе касаться девушки.

«Она же поднимет жуткий шум, если я хоть пальцем до нее дотронусь».

Том виновато огляделся вокруг.

Кэролайн стояла прямо перед ним, так близко, что собой заслоняла его от взглядов всей компании. Том знал, что все взгляды устремлены на Дориана. И все равно колебался. Он уже начал отводить руку, чтобы понадежнее спрятать ее в кармане.

А потом он почувствовал ее аромат.

Сквозь все густые запахи, заполнившие каюту, запахи жареной свинины и капусты, сквозь винные пары и дым отцовской сигары он уловил струю благоухания, исходящего от тела девушки.

Сердце Тома сжалось, как кулак, в животе остро вспыхнула боль желания. Ему пришлось подавить стон, рвавшийся с его губ.

Он наклонился вперед на своем табурете и коснулся лодыжки Кэролайн.

Это было легчайшее прикосновение кончиков пальцев к тонкому синему чулку. Том тут же отдернул руку и выпрямился на табурете, готовый принять невинный вид, когда Кэролайн повернется к нему.

Но она не сбилась с ноты, продолжая петь вместе с Дорианом, и Тома озадачило такое отсутствие реакции. Он снова протянул руку и на этот раз легонько положил на лодыжку два пальца. Кэролайн не отодвинула ногу, и ее голос звучал все так же чисто и нежно.

Том осторожно погладил ступню, потом медленно обхватил лодыжку девушки пальцами.

Ножка была такой маленькой, такой женственной, что у Тома как будто что-то набухло в груди. Синий чулок оказался блестящим и шелковистым на ощупь. Очень, очень медленно пальцы Тома скользнули выше, наслаждаясь мягким изгибом, и вот он уже добрался до верха чулочка и банта ленточки, что удерживал его под коленом. Тут он заколебался, и в этот момент песня кончилась.

Наступило недолгое молчание, потом гости взорвались аплодисментами и криками «Браво!», «Спойте еще!».

Том услышал отцовский голос:

– Мы не должны слишком многого требовать от мистрис Кэролайн. Она и так слишком добра к нам.

Темные локоны Кэролайн заплясали у нее на плечах.

– Ничего страшного, сэр Генри, уверяю вас. Я лишь рада, что мы доставили вам удовольствие. И с удовольствием споем еще. Дориан, споем «Моя любимая живет в Дареме»?

– Почему бы и нет, – согласился Дориан, хотя и без особого энтузиазма.

И Кэролайн, открыв прелестный ротик, снова запела.

Рука Тома находилась на том же месте, а теперь его пальцы перебрались через верх чулочка, чтобы погладить нежную кожу под коленом. Кэролайн пела, и казалось, что ее голос по-настоящему наполнился силой и чувством.

Мастер Уэлш восторженно кивал головой, аккомпанируя на флейте.

Том погладил одно колено, потом второе. Он даже чуть приподнял подол юбки и уставился на гладкую кожу под своими пальцами, такую мягкую и теплую. Теперь он уже понимал, что девушка не завизжит и не поднимет переполох, а потому осмелел.

Его пальцы поползли выше, по задней стороне бедра, и Том ощутил, как Кэролайн слегка задрожала... но ее голос звучал все так же уверенно, она не сбивалась. Том со своего места мог видеть ногу отца под столом, отбивающую ритм.

То, что Хэл находился так близко, и опасная дерзость собственного поведения зачаровали Тома. Его пальцы подрагивали, когда добрались до круглых, крепких ягодич Кэролайн. Под юбкой у нее не было панталон, и пальцы Хэла уже коснулись глубокой вертикальной щели, разделявшей полушария теплой плоти. Он даже попытался просунуть один из пальцев вперед, между бедрами, но они оказались крепко сжаты. Пробраться туда не удалось, и Том оставил попытки.

Вместо того он накрыл одно из полушарий ладонью и осторожно сжал.

Кэролайн на высокой ноте в конце куплета слегка изменила позу, чуть расставив ноги в крошечных туфельках и придвинув к Тому свою попку. Ее бедра немножко раздвинулись, и когда Том снова попробовал добраться до шелковистого гнездышка между ними, девушка снова сделала легкое движение, как будто облегчая ему задачу, направляя его. Мэри, кухонная прислуга, давно уже показала Тому, как найти самую волшебную точку, и Том ловко отыскал ее.

Теперь Кэролайн слегка двигалась всем телом в такт музыке, покачивая бедрами. Ее глаза сверкали, щеки разгорелись.

Миссис Битти подумала, что ее дочь никогда не выглядела такой чарующей, и, окинув взглядом мужские лица, преисполнилась гордости, увидев во всех глазах откровенное восхищение.

Песня добралась до конца, и даже Дориану пришлось чуть напрячься, чтобы соответствовать красоте последней высокой, звенящей ноты, словно заполнившей всю каюту, повисшей в воздухе даже после того, как певцы умолкли.

Кэролайн поправила юбки, похожие на лепестки тропической орхидеи, и присела в таком глубоком реверансе, что чуть не ткнулась лбом в пол.

Все мужчины вскочили на ноги, аплодируя, хотя им и пришлось согнуться под тяжелыми балками низкого потолка. Когда Кэролайн вскинула голову, ее губы чуть заметно дрожали, а по щекам скатились слезы от глубоких чувств.

Ее мать вскочила и порывисто обняла ее.

– Ох, милая моя, это было так прекрасно! Ты пела как ангел! Но ты устала. Можешь выпить полстаканчика вина, чтобы освежиться.

Кэролайн пробралась к своему месту. Она как будто забыла о своей обычной тихой замкнутости и почти радостно включилась в общий разговор. Но когда миссис Битти сочла, что пришло время оставить мужчин с их трубками, сигарами и портвейном, Кэролайн с притворной скромностью последовала за матерью. И, желая всем доброй ночи и выходя из каюты, она даже не посмотрела в сторону Тома.

А Том сидел в своем углу на табурете, таращась в потолок над головой и пытаясь выглядеть равнодушным и беззаботным, но обе его руки были глубоко засунуты в карманы, и он изо всех сил старался, чтобы никто не заметил, как вздулись его бриджи.

В ту ночь Том почти не спал. Он лежал на своем тюфяке, и с одной стороны от него спал Дориан, а с другой – Гай; он прислушивался к сонному сопению братьев и к бормотанию спящей команды на оружейной палубе.

Том перебирал в памяти все мельчайшие подробности случившегося в каюте на корме, каждое движение и прикосновение; он продолжал чутко запах Кэролайн и слышать, как она пела, пока он ласкал ее... Он едва дождался дня, когда ему следовало очутиться вместе с Кэролайн в каюте мастера Уэлша. И хотя там им предстояло сидеть над грифельными досками и слушать утомительные монологи наставника, Том жаждал взгляда или прикосновения, которые подтвердили бы ему великое значение того, что произошло между ними.

Но когда Кэролайн наконец вошла в каюту мастера Уэлша следом за своими пискливыми сестрами, она не обратила на Тома внимания, а подошла сразу к учителю.

– На моем месте слишком слабый свет. У меня глаза устают. Можно мне сесть рядом с Гаем?

– Конечно, юная мистрис, безусловно можно, – мгновенно откликнулся Уэлш, тоже не оставшийся равнодушным к чарам Кэролайн. – Нужно было раньше мне сказать, что вам неудобно рядом с Томом.

Гай с готовностью подвинулся на скамье, освобождая ей место, а Том почувствовал себя оскорбленным и попытался поймать ее взгляд. Однако Кэролайн полностью сосредоточилась на своей грифельной доске и не смотрела на него.

Наконец даже мастер Уэлш заметил странное поведение Тома:

– Тебе нездоровится? Морская болезнь?

Тома ошеломило такое непристойное предположение.

– Я прекрасно себя чувствую, сэр!

– Тогда повтори, что я только что говорил, – предложил Уэлш.

Том сделал задумчивый вид и почесал подбородок. И в то же время ногой толкнул Дориана под столом.

Дориан преданно бросился на выручку.

– Вы говорили, сэр, что тавтология – это...

– Спасибо, Дориан, – остановил его Уэлш. – Я спросил не тебя, а твоего брата.

Он неодобрительно посмотрел на Тома. Его всегда раздражало, что мальчик с отличными мозгами не использует их во всю силу.

– Теперь, когда ты получил передышку, Томас, ты, может быть, просветишь нас насчет значения этого слова?

– Тавтология – это ненужное повторение смысла, который уже был изложен во фразе или предложении, – отрапортовал Том.

Уэлш казался разочарованным. Он надеялся заставить Тома проявить неведение и испытать небольшое унижение.

– Ты просто изумляешь меня своей эрудицией, – сухо сказал он. – Можешь ли ты теперь дать нам какой-нибудь пример тавтологии?

Том немного подумал.

– Педантичный педант? – предположил он. – Скучный педагог?

Дориан испустил короткий смешок, и даже Гай поднял голову и улыбнулся.

Отродья Битти не поняли ни слова, но, когда увидели, что Уэлш вспыхнул, а Том сложил руки на груди и победоносно усмехнулся, они сообразили, что их идол снова одержал верх, и восторженно захихикали. Только Кэролайн продолжала писать что-то на своей доске и даже не качнула головой.

Том был разбит. Между ними словно ничего и не было! Когда словесная дуэль с мастером Уэлшем осталась незамеченной, Том попытался другим способом привлечь внимание Кэролайн.

Когда Кэролайн вышла на палубу, он приложил все силы и умение, чтобы произвести на нее впечатление. Он забирался на самые высокие рей, скользил вниз без остановки, обжигая ладони о ванты, спрыгивая на палубу прямо перед ней. Но Кэролайн и не думала смотреть на него.

Наоборот, она вдруг стала чудо как мила с Гаем и Дорианом и даже с мастером Уэлшем. Лишенный слуха Том был исключен из музыкальных занятий, а Кэролайн как будто находила теперь особое удовольствие от общества Гая.

Они постоянно шептались о чем-то даже во время уроков, а Уэлш не слишком искренне пытался их утихомирить. Том возражал:

– Я тут решаю задачу по тригонометрии, а из-за вашей постоянной болтовни думать невозможно!

Уэлш мстительно усмехнулся:

– Я что-то не замечал в тебе повышенной умственной активности, Томас, даже во время полнейшей тишины.

На эти слова Кэролайн ответила музыкальным смехом и склонилась к плечу Гая, как будто делясь с ним шуткой.

А брошенный ею на Тома взгляд был злым и дразнящим.

Дориан и Том унаследовали от отца острейшее зрение, и теперь их частенько посылали наверх вместе в качестве наблюдающих. Том стал наслаждаться этими длинными вахтами на верхушке мачты: это было единственное место на полном людей корабле, где он мог остаться в одиночестве. Дориан научился придерживать язычок, и они могли часами сидеть в спокойном молчании, не вмешиваясь в мысли друг друга, каждый предаваясь собственным мечтам и фантазиям.

Но если прежде Том мечтал о битвах и славе, о диких песчаных пустынях и великих океанах, куда они направлялись, о слонах и китах, об огромных обезьянах на туманных горных вершинах, о которых он так много говорил с Эболи и Большим Дэниелом, то теперь его воображение занимала Кэролайн.

Он только и думал что о ее теплом теле, которого касался, но которого пока что не видел, о ее глазах, обращенных к нему с любовью и преданностью, о том, чтобы проделывать с ней такие же изумительные вещи, какие он проделывал с Мэри и другими деревенскими девушками.

Но одновременно это почему-то казалось ему чем-то вроде святотатства – когда в его фантазии одновременно с божественной Кэролайн врывались все те примитивные существа.

Том воображал, как спасает Кэролайн, когда корабль охватывает пламя, а на палубе кишат пираты, как он прыгает за борт, обнимая ее, и плывет к белоснежному берегу какого-то кораллового островка, где они останутся одни. Одни!

В этом как раз и состояла проблема, встававшая перед ним в конце каждой фантазии. Как остаться с ней наедине? «Серафим» мог дойти хоть до конца света с Кэролайн на борту, но им никогда не остаться наедине.

Том отчаянно пытался найти какое-нибудь местечко на корабле, где они могли бы хоть на несколько минут остаться в стороне от наблюдающих взглядов, если, конечно, ему удалось бы заманить туда Кэролайн. А это, признавал Том, едва ли возможно.

Конечно, на корабле имелся грузовой трюм, но он был битком набит товарами компании. Имелись также каюты на корме, но даже самая большая из них не давала возможности уединения, их всех заполняли люди. А переборки были такими тонкими, что Том сквозь них прекрасно слышал споры сестер в их каюте, вызванные тем, что в ней невозможно было стоять одновременно всем, и двум приходилось садиться, чтобы одна могла встать и одеться или раздеться.

В общем, на корабле определенно не имелось такого уголка, где Том мог бы побыть с Кэролайн и излить ей свои чувства и спросить о ее собственных. Но все-таки воображаемые картины давали Тому хоть какое-то успокоение.

В хорошие вечера, когда позволяла погода, Том и Дориан обычно забирали свои порции еды с камбуза и устраивались на носу корабля, где могли поесть, сидя со скрещенными ногами на палубе, а Эболи, иногда с Большим Дэниелом, составлял им компанию. Потом братья ложились на спину и смотрели в ночное небо.

Дэниел попыхивал своей глиняной трубкой и показывал им, как с каждым днем меняется небо по мере того, как они уходят дальше на юг.

Он показал им великий Южный Крест, поднимавшийся каждую ночь над горизонтом впереди, и мерцающие Магеллановы облака, и многое, многое другое.

И о каждом из созвездий сплетал легенды Эболи – это были мифы звездного неба, рожденные его собственным племенем. Большой Дэниел тихонько посмеивался, слушая их.

– Ну и болтаешь же ты, здоровенный черный язычник! Послушай лучше христианскую правду. Этот Орион был великим охотником, а вовсе не каким-то лесным дикарем!

Эболи, не обращая на него внимания, рассказал как-то вечером легенду о глупом охотнике, который выпустил все свои стрелы в стадо зебр (тут Эболи показал на группу звезд на поясе Ориона) и потому не смог защититься, когда на него напал лев Сириус.

– Еще это созвездие называют Большим Псом, правда, но на самом деле это лев, – уточнил Эболи. – И из-за того, что охотнику не хватило ума подумать наперед, он кончил свою жизнь в брюхе льва. Такой итог предполагает, что слушатели должны подумать, – благодушно завершил рассказ Эболи.

– И лев тоже, – фыркнул Большой Дэниел, выбивая трубку и вставая. – Ладно, у меня еще много работы, в отличие от других, похоже.

И он вернулся к своим делам.

После его ухода оставшиеся какое-то время молчали.

Дориан свернулся на палубе, как щенок, и почти мгновенно заснул. Эболи с довольным видом вздохнул, а потом тихо заговорил на языке лесов, которым они с Томом часто пользовались между собой.

– Тот глупый охотник мог бы научиться многому, если бы прожил достаточно долго.

– Расскажи еще, – попросил Том на лесном языке.

– Иногда лучше вообще не гоняться за зеброй, без толку пуская стрелы издали.

– Что ты имеешь в виду, Эболи? – спросил Том, меняя позу и прижимая колени к груди.

Он уловил, что в истории есть некий скрытый смысл.

– Глупому охотнику не хватило сообразительности и хитрости. Чем упорнее он преследовал, тем быстрее убегала добыча. И те, кто за ним наблюдал, кричали ему: «Остановись, глупый охотник!» – и смеялись над его бесплодными усилиями.

Том подумал над этими словами. Он всегда искал в историях Эболи второе дно.

И вдруг мораль легенды дошла до него, и он беспокойно пошевелился:

– Ты надо мной смеешься, Эболи?

– Я никогда бы этого не сделал, Клебе, но мне неприятно видеть, когда всякие ничтожные люди смеются над тобой.

– И чем же я заставил их надо мной смеяться?

– Ты слишком усердно гонишься. Ты всем на борту уже дал понять, к чему стремишься.

– Ты о Кэролайн? – Голос Тома упал до шепота. – Что, это так заметно?

– Мне незачем отвечать на такой вопрос. Ты лучше объясни мне, что заставляет тебя так цепляться за нее?

– Она прекрасна... – начал было Том.

– Ну, по крайней мере, она не уродина, – улыбнулся в темноте Эболи. – Но тебя сводит с ума то, что она тебя не замечает.

– Не понимаю, Эболи.

– Ты пытаешься догнать, потому что она убегает, а она убегает потому, что ты пытаешься догнать.

– Но что же мне делать?

– Поступи так же, как мудрый охотник, и тихонько жди у водопоя. Пусть добыча сама к тебе придет.

До этого времени Том искал любые предлоги, чтобы задержаться в каюте Уэлша после окончания дневных уроков, надеясь увидеть со стороны Кэролайн хоть какой-то знак, что она все еще интересуется им. Его отец поставил условием для своих сыновей три часа занятий каждый день до того, как они займутся своими обязанностями на корабле. Но до сих пор Тому хотелось, чтобы уроки тянулись дольше, просто для того, чтобы он мог провести еще несколько минут рядом с предметом своего обожания.

Однако после разговора с Эболи все изменилось. Во время уроков Том заставлял себя держаться тихо и загадочно, ограничиваясь лишь необходимым обменом репликами с Уэлшем. А как только звонил судовой колокол, возвещая смену вахты, Том, пусть даже не закончив решения какой-нибудь сложной математической задачи, сразу собирал свои книги и грифельную доску и мгновенно вскакивал.

– Пожалуйста, извините, мастер Уэлш, но я должен приняться за свои обязанности.

И он быстро выходил из каюты, даже не посмотрев на Кэролайн.

Вечером, когда Кэролайн выходила на палубу с матерью и сестрами, чтобы совершить обычную прогулку на свежем воздухе, Том старался найти подходящее занятие как можно дальше, насколько позволяли условия.

Несколько дней Кэролайн не подавала вида, что заметила перемену в отношении к ней Тома. Потом как-то утром, когда они были на занятиях, Том случайно поднял голову от грифельной доски и обнаружил, что Кэролайн наблюдает за ним краем глаза. Она тут же отвела взгляд, но на ее щеках выступил румянец. Тома пронзило вспышкой удовлетворения. Эболи оказался прав. Том впервые заметил, что Кэролайн его изучает.

Решимость Тома крепла, и ему с каждым днем становилось легче игнорировать Кэролайн, как прежде она игнорировала его. Такое положение дел продолжалось почти две недели, и наконец Том отметил небольшие перемены в поведении Кэролайн. Во время утренних уроков она стала более разговорчивой, но обращалась к Уэлшу или Гаю, прежде всего к Гаю. Она шепталась с ним, некстати смеялась над его замечаниями. Том продолжал хранить мрачное молчание, не поднимая головы, хотя ее смех сердил его до глубины души.

Как-то раз, когда Уэлш отпустил их и они дошли до конца коридора, Кэролайн заговорила раздражающе театральным тоном:

– Ох! Эта лестница такая крутая! Можно взять тебя под руку, Гай?

И она прислонилась к нему, заглядывая в усмехающееся лицо.

Том проскочил мимо них, не выказав никаких чувств.

А судовые обязанности Гая каким-то образом стали давать ему время гулять с миссис Битти и девочками по палубе или тратить по несколько часов на разговоры с мистером Битти в его каюте.

Фактически и мистер, и миссис Битти как будто привязались к Гаю. Он по-прежнему не делал попыток оставить палубу и забраться на мачты, даже несмотря на то, что Том дразнил его, стараясь, чтобы его слышала Кэролайн. Тома удивляло, что он не сердится на боязливость Гая. Как раз наоборот, он чувствовал облегчение из-за того, что ему не приходится отвечать за близнеца на высоте, в опасных пространствах. Ему хватало заботы о Дориане, хотя младший брат уже стал так быстр и ловок, с такой легкостью карабкался по вантам, что скоро, пожалуй, Том мог оставить беспокойство о нем.

И хотя вмешательство Кэролайн впервые сделало это очевидным, на самом деле близнецы уже довольно долго шли разными курсами.

Они мало времени проводили в обществе друг друга, а когда оказывались вместе, их разговор был напряженным и осторожным. Давно остались позади те дни, когда они делились каждой мыслью и мечтой и утешали друг друга, когда сталкивались с мелкими трудностями жизни и несправедливостью.

После ужина Хэл нередко приглашал пассажиров на вечерний вист в его каюте. Будучи отличным игроком, он научил и Тома наслаждаться этой игрой. Том, с его склонностью к математике, тоже стал настоящим мастером, и они с отцом часто играли в паре против мистера Битти и мастера Уэлша. К игре они относились серьезно и сражались беспощадно. После каждой партии они обсуждали и разбирали ее, а в это время за другим столом Гай, миссис Битти

и девочки хихикали и визжали, развлекаясь разными глупостями вроде игры в мушку. Гай совершенно не проявлял интереса к более сложным карточным играм вроде виста.

В один из таких вечеров Том оказался в сложном положении. Ему следовало выбрать из двух возможных ходов один, и он на какое-то время задумался... но громкие и веселые женские голоса отвлекли его, и он ошибся в выборе. Он видел, как его отец нахмурился, увидев карту, и тут же, к испугу Тома, мастер Уэлш победоносно усмехнулся и ответным ходом оставил Тома с носом.

Взволнованный своей ошибкой, Том ошибся снова, и партия была проиграна.

Отец рассердился:

– Тебе следовало знать, что у мастера Уэлша семерка треф, и как ты обошелся со своим королем?

Том дернулся на стуле. Он чуть повернул голову и увидел, что игра за соседним столом замерла, все прислушиваются к тому, как отец бранит его. Кэролайн и Гай наблюдали за ним, склонив друг к другу головы. И на лице Гая Том увидел злорадство, какого никогда не видел прежде.

Гай по-настоящему торжествовал из-за унижения брата.

Тома вдруг охватило огромное чувство стыда. Он впервые в жизни по-настоящему осознал, что не любит брата. А Гай повернул голову и подмигнул Кэролайн, и она положила на его рукав маленькую белую ручку. Другой рукой она прикрыла свой ротик и что-то шепнула на ухо Гаю. Она смотрела на Тома в упор насмешливыми глазами. И Тома потрясло новое открытие: он не просто не любит Гая, а на самом деле ненавидит его и желает ему зла.

Четыре дня после этого Том буквально корчился от стыда. Отец ведь всегда учил своих сыновей, что преданность семье священна.

– Мы одни противостояем всему миру, – частенько повторял он.

И теперь Том снова и снова чувствовал, что обманывает ожидания отца.

А потом вдруг он как будто стал оправдывать себя. Поначалу он лишь смутно осознавал, что начинается нечто другое, это было похоже на великое предзнаменование. Том заметил, что мистер Битти и его отец горячо спорят о чем-то на шканцах, и сразу увидел, что отец всерьез недоволен.

В следующие несколько дней мистер Битти много времени проводил наедине с Хэлом в каюте на корме. Потом Хэл отправил Дориана за Гаем, чтобы тот явился на одну из таких встреч.

– О чем они там говорят? – спросил Том младшего брата, как только тот вернулся.

– Я не знаю.

– Надо было подслушать под дверь, – проворчал Том.

Он сторал от любопытства.

– Я боюсь, – признался Дориан. – Если я попадусь, отец может протащить меня под килем!

Дориан лишь недавно услышал об этом жестоком наказании, и оно привело его в ужас.

А Гай уже давно боялся, что его позовут в каюту отца.

Он работал с Недом Тайлером в пороховом погребе, помогая открывать бочонки с зернистым черным порохом и проверять, не проникла ли туда сырость, когда за ним пришел Дориан.

– Отец тебя зовет сейчас же в свою каюту.

Мальчик просто надувался от важности, выступая в роли зловещего посланника.

Гай оставил работу и отряхнул с рук порох.

– Лучше тебе поспешить, – предупредил Дориан. – Вид у отца такой, знаешь... «Смерть язычникам»!

Когда Гай вошел в каюту, он сразу увидел, что Дориан ничуть не преувеличил. Хэл стоял у кормового иллюминатора, сложив руки за спиной. Он резко повернулся, и связанные в хвост густые волосы взлетели, как хвост разгневанного льва. Он уставился на сына, но на его лице отражался не только гнев. Гай увидел также легкую тень беспокойства и даже тревоги.

– У нас с мистером Битти произошел долгий разговор...

Хэл кивнул в сторону пассажира. Битти сидел за столом, напряженный, не улыбочивый. На нем был парик, что подчеркивало серьезность ситуации.

Хэл немного помолчал, как будто ему предстояло сказать нечто настолько неприятное, что он предпочел бы не пачкать свой язык.

– У меня сложилось впечатление, что ты строишь планы на будущее, не посоветовавшись со мной, главой семьи.

– Прости, отец, но я не хочу быть моряком, – с отчаянием выпалил Гай.

Хэл невольно отступил на шаг назад, как будто его сын заявил, что не верит в Бога.

– Мы всегда были моряками. Две сотни лет все Кортни ходили в море.

– Я его ненавижу! – тихо произнес Гай дрожащим голосом. – Я ненавижу всю эту вонь и тесноту на корабле! Меня тошнит, я просто несчастен, когда не вижу землю...

Снова последовало молчание, на этот раз долгое, потом Хэл продолжил:

– Том и Дориан приняли свое наследие. Они безусловно будут наслаждаться приключениями и трофеями. И я думал, что однажды предложу тебе твой собственный корабль. Но вижу, что я напрасно трачу силы.

Гай опустил голову и с жалким видом повторил:

– Я никогда не буду счастлив вдали от земли.

– Счастлив!

Хэл обещал себе сдерживаться, но насмешливые слова сами собой полетели из его губ.

– И что такое это твое счастье? Мужчина следует тропой, проложенной для него. Он исполняет свой долг перед Богом и своим королем. Он делает то, что должен делать, а не то, что ему нравится!

Хэл чувствовал, как в нем нарастают гнев и возмущение.

– Скажи по совести, мальчик, каким бы стал этот мир, если бы каждый человек делал только то, что нравится ему лично? Кто пахал бы поля, собирал урожай, если бы каждый был вправе заявить: «Я не хочу этого делать!» В этом мире у каждого человека есть свое место, и каждый человек должен знать это место!

Хэл снова умолк, видя упрямое выражение на лице сына. Он отвернулся к иллюминатору и посмотрел на океан, на высокое синее небо, залитое золотом заходящего солнца.

Он глубоко дышал, чтобы вернуть самообладание, но все равно ему понадобилось для этого несколько минут. И когда он снова повернулся к сыну, его лицо было неподвижным.

– Отлично! – сказал он. – Возможно, я слишком снисходителен, но, видит Бог, я не стану тебя принуждать, хотя и подумывал об этом. Тебе повезло в том, что у мистера Битти сложилось хорошее мнение о тебе, он убедил меня относительно твоего эгоистичного поведения...

Хэл тяжело опустился в кресло перед письменным столом и придвинул к себе какие-то документы.

– Как ты уже понял, мистер Битти предлагает тебе должность в distinguished Ост-Индской компании, место ученика писаря. Он был весьма щедр в том, что касается жалованья и условий службы. И если ты принимаешь его предложение, то твоя служба в компании начнется немедленно. Я освобождаю тебя от обязанностей члена команды этого корабля. Вместо этого ты начнешь помогать мистеру Битти, и ты отправишься с ним на фабрику компании в Бомбее. Тебе все понятно?

– Да, отец, – пробормотал Гай.

– Это то, чего ты желаешь?

Хэл наклонился вперед и пристально заглянул в глаза сыну, надеясь на отказ.

– Да, отец. Это то, чего я хочу.

Хэл вздохнул, его гнев растаял.

– Что ж, тогда я буду молиться от всего сердца о том, чтобы твое решение оказалось правильным. Теперь твоя судьба – не мое дело.

Он толкнул через стол лист договора:

– Подписывай. Я буду свидетелем.

Потом Хэл тщательно присыпал песком влажные чернила подписи, сдул песок с пергамента и протянул документ мистеру Битти. И снова повернулся к Гаю:

– Я объясню твое новое положение команде и твоим братьям. Не сомневаюсь в том, что именно они подумают о тебе.

Вечером, сидя в темноте на носу корабля с Эболи и Большим Дэниелом, братья обсуждали во всех подробностях решение Гая.

– Но как Гай мог вот так нас бросить? Мы же клялись, что всегда будем держаться друг за друга! – в смятении повторял Дориан.

Том постарался найти ответ.

– Гай страдает морской болезнью. Он никогда не смог бы стать настоящим моряком, – пояснил он. – И он боится моря, боится забираться на мачты...

Почему-то Том не мог заставить себя огорчиться, как младший брат, из-за такого поворота событий.

Дориан словно почувствовал это и посмотрел на двух старших мужчин, ища утешения.

– Но он ведь должен был остаться с нами, ты согласен, Эболи?

– В джунглях много разных дорог, – негромко произнес Эболи. – И если мы все пойдем по одной и той же, там станет слишком тесно.

– Но Гай! – Дориан пребывал на грани слез. – Он не должен был нас бросать, никогда! – Он снова повернулся к Тому: – Ты ведь никогда меня не бросишь, Том, правда?

– Конечно нет, – ворчливо ответил Том.

– Ты обещаешь?

Одинокая слезинка скатилась наконец по щеке Дориана, блеснув в свете звезд.

– Ты не должен плакать! – выбранил его Том.

– Я и не плачу! Просто от ветра глаза стали слезиться. – И он смахнул слезинку. – Обещай мне, Том!

– Обещаю.

– Нет, не так. Дай мне какую-нибудь смертельную клятву! – настаивал Дориан.

С протяжным страдальческим вздохом Том достал из ножен на поясе свой кинжал. И поднял вверх узкий клинок:

– Пусть Бог, Эболи и Большой Дэниел станут моими свидетелями!

Он кольнул себя в кончик большого пальца острием кинжала, и все смотрели, как на коже выступила капля крови, черная как деготь в серебристом свете.

Убрав кинжал в ножны, Том притянул к себе Дориана. И, торжественно глядя в глаза ребенка, Том начертил окровавленным пальцем крест на лбу Дориана.

– Я клянусь страшной клятвой, что никогда не брошу тебя, Дориан! – медленно и мрачно произнес он. – А теперь перестань реветь.

Из-за дезертирства Гая вахтенное расписание изменилось так, что обязанности близнеца легли на Тома, добавившись к его собственным. И теперь Нед Тайлер и Большой Дэниел могли увеличить уроки навигации, орудийного дела и управления парусами, потому что у них оста-

лось два ученика вместо трех. У Тома и прежде хватало дел, но теперь, казалось, им просто нет конца.

А вот обязанности Гая стали легкими и приятными.

После дневных уроков мастера Уэлша, когда Том и Дориан спешили на палубу, чтобы выполнять урочную работу, Гай проводил несколько часов с мистером Битти – писал для него письма и отчеты или изучал документы компании, включая «Инструкции по найму на службу в почтенную Британскую Ост-Индскую компанию», а потом мог читать вслух миссис Битти или играть в карты с ее дочерьми. Все это совершенно не нравилось его близнецу; иногда Том, находясь на реях, видел, как Гай гуляет и смеется с дамами на шканцах, где разрешалось находиться только офицерам и пассажирам.

«Серафим» пересек экватор с соблюдением обычной веселой традиции – все те, кто оказывался на экваторе впервые, должны были получить посвящение и поклясться в верности Нептуну, богу всех морей. Эболи, нарядившись в невероятный костюм, сооруженный из всякого хлама, и прикрепив бороду из растрепанного каната, представлял собой весьма впечатляющего Нептуна.

Зона штилей осталась позади, уйдя на север, и два корабля постепенно освободились от ее хватки – они уже входили в южный торговый пояс. Характер океана вокруг них изменился: он сверкал, казался живым после унылых, ленивых вод зоны штилей. Воздух стал свежим и бодрящим, в небе появились длинные хвосты перистых облаков. И настроение команды тоже улучшилось, люди повеселели.

Хэл держал курс на юго-запад.

Каждые десять дней Том спускался в пороховой трюм вместе с Недом и артиллеристами. Это было частью его обязанностей: здесь он изучал артиллерийское искусство и учился понимать характер и капризную природу черного пороха. Том должен был познать его состав – сера, древесный уголь и селитра – и понимать, как именно следует безопасно смешивать и хранить эти ингредиенты, как предотвратить слипание от жары и влаги, потому что зерна пороха могли превратиться в комья или даже взорвать пушки.

При каждом таком посещении Нед всегда многократно предупреждал Тома об опасности открытого огня или искр в пороховом складе – весь корабль от этого мог взлететь на воздух.

Прежде чем начать бой, бочонки открывали, а порох тщательно взвешивали и пересыпали в шелковые мешки, в точном соответствии с тем, что требовалось для каждого из орудий. Эти мешки забивали в стволы, а кроме них, клали тряпичный ком и снаряд. Мешки выносили на оружейную палубу «пороховые обезьянки», молодые матросы. И даже когда корабль не собирался действовать активно, несколько таких шелковых мешков всегда хранились наполненными и лежали наготове, просто на всякий случай.

К несчастью, тонкий шелк не предохранял порох от влаги и слипания, так что мешки приходилось регулярно проверять и заменять.

Когда Нед и Том работали в трюме, им всегда не хватало света. Один-единственный тщательно прикрытый фонарь едва светил, и в трюме царила кафедральная тишина. Когда Тому передавали шелковые мешки, он тщательно укладывал их на стеллажи. Мешки были плотными и гладкими. «Такой мешок – удобная лежанка», – подумал Том. И вдруг ему привиделась обнаженная Кэролайн, растянувшаяся на одном из мешков. Том тихо застонал.

– Что такое, мастер Том? – Нед насмешливо посмотрел на него.

– Ничего. Просто задумался.

– Оставь сны наяву своему близнецу, – коротко посоветовал Нед. – А сам занимайся делом. Ты с ним отлично справляешься.

Том продолжил паковать мешки, но теперь он думал совсем о другом.

Пороховой погреб являлся единственным местом на корабле, куда никто не заглядывал по десять дней подряд, где человек мог остаться один, не боясь, что ему помешают. Это было как раз то место, которое он изо всех сил старался найти, и оно находилось настолько на виду, что Том его не замечал.

Том оглянулся на ключи, что висели на поясе Неда. Их было с полдюжины в связке: от склада боеприпасов, от оружейного склада, от цепей вельботов, от склада с одеждой... и от порохового склада.

Когда они закончили работу, Том топтался рядом с Недом, пока тот запирает тяжелую дубовую дверь. Он отметил, какой именно из ключей повернулся в большом замке: этот ключ заметно отличался от других в связке, он имел пять выступов, напоминавших корону. Том старался придумать, как ему добраться до связки ключей хоть на пять минут, чтобы стащить с кольца тот, который ему нужен. Но он зря тратил усилия: многие поколения моряков до него мучились примерно той же проблемой, только им хотелось добраться до того места, где хранилось спиртное.

В ту ночь Том лежал на своем тюфяке без сна, когда его осенила новая идея, настолько неожиданная, что он резко сел на постели. На борту наверняка находился и второй комплект ключей! А если так, он знал, где они должны храниться: в каюте его отца. В морском сундуке под его койкой или в одном из ящиков письменного стола, решил Том.

Остаток ночи он почти не спал. Даже при его привилегированном положении в качестве старшего сына капитана он не имел права просто так заходить в каюту отца, а передвижения Хэла по кораблю всегда оставались непредсказуемыми. Да и сама каюта вряд ли оставалась пустой. Если там не было Хэла, то, скорее всего, стюард занимался уборкой, или постелью Хэла, или его одеждой. И мысль о попытке проникнуть туда, когда отец уже спал, Том тоже отверг. Он знал, что отец спит очень чутко, это он уже давно выяснил, причем не самым приятным для себя образом. В общем, одурачить его отца было весьма нелегко.

В течение следующей недели Том обдумал и отбросил еще несколько абсолютно неприемлемых планов вроде попытки вскарабкаться по внешней стороне корпуса корабля и проникнуть на склад через коридор на корме. Пожалуй, ему следовало просто ждать, когда отец отдаст приказ о полной смене парусов. Тогда обе вахты окажутся на палубе, и отец будет занят по горло. А Том сможет найти какой-нибудь предлог, чтобы оставить свой пост и быстро спуститься вниз.

Дни летели быстро, пассат ровно дул с юго-востока, и «Серафим» по-прежнему шел левым галсом. Смены парусов не требовалось, и Том никак не находил возможности осуществить свой план.

А потом эта возможность возникла так удачно, что вызвала почти суеверное беспокойство.

Во время перерыва Том сидел на корточках на полубаке вместе с остальными из своей вахты, радуясь выпавшим минутам отдыха. И тут отец поднял голову от нактоуза и кивнул Тому, подзывая его.

Том вскочил и бегом бросился к отцу.

– Будь любезен, сбегай в мою каюту, – велел ему Хэл. – Загляни в верхний ящик стола. Там лежит моя черная записная книга. Принеси ее.

– Есть, сэр!

На мгновение у Тома даже закружилась голова, но он тут же помчался к каюте.

– Том, не так быстро!

Голос отца заставил его приостановиться. Сердце Тома бешено колотилось. Уж очень все оказалось легко...

– Если ее нет в верхнем ящике, посмотри в других.

– Да, отец!

Том ринулся вниз по трапу.

Черная книга лежала в верхнем ящике, именно там, где говорил отец. Том быстро подергал другие ящики, боясь, что они окажутся закрытыми, однако они легко открывались, и он наскоро осматривал их.

Когда он открывал последний, он услышал, как внутри звякнуло что-то тяжелое, металлическое. И снова его сердце подпрыгнуло.

Второй комплект ключей прятался под экземпляром альманаха и навигационными таблицами. Том осторожно достал их и сразу узнал похожий на корону ключ от порохового склада. Оглянувшись на закрытую дверь каюты, он прислушался, не звучат ли снаружи шаги, прежде чем совершить преступление. Потом он расцепил кольцо, снял с него нужный ключ, сунул его в карман и снова замкнул крюки кольца, после чего положил похудевшую связку обратно в ящик и прикрыл альманахом.

Когда он бегом возвращался на палубу, ему казалось, что ключ оттягивает его карман, словно пушечное ядро. Нужно было где-то его спрятать. Он мог надеяться, что отец не обнаружит пропажу, если только не потеряются или не испортятся каким-то образом ключи с первой связки. А такое едва ли было возможно, но он понимал, что носить такую добычу при себе все равно слишком опасно.

В ту ночь он проснулся, как обычно, когда корабельный колокол возвестил о начале ночной вахты.

Он выждал еще час, потом тихонько встал.

Рядом с ним тут же сел на постели Гай.

– Куда это ты? – прошептал он.

У Тома упало сердце.

– В уборную, – шепнул он в ответ. – Спи.

В дальнейшем, решил Том, нужно будет поменяться с братом местами.

Гай снова опустился на соломенный тюфяк, а Том выскользнул наружу и направился в сторону носа, но как только очутился вне поля зрения Гая – быстро повернул и поспешил к нижней палубе.

При таком ветре и при таком курсе на корабле никогда не бывало тихо. Обшивка скрипела и стонала, паруса хлопали, вода шумно плескалась о корпус.

На нижней палубе свет не горел, но Том двигался уверенно и лишь раз наткнулся на одну из переборок. Но если он и издавал какой-то шум, его не было слышно в общем шуме корабля.

В конце прохода к корме висел единственный фонарь. Он бросал слабый свет на главный коридор. И еще тонкая полоска света пробивалась из-под двери каюты Хэла. Том прокрался мимо нее и ненадолго остановился перед крошечной каютой, где спали три девочки. Ничего не услышав, он пошел дальше.

Пороховой склад находился еще ниже, рядом с тем местом, где основание грот-мачты уходило в кильсон. Том присел рядом с дверью и вставил ключ в замок. Замок оказался тугим, и Тому пришлось приложить значительное усилие, прежде чем тот поддался, и дверь открылась, когда он ее толкнул.

Том замер в темном проеме и вдохнул резкий запах черного пороха. И хотя он ощутил некое удовлетворение, но знал, что перед ним стоит еще множество препятствий.

Тихо закрыв дверь, Том запер ее. Пошарив по перемычке над ней, он нашел щель, в которую спрятал ключ и коробку с трутом и фитилем, которую принес с собой. Потом вернулся той же дорогой обратно к своему тюфяку на оружейной палубе и лег. Гай рядом с ним беспокойно пошевелился. Он все еще не спал, но помалкивал, и вскоре они оба опять заснули.

Пока что все складывалось успешно для Тома. Настолько, что на следующий день он даже испытал тошнотворное подозрение, что удача может ему изменить. Кэролайн по-прежнему не подавала никаких знаков к тому, что его планы могут зайти дальше того, к чему они привели. Храбрость Тома улетучивалась. Он размышлял о том, какому риску подвергался, и о том, что еще может его ждать. Не раз и не два он принимал решение вернуть ключ в отцовский стол и забыть об этой своей отчаянной идее, но потом опять бросал осторожный взгляд на Кэролайн во время урока. И нежная линия ее щеки, розовые губы, слегка надувшиеся от сосредоточения, мягкие руки под пышными рукавами платья, уже слегка позолоченные тропическим солнцем и кое-где украшенные милыми пушистыми волосками, как персик, – все это снова и снова ошеломяло Тома.

«Я должен остаться с ней наедине, хотя бы на минуту, – решил он. – Это стоит любого риска».

Но он все еще колебался, не в силах набраться храбрости для действия. Он качался на грани, пока Кэролайн не толкнула его, и он свалился.

В конце дневных уроков девушка выскочила из каюты раньше Тома. Но как только она шагнула в коридор, ее окликнул мастер Уэлш:

– О, мистрис Кэролайн, вы сможете сегодня вечером заняться музыкой?

Кэролайн обернулась, чтобы ответить ему. И ее движение оказалось настолько неожиданным, что Том невольно на нее налетел. От столкновения она чуть не потеряла равновесие, но схватилась за руку Тома, а он подхватил ее за талию. И в это мгновение они оказались вне поля зрения и Уэлша, и двоих мальчиков в каюте.

Кэролайн не сделала попытки отодвинуться от Тома.

Вместо того она качнулась к нему и прижалась нижней частью тела, и это было намеренное вращательное движение, и она при этом смотрела в лицо Тому лукаво и понимающе. И в этот миг весь мир изменился для Тома. Соприкосновение было мимолетным, но...

Кэролайн тут же шагнула мимо Тома и заговорила с мастером Уэлшем, не входя в каюту.

– Да, конечно! Погода такая хорошая, что мы можем и на палубе встретиться, как вы думаете?

– Блестящая идея! – с готовностью согласился Уэлш. – Тогда, скажем, в шесть часов?

Он по-прежнему пользовался сухопутным счислением времени.

Рядом с Томом у штурвала стоял Нед Тайлер.

Том пытался держать «Серафим» курсом на юго-юго-запад в его неколебимом движении через океан.

– Внимательнее, – проворчал Нед, когда Том позволил кораблю слегка отклониться.

Когда были подняты все паруса, а ветер дул со скоростью двадцать пять узлов, удерживать корабль было то же самое, что удерживать взбесившегося жеребца.

– Посмотри на кильватерную струю, – сурово велел Нед.

Том послушно оглянулся через корму.

– Ну? Как пара змей в медовый месяц! – сказал Нед.

Впрочем, он преувеличивал, и они оба это знали: на длину кабельтова за ними тянулась отчетливо видимая дорожка кремовой пены, изогнувшаяся лишь слегка, но наставник Тома не позволял ему даже такого отклонения.

В следующие десять минут «Серафим» резал синие волны ровно, как летящая стрела.

– Отлично, мастер Томас, – кивнул Нед. – А теперь перечисли паруса, начиная с верха грот-мачты, будь любезен.

– Бом-брамсель, брам-бакштаг...

Том называл паруса без колебаний и без ошибок и при этом не позволял кораблю рыскать.

А потом на палубу вышло трио музыкантов. Гай нес сборник песен Кэролайн и свою лиру. Уэлш, из заднего кармана которого торчала флейта, нес в одной руке стул для девушки, а другой придерживал свой парик.

Компания заняла свое обычное место у поручней с подветренной стороны, укрываясь от главной силы ветра.

Том пытался сосредоточиться на управлении кораблем, чувствуя инквизиторский взгляд Неда и выжидая момент, когда Кэролайн откроет ноты и найдет записку, которую он вложил между страницами.

– Теперь оснастка бизань-мачты, сверху, – сказал Нед.

Том открыл было рот, но замялся.

Кэролайн собиралась петь, и Уэлш передал ей ноты.

– Ну же!

– Топсель, стаксель...

Он снова замолчал.

Кэролайн открыла ноты и нахмурилась.

Она читала что-то между страницами. Тому показалось, что она слегка побледнела, но тут она непроизвольно подняла голову и посмотрела прямо на Тома через всю открытую палубу.

– Нижний прямой парус... – пробормотал Том, отвечая девушке взглядом.

А она снова приняла тот лукавый, загадочный вид и тряхнула головой так, что ее локоны заплесали на ветру. Кэролайн выхватила из нотной тетради листок рисовой бумаги, на котором Том старательно написал свое послание, скатала его в шарик между пальцами и с отвращением бросила в сторону.

Ветер мгновенно подхватил его и унес, а потом швырнул в воду, где листок исчез между белыми барашками волн.

Это был такой откровенный новый отказ, что Тому показалось, будто весь мир пошатнулся.

– Держи бейдевинд! – рявкнул Нед, и Том со стыдом увидел, что позволил «Серафиму» повернуть к подветренной стороне.

Хотя Том и понимал, что это бессмысленно, всю долгую первую вахту он лежал без сна на своем тюфяке, ожидая полуночного часа и споря сам с собой, пытаясь решить, стоит ли рисковать и самому отправиться на назначенное им свидание. Отказ Кэролайн выглядел категоричным, и все же Том не сомневался, что она наслаждалась тем моментом интимности в каюте его отца ничуть не меньше, чем он сам. А мимолетное столкновение перед каютой Уэлша окончательно убедило Тома, что Кэролайн не против и дальнейших приключений.

– Она совсем не такая строгая и благородная леди, как старается выглядеть, – сердито сказал себе Том. – При всех ее модных нарядах ей это нравится точно так же, как Мэри и другим деревенским девчонкам. Готов поспорить на золотую гинею против горсти конского навоза – она знает, как играть в такие игры.

Он заранее передвинул свой тюфяк в нишу за одной из пушек, чтобы рядом не оказалось никого, ни Гая, ни Дориана, и они не смогли бы следить за ним и узнать, когда он уходит или возвращается ночью.

Часы вахты казались бесконечными. Раз или два Том задремал, но тут же резко проснулся, то дрожа от предвкушения, то снедаемый тревожными сомнениями.

Когда на палубе наверху прозвучали семь ударов первой вахты, Том не мог больше ждать и выполз из-под одеяла, чтобы тихонько пробраться по коридору, сдерживая дыхание на случай, если один из братьев вдруг проснется.

И снова Том помедлил у маленькой каюты, в которой спали три девочки, и даже прижал ухо к двери. Он опять ничего не услышал, и его охватило искушение постучать в дверь и понять, лежит ли Кэролайн без сна, как лежал он сам.

Однако здравый смысл взял верх: отойдя от двери, Том осторожно продолжил путь дальше, на нижнюю палубу.

К его облегчению, ключ от склада лежал там же, где он его оставил, как и коробка с огнивом и трuтом. Том отпер дверь и, проскользнув вовнутрь, встал на небольшую скамейку, чтобы дотянуться до висевшего на стене фонаря. Сняв фонарь с креплений, он вышел с ним в коридор и тщательно закрыл дверь, чтобы искра от огнива не попала на рассыпанный по полу склада порох.

Достав из тайника коробку, Том присел на палубе на корточки, прикидывая, насколько рискованно будет ударить кремнем в полной темноте. Но Тома беспокоила не столько опасность взрыва, сколько то, что свет может привлечь к себе чье-то внимание.

Каюта его отца находилась в конце главного коридора, а рядом с ней располагались мистер Битти и его жена. Они могли не спать, или кто-то из них мог выйти из каюты по естественным нуждам. Да и вахтенные офицеры вполне могли заглянуть вглубь корабля, обходя судно, и, конечно, они бы заинтересовались необычной иллюминацией.

Но Том при этом знал с полной уверенностью, что Кэролайн либо не хватит храбрости искать дорогу в полной темноте, либо она просто не сможет ее найти. И он, по крайней мере, мог немного ободрить ее.

Том присел на корточки, закрывая коробку и фонарь своим телом, и ударил стальным кресалом по кремню. Брызнули голубые искры, едва не ослепив его. Сердце Тома колотилось как сумасшедшее, когда он приподнял экран фонаря, зажег фитиль и подождал, прикрывая его ладонями, пока тот не разгорелся как следует. Потом опустил экран, сразу приглушивший свет и защитивший огонек; ни одна искра не могла теперь попасть на случайно просыпанный порох.

Спрятав обратно в тайник ключ и коробку, Том занес фонарь в пороховой склад и снова повесил в крепления на стене.

Выйдя наружу, он прикрыл дверь, оставив лишь небольшую щель, через которую пробивался неяркий свет – слишком скудный, чтобы привлечь ненужное внимание, но достаточный для поощрения робкой девушки, чтобы та без помех спустилась по трапу на нижнюю палубу.

После этого Том сел у двери на корточки, готовый захлопнуть ее при первом намеке на опасность.

Он находился у самого днища корабля и отсюда не мог слышать корабельный колокол, а потому потерял счет времени.

– Да не придет она, – начал твердить он себе после того, как прошло, казалось, несколько часов.

Том уже собрался встать... но не смог заставить себя уйти.

– Еще немножко подожду, – решил он.

И снова прислонился спиной к деревянной переборке.

Наверное, он задремал, потому что сначала ощутил ее аромат, мягкий запах девичьего тела, и лишь потом услышал тихие шаги босых ног по палубе, совсем рядом.

Том вскочил, а она вскрикнула от испуга, когда он появился перед ней из темноты. Том в нервном порыве обхватил ее:

– Это я! Это я! Не бойся!

Она обняла его с неожиданной силой:

– Ты меня напугал...

Кэролайн отчаянно дрожала, и Том прижал ее к груди и стал гладить ее распущенные волосы. Их густые волны, падавшие до середины спины, пружинили под его пальцами.

– Все в порядке. Тут никого нет. Я о тебе позабочусь...

В тусклом свете Том видел, что на Кэролайн надета лишь ночная сорочка из светлого хлопка. У горла она была завязана лентой и спускалась до лодыжек.

– Не следовало мне приходить, – прошептала Кэролайн, прижимаясь лицом к груди Тома.

– Ох, нет... следовало! – выдохнул Том. – Я так долго ждал! Я так хотел, чтобы ты пришла!

Том изумлялся тому, какой маленькой оказалась Кэролайн в его руках и каким теплым было ее тело.

Он крепче обнял девушку:

– Все в порядке, Кэролайн. Нас тут никто не увидит.

И он провел ладонью по ее спине.

Под ее тонкой и гладкой сорочкой ничего не было.

Хэл ощутил каждую линию, выпуклость и впадинку ее тела.

– Но что, если мой отец...

Кэролайн задохнулась и не смогла договорить от страха.

– Нет, нет! Идем со мной.

Он быстро увел ее в пороховой склад и закрыл за ними дверь.

– Здесь нас никто не найдет!

Он крепче прижал ее к себе и поцеловал в макушку.

Волосы Кэролайн испускали легкий аромат. Она уже меньше дрожала и наконец подняла голову, чтобы посмотреть на Тома. Огромные глаза девушки сияли в тусклом свете фонаря.

– Не будь груб со мной! – тихо попросила она. – Не делай мне плохого.

Одна лишь такая мысль ужаснула Тома.

– Ох, милая... я никогда ничего такого не сделаю!

Слова заверения совершенно естественно слетели с его языка.

– Я люблю тебя, я тебя полюбил в тот самый момент, когда впервые увидел твое прекрасное лицо!

Том до сих пор и не подозревал, что наделен даром красноречия, как не знал и того, насколько хорошо послужит ему этот дар в будущем.

– Я продолжал тебя любить, хотя ты так холодно ко мне относилась...

Талия Кэролайн была такой тонкой, что Том почти мог обхватить ее ладонями. Он крепче прижал к себе девушку, ощутив животом ее живот.

– Я совсем не хотела быть недоброй к тебе, – жалобно произнесла Кэролайн. – Я хотела быть с тобой, но я просто не могла с собой справиться.

– Тебе не нужно ничего объяснять, – остановил ее Том. – Я все знаю.

Он стал целовать ее лицо, осыпая короткими поцелуями лоб и глаза, и наконец добрался до губ. Сначала они были крепко сжаты, но постепенно открылись ему навстречу, как свежие лепестки какого-нибудь экзотического цветка, влажного и горячего, наполненного нектаром, от которого у Тома голова пошла кругом. Ему хотелось впитать самую суть Кэролайн через эти губы...

– Здесь мы в безопасности, – еще раз заверил он ее. – Никто сюда никогда не спускается.

Он продолжал шептать и шептать, чтобы отвлечь Кэролайн, и постепенно вел ее к штабелям шелковых мешков с порохом.

– Ты такая чудесная...

Он слегка наклонил ее назад:

– Я постоянно думаю о тебе, каждое мгновение...

Кэролайн расслабилась и позволила уложить себя на матрас из шелка и пороха.

А он начал целовать ее в шею.

Одновременно Том осторожно развязывал ленту у горла ночной сорочки. Инстинкт предостерегал его, заставляя действовать как можно медленнее, чтобы она могла сделать вид, будто ничего не замечает.

Том шептал:

– У тебя такие шелковистые волосы и пахнут, как роза...

Но его пальцы двигались легко и ловко.

Одна из круглых грудей выскользнула из-под рубашки, и тут же Кэролайн напряглась всем телом и задохнулась:

– Мы не должны этого делать! Остановись... пожалуйста!

Грудь Кэролайн оказалась очень белой и намного крупнее, чем ожидал Том. Он не попытался притронуться к ней, хотя она легко касалась его щеки. Он просто крепко обнимал Кэролайн и бормотал разные лстивые слова, пока наконец напряжение не оставило ее, а одна рука не опустилась на его затылок. Кэролайн стиснула его связанные в хвост волосы и тянула все крепче. Вскоре глаза Тома наполнились слезами. Но он ничего не имел против такой боли.

А Кэролайн, словно не осознавая, что делает, повернула его голову. И теплая мягкая грудь прижалась к его лицу так, что Том одно мгновение даже не мог дышать. А потом он приоткрыл рот и сжал губами сосок. Он был крепким и слегка шершавым. Мэри нравилось, когда он посасывал ее грудь, и называла это «кормлением младенца».

Кэролайн испустила тихий гудящий звук из глубины горла и начала тихо покачивать Хэла, словно он и вправду был младенцем. Ее глаза были крепко закрыты, на губах блуждала полуулыбка...

– Погладь меня, – пробормотала она так тихо, что Том не сразу ее понял. – Погладь меня... – повторила она. – Так же, как ты уже делал...

Ночная сорочка Кэролайн задралась почти до верха бедер, и теперь девушка раздвинула ноги. Том потянулся вниз, и она вздохнула:

– Да, вот так...

Она принялась двигать бедрами, как будто сидела на скачущем пони. Не прошло и нескольких минут, как ее спина выгнулась, и Том почувствовал, как напряглись все мышцы ее маленького тела.

Он подумал, что это похоже на натянутый лук, когда на него накладывают стрелу, готовясь выстрелить.

А Кэролайн вдруг содрогнулась всем телом и вскрикнула, напугав Тома, а потом безвольно расслабилась в его руках, как неживая. Том встревожился. Он заглянул ей в лицо и увидел, что оно пылает, но глаза все так же закрыты, а над верхней губой поблескивают капельки пота.

И тут она открыла глаза и посмотрела на Тома пустым взглядом. Потом внезапно отпрянула и изо всех сил ударила его ладонью по щеке.

– Ненавижу тебя! – яростно прошептала она. – Зачем ты заставил меня прийти сюда? Ты не должен был вообще прикасаться ко мне вот так! Это ты во всем виноват!

И она разрыдалась.

Том в изумлении отодвинулся, но, прежде чем он опомнился, Кэролайн вскочила. Шурша рубашкой и босыми ногами по деревянному полу, она рывком открыла дверь порохового склада и выскочила в коридор.

Тому понадобилось некоторое время, чтобы в достаточной мере оправиться от потрясения. Все еще смущенный и растерянный, он загасил фонарь, потом вышел из склада и тщательно запер дверь. Ему теперь следовало найти возможность вернуть ключ в отцовский стол, но это было не к спеху. Пока что не наблюдалось никаких признаков того, что отсутствие ключа

обнаружено. И все же держать его при себе представляло слишком большую опасность, так что Том вернул его в тайник над дверью.

Тихо проходя мимо двери каюты Кэролайн, он обнаружил, что дрожит с головы до ног от негодования и гнева. Его охватило почти непреодолимое желание вытащить Кэролайн из постели и выплеснуть ей все свои чувства. Но он сумел сдержаться и отправиться дальше, к своему тюфяку на оружейной палубе.

Гай ждал его как некая безмолвная тень, съездившаяся за орудийным лафетом.

– Где ты был? – спросил он шепотом, но требовательно.

– Нигде.

Брат застал Тома врасплох, и обычный ответ вырвался у него сам собой:

– Ходил по нужде.

– Тебя не было с момента семи ударов первой вахты, почти два часа! – мрачно заявил Гай. – Ты, наверное, ту бочку доверху наполнил. От тебя самого, пожалуй, ничего и не осталось.

– Да уймись ты... – начал было Том, но умолк.

Потом, после паузы, добавил:

– Как бы то ни было, я не обязан тебе докладывать. Ты мне не сторож.

Он упал на тюфяк, свернулся в клубок и натянул одеяло на голову.

«Глупая мелкая самка, – с гневной горечью думал он. – Я и пальцем не шевельну, если она вдруг свалится за борт и ее сожрут акулы».

«Серафим» ровно шел на юго-запад, не убавляя паруса все звездные ночи. В полдень каждого дня Том стоял на юте вместе с другими офицерами и с помощью собственных инструментов, подарка отца, наблюдал за солнцем, вычисляя широту, на которой находился корабль. Его отец и Нед Тайлер тоже измеряли положение солнца, а потом все трое сравнивали результаты. В один незабываемый день Том, закончив сложные вычисления, оторвался от грифельной доски и посмотрел на отца.

– Ну, сэр? – спросил отец со слегка снисходительной улыбкой.

– Двадцать два градуса шестнадцать минут тридцать восемь секунд южной широты, – неуверенно ответил Том. – По моим расчетам, нам осталось всего несколько лиг до тропика Козерога.

Хэл театрально нахмурился и посмотрел на Неда.

– Грубая ли ошибка, мистер Помощник?

– Есть такое дело, капитан. Не меньше чем на десять секунд.

– По-моему, на все пятнадцать. – Выражение лица Хэла смягчилось.

– Не стоит его выпороть за это?

– Не в этот раз.

Нед усмехнулся, что бывало с ним очень редко.

Ошибка между тремя расчетами составляла всего несколько морских миль в бесконечных просторах океана. И никто на земле не смог бы сказать, чей расчет самый правильный.

– Неплохо, парень! – Хэл взъерошил Тому волосы. – Мы еще можем сделать из тебя моряка.

Весь остаток этого дня Том сиял от радости.

Когда они пересекли тропик Козерога, погода резко изменилась. Они теперь вошли в дождливый сектор Южной Атлантики, и небо почти мгновенно скрылось до самого горизонта за тяжелыми, темными грозовыми тучами, и их подвижные горы с ровными вершинами казались похожими на наковальни Вулкана, божественного кузнеца. А под их мрачными животами то и дело сверкали молнии. Удары грома звучали как грохот молота небесного кузнеца.

Хэл отдал приказ убавить паруса и подал сигнал «Йоркширцу»: «Наблюдай за мной». Солнце спустилось за штормовые тучи, окрасив их кровью, и на корабли обрушился ливень. Сплошные потоки воды колотили по деревянным палубам с такой силой, что шум заглушал человеческие голоса. Моряки ничего не видели сквозь ревущий занавес воды, даже от края одного борта до края другого рассмотреть что-то не представлялось возможным. Шпигаты не успевали выпустить воду с главной палубы достаточно быстро, и рулевой стоял в ней по колено.

Но команда радовалась этому миру свежей воды; матросы поднимали вверх лица и, открыв рты, пили до тех пор, пока животы у них не вздувались; вода смывала соль с их тел и одежды. Люди смеялись и брызгали друг на друга.

Хэл не делал попытки утихомирить их. Морская соль раздражала их кожу, иногда даже вызывая нарывы в подмышках и промежности. Возможность смыть наконец с кожи эти едкие кристаллы являлась большим облегчением.

Хэл приказал наполнить опустевшие водяные бочки.

Матросы набирали свежую чистую воду в ковши и ведра, и вскоре все бочки на борту наполнились до краев.

Дождь шел всю ночь и продолжился на следующий день, не прекратился он и потом; а на третий день, когда над водной пустыней выстроились высокие белые облака, оказалось, что «Йоркширец» пропал из вида.

Хэл отправил на мачту Тома и Дориана, потому что их молодые глаза были самыми острыми на корабле.

Хотя они провели в гнезде наверху почти весь день, но не заметили даже признака парусов «Йоркширца» на волнующемся горизонте.

– Да мы его и не увидим, пока не бросим якорь на мысе Доброй Надежды, – высказал свое мнение Нед Тайлер.

Хэл втайне согласился с ним.

Едва ли два корабля могли снова найти друг друга в этой бесконечности океана. И это не слишком встревожило Хэла: они с Андерсоном предполагали такую возможность. И назначили встречу в Столовой бухте, куда теперь оба судна должны были добираться каждый сам по себе.

На пятьдесят второй день после выхода из Плимута Хэл приказал положить «Серафим» на правый галс. По его расчетам, им оставалось меньше тысячи миль до побережья Южной Америки. С помощью инструментов и навигационных таблиц он мог уверенно рассчитать положение корабля в пределах двадцати миль. Однако определение широты представляло собой скорее не точную науку, а некий мистический ритуал, основанный на изучении ежедневной расстановки колышков на траверз-доске и целом ряде догадок и экстраполяций.

Хэл слишком хорошо знал, что его счисления могут не совпадать с реальностью даже на сотню миль. И чтобы дойти до мыса Доброй Надежды, ему теперь требовалось сопротивляться пассату, пока он не окажется на тридцать втором градусе южной широты, а потом взять курс прямо на восток, пока не увидит плоскогорье, которое отмечало окончательность Африканского континента.

Им предстояла самая медлительная и самая выматывающая часть пути: ветер будет дуть почти прямо в лицо, и придется каждые несколько часов менять курс.

Чтобы не пройти мимо мыса, оказавшись слишком далеко к югу, и не очутиться в лежащем за ним Индийском океане, ему необходимо было держаться вдоль дикого африканского побережья. А здесь крылась еще одна опасность: судно могло налететь на сушу в ночной тьме или в густом тумане, который частенько поднимался вокруг мыса. Многие большие корабли нашли могилу в водах у этих опасных берегов. Помня обо всем этом, Хэл лишь радовался тому, что, когда придет время, он сможет воспользоваться острым зрением Тома и Дориана.

Думая о двоих своих сыновьях, Хэл был очень доволен и тем, как они продвигались в изучении арабского языка. Гай бросил эти уроки под тем предлогом, что в Бомбее вряд ли многие говорят по-арабски, но Том и Дориан каждый день по часу сидели с Элом Уилсоном на баке и болтали на этом языке, как длиннохвостые попугаи.

Когда Хэл проверял их, он видел, что они вполне могут поддерживать разговор с ним.

Знание арабского, которое совершенствовалось у них с каждым днем, могло оказаться очень полезным в Краю Лихорадок. Говорить на языке врага – отличная стратегия, думал Хэл.

С тех пор как они ушли от Ушанта, они не видели никаких кораблей, кроме «Йоркширца», но этот океан отнюдь не являлся пустыней: здесь можно было увидеть много странного и прекрасного. Это интриговало и восхищало Тома и Дориана, когда они плечом к плечу сидели на корточках в гнезде на мачте, высоко над палубой.

Однажды из бесконечных водных далей явились альбатросы. Кружа над кораблем на огромных крыльях, взмывая и опускаясь в потоках воздуха, скользя и планируя, они иногда оказывались так близко к белым барашкам волн, что и сами выглядели клочьями пены; они держались рядом с кораблем несколько дней.

Мальчики никогда прежде не видели птиц таких размеров. Иногда какой-то из альбатросов пролетал совсем рядом с похожим на бочку гнездом, в котором съежились братья; птицы как будто пользовались воздушным потоком, несшим «Серафим», и даже не махали крыльями, а просто плыли в воздухе, и лишь черные кончики перьев слегка трепетали. Дориан восторгался этими существами, чьи крылья в размахе превосходили его руки в три или четыре раза.

Матросы называли этих птиц «глупыми чайками» из-за того, что альбатросы вели себя слишком доверчиво, когда садились на землю.

Дориан выпрашивал у корабельного кока остатки еды и бросал их кружащим птицам.

Альбатросы быстро запомнили его и стали ему доверять, прилетали на свист и крик Дориана. Они плыли в воздухе рядом с ним – так близко, что до них почти можно было дотянуться. Казалось, они совершенно неподвижно зависали в воздухе, изящно ловя угощение.

На третий день, пока Том держал младшего брата за пояс, чтобы тот не свалился вниз, Дориан вытянулся из гнезда насколько мог далеко, держа в руке кусок солонины. Одна из глупых чаек окинула его умным взглядом древнего существа, спикировала на раскинутых крыльях – и схватила угощение прямо из руки, деликатно сжав кусок пугающим изогнутым клювом, который легко мог откусить один из пальцев мальчика.

Дориан присвистнул и победоносно захлопал в ладоши, а три девочки Битти, наблюдавшие за его игрой с птицами, завизжали от восторга. Когда в конце вахты Дориан спустился на палубу, Кэролайн поцеловала его в лоб на глазах офицеров и свободных от вахты матросов.

– Девчонки такие мягкие! – сообщил Дориан Тому, когда они остались одни на оружейной палубе, и изобразил тошноту.

В следующие дни альбатрос, взявший из рук Дориана угощение, стал еще более ручным и больше доверял ему.

– Как ты думаешь, Том, он меня любит? Мне бы хотелось забрать его с собой, как своего питомца!

Но на восьмое утро, когда мальчики поднялись на мачту, птица исчезла. Хотя Дориан весь день свистел, призывая его, альбатрос исчез, и на закате ребенок горько заплакал.

– Какой ты еще малыш! – сказал Том и обнимал братишку, пока тот не перестал шмыгать носом.

Наутро после исчезновения альбатроса Том занял свое обычное место напротив переборки в каюте мастера Уэлша. Когда пришли три девочки, опоздав, как обычно, на дневной урок, Том отчаянно сопротивлялся желанию посмотреть на Кэролайн. Он все еще горел негодованием из-за того, как она с ним обошлась. Сара Битти, по-прежнему боготворившая его и

постоянно делавшая ему маленькие подарки, на этот раз соорудила для него бумажную розу в качестве книжной закладки и преподнесла ее у всех на глазах. Том вспыхнул от унижения и неловко пробормотал несвязную благодарность, а Дориан за спиной Сары изобразил, как качает на руках младенца. Том пнул его в ногу и потянулся за своими книгами и грифельной доской, лежавшими в ящике под скамьей.

Посмотрев на свою доску, он увидел, что кто-то стер с нее алгебраическое уравнение, над которым он бился накануне. Он уже хотел обвинить в преступлении Дориана, когда вдруг сообразил, что в нижней части доски изящным почерком написано: «Сегодня в то же время».

Том уставился на надпись.

Он сразу узнал эту руку.

Дориан и младшие девочки все еще писали неровными детскими каракулями, а почерк Гая был флегматическим, лишенным каких-либо украшательств.

Хотя Том все еще ненавидел Кэролайн всей душой, он узнал бы ее почерк где угодно и когда угодно.

Внезапно Том заметил, что Гай вытягивает шею, пытаясь через его плечо прочитать написанное на доске.

Том перевернул ее, пряча от брата, и большим пальцем быстро размазал меловые буквы, так что прочитать их стало невозможно.

И, не удержавшись на этот раз, посмотрел в сторону Кэролайн.

Она выглядела равнодушной, как обычно, и не замечала его присутствия, погружившись в сборник стихов, который дал ей мастер Уэлш. Но видимо, она ощутила его взгляд, потому что повернутое к Тому ухо, выглядывавшее из-под чепчика в облачке кудряшек, медленно порозовело. И это выглядело столь поразительно, что Том тут же забыл о своей ненависти и зачарованно уставился на девушку.

– Томас, ты решил задачу, которую я дал тебе вчера?

Уэлш смотрел на него, и Том виновато вздрогнул.

– Да, то есть нет, то есть почти...

Весь остаток занятий Том был вне себя от эмоций.

В какой-то момент он решил презреть назначенную ею встречу и посмеяться в лицо Кэролайн на следующее утро. Он даже издал презрительный смешок, и все в каюте замерли и выжидающе уставились на него.

– Ты хочешь поделиться с нами каким-то перлом мудрости или эрудиции, Томас? – саркастически поинтересовался Уэлш.

– Нет, сэр. Я просто задумался.

– Вот почему мне показалось, что где-то колеса скрипят. Что ж, не будем прерывать столь редкое явление. Прошу вас, сэр, продолжайте.

Весь этот день его чувства к Кэролайн металась между обожанием и гневным отвращением. Позже, когда он сидел высоко в гнезде на мачте, он ничего не замечал, кроме воды, которая казалась фиолетово-синей, как глаза Кэролайн. Дориану пришлось подтолкнуть его, показывая на светлый фонтан на горизонте, выпущенный каким-то китом, но даже тогда Том посмотрел в ту сторону без особого интереса.

Стоя рядом с отцом и делая дневные исчисления апертуры, он вспоминал ощущение нежной груди, прижавшейся к его лицу, и все его мысли разлетались.

Когда отец взял из его рук навигационную доску и прочитал записи, он повернулся к Неду Тайлеру:

– Поздравляю, мистер Тайлер. За ночь вы, должно быть, вернули нас обратно в Северное полушарие. Отправьте кого-нибудь надежного на мачту. Мы в любой миг можем налететь на восточное побережье Америки.

За ужином Том не испытывал голода и отдал свой ломоть солонины Дориану, аппетит которого был просто легендарным – младший брат слопал мясо с волчьей жадностью, прежде чем Том успел передумать.

Потом, когда фонари на орудийной палубе были приглашены на ночь, Том лежал без сна в своем углу за лафетом и снова и снова мысленно готовился...

Ключ от склада и коробка с кремнем лежали на прежнем месте, в маленьком углублении над дверным косяком. Том ждал возможности вернуть ключ в отцовский стол, но удобный случай пока не подворачивался.

И теперь Том был бесконечно этому рад. Он уже решил, что любит Кэролайн больше всего на свете и без колебаний отдаст за нее жизнь.

При семи склянках первой вахты он сполз со своего тюфяка и замер, высматривая, не заметил ли кто-то, что он встает. Два его брата казались маленькими темными фигурками за огромным телом Эболи, растянувшегося на палубе в смутном свете прикрытых заслонками боевых фонарей. Перешагивая через храпящие и сопящие тела других членов команды, Том неуклонно продвигался к трапу.

В капитанской каюте снова горел свет, и Том вдруг ощутил любопытство и задал себе вопрос, что же постоянно заставляет отца бодрствовать за полночь. Он тихо прошел мимо и опять невольно задержался перед каютой девочек. Ему показалось, что он слышит за переборкой тихое дыхание, потом одна из младших сестер что-то неразборчиво пробормотала во сне. Том направился дальше.

Достав из тайника ключ, он вошел в пороховой погреб, чтобы найти фонарь, зажечь его и вернуть в крепления на стене.

К этому времени Том уже так перенервничал, что подпрыгивал при каждом странном звуке на быстро идущем корабле, при шорохе крыс в нижнем трюме или постукивании свободного конца каната. Съежившись рядом с дверью порохового склада, он смотрел на основание трапа. На этот раз он не задремал, а потому сразу увидел босые белые ноги Кэролайн, как только они осторожно шагнули на ступени. И тихо свистнул, чтобы успокоить ее.

Она нагнулась и посмотрела на него. И быстро миновала оставшуюся часть трапа. Том рванулся ей навстречу, и она бросилась в его объятия и сама его обняла.

– Я хотела попросить прощения, мне ужасно жаль, что я тебя ударила, – прошептала она. – Я с того момента только и делала, что ненавидела себя.

Том не доверял собственному голосу и потому промолчал, а она подняла голову и посмотрела на него. Ее лицо в полутьме казалось просто светлым овалом, но Том наклонился к ней, ища губы.

В то же мгновение девушка дернулась ему навстречу, и его первый поцелуй угодил в лоб, следующий – в кончик носа, и лишь потом их губы встретились.

Кэролайн отпрянула первой.

– Не здесь, – шепнула она. – Кто-нибудь может прийти.

Когда он взял ее за руку и провел в погреб, она охотно последовала за Томом. И без колебаний шагнула прямо к мешкам с порохом и сама потянула Тома, чтобы он лег рядом с ней.

Не прерывая поцелуя, Кэролайн дернула за шнурок на ворота рубашки Тома и, когда тот поддался, просунула маленькую прохладную руку под ворот и погладила грудь Тома.

– Ты волосатый! – Она как будто удивилась. – Хочу посмотреть. – И подняла подол его рубашки. – Шелковистые... такие мягкие...

Она прижалась лицом к его груди. Дыхание Кэролайн было теплым и щекочущим. Это возбудило Тома как никогда в жизни.

На него нахлынуло странное тревожное чувство, как будто Кэролайн могла в любой момент испариться. Он попытался развязать ленту на ее ночной сорочке, но на этот раз его пальцы двигались неловко, с трудом.

– Погоди... – Она отвела его руку. – Давай я сама...

Том смутно осознал, что она ведет себя совсем не так, как в их первую встречу: теперь она демонстрировала смелость и уверенность в себе. Она сейчас куда больше походила на Мэри или кого-то еще из девушек, с которыми Том имел дело в Хай-Уилде.

И в то же мгновение убедился, что интуиция его не обманула.

Она уже занималась этим прежде, она знала так же много, как и он сам, а возможно, и еще кое-что, и это понимание подтолкнуло его вперед.

Он больше не имел причин сдерживаться.

Кэролайн встала на колени, быстрым движением сняла через голову сорочку и бросила ее на пол. Теперь она оказалась полностью обнажена, но Том видел только ее груди, большие, круглые и белые: они словно светились, как две огромные жемчужины, висящие перед ним в полумраке. Он потянулся к ним, обхватил ладонями...

– Ох, не так сильно! Не будь таким грубым, – предостерегла его Кэролайн.

И какое-то время позволяла ему делать, что он хочет, но потом зашептала:

– Погладь меня! Погладь там, как раньше...

Он выполнил ее просьбу, а она закрыла глаза и лежала неподвижно. Том двигался над ней медленно, осторожно, чтобы не испугать.

Он спустил бриджи до колен.

Кэролайн вдруг попыталась сесть:

– Почему ты остановился? – Она посмотрела вниз. – Что ты делаешь? Нет, прекрати!

Она хотела вывернуться из-под него, но Том был намного тяжелее и сильнее, чем она, и Кэролайн не могла сдвинуть его с места.

– Я не сделаю тебе больно, – пообещал он.

Она безуспешно толкнула его в плечи раз, другой, но постепенно сдалась. Перестала барахтаться и расслабилась под настойчивыми руками Тома.

Напряженность в ее теле исчезла. Она закрыла глаза и тихонько загудела глубиной горла.

И вдруг все ее тело дернулось, Кэролайн негромко вскрикнула:

– Что ты делаешь? Прошу, не надо! Ох, Том, что ты делаешь?

Она снова стала сопротивляться, но он держал ее очень крепко, и через какое-то время она опять затихла. И они начали двигаться в унисон, в естественном ритме, древнем, как само человечество.

А потом они долго лежали молча, и покрывший их тела пот понемногу высыхал, а дыхание наконец выровнялось настолько, что они смогли заговорить.

– Поздно уже. Агнес и Сара скоро проснутся. Мне надо идти, – прошептала Кэролайн и потянулась к своей ночной сорочке.

– Ты придешь еще? – спросил Том.

– Возможно.

Она натянула сорочку и завязала ленту у горла.

– Завтра ночью? – настаивал Том.

– Возможно, – повторила она и, соскользнув с мешков, направилась к двери.

Там она прислушалась, потом приоткрыла дверь и посмотрела в щель.

После этого она открыла дверь ровно настолько, чтобы выскользнуть наружу, и исчезла.

«Серафим» постепенно миновал тропические широты, продолжая идти на юг. Стало прохладнее, и после удушающей жары налетел свежий ласковый ветер с юго-востока. Океан наполнился жизнью, в воде клубились криль и планктон. С мачты можно было увидеть косяки тунца, бесконечные потоки огромных рыб легко обгоняли корабль в своем таинственном блуждании по зеленому океану.

И вот наконец однажды днем исчисления показали, что корабль закончил движение на юг, и на тридцать втором градусе южной широты Хэл повернул его на последний отрезок пути к мысу Доброй Надежды.

Хэл чувствовал большое облегчение в связи с тем, что их долгое путешествие близилось к концу и вскоре они подойдут к суше. Лишь накануне доктор Рейнольдс доложил ему о первых случаях цинги среди матросов. Эта загадочная болезнь являлась проклятием каждого капитана, совершавшего долгий переход. Если корабль останется в море еще на шесть недель, миазмы, что, похоже, вызывали болезнь, могли свалить всю команду без видимых причин или предупреждения.

Хэл знал, что двое заболевших – просто первые из многих. Они показали хирургу свои опухшие, кровоточащие десны и выступившие на животах темные пятна, где кровь скапливалась под кожей. Никто не знал, что вызывает эту болезнь, как никто не знал и того, почему она исчезает волшебным образом, а ее жертвы выздоравливают, как только корабль приходит в порт.

– Поскорее бы дойти, Боже! – молился Хэл, глядя на пустой восточный горизонт.

Теперь, когда они приближались к земле, вокруг них веселились дельфины. Они подпрыгивали на пенных волнах, ныряли под корабль и выскакивали с другой его стороны. Изгибая блестящие черные спины, они высоко взлетали в воздух и оглядывали людей яркими веселыми глазами.

Этот океан любили и огромные киты. Иногда братья, наблюдая с мачты, видели их белые фонтаны. Подобные горам существа кувыркались и подпрыгивали на поверхности воды. Некоторые были длиннее корпуса «Серафима». Иногда они проплывали так близко, что мальчики могли рассмотреть их усы и всякую живность, поселившуюся на их огромных боках, как будто киты были рифами, а не живыми существами.

– В каждой такой рыбине – двадцать тонн жира, – сказал Тому Большой Дэниел, когда они вместе стояли у бушприта, наблюдая за тем, как какой-то из левиафанов поднимался из глубины примерно в кабельтове перед ними, задрав к небу мощный раздвоенный хвост.

– У него один только хвост шириной в риф на бизани, – восхитился Том.

– Говорят, это самые огромные существа в подлунном мире, – кивнул Дэниел. – А если добыть десять тонн их жира, так это могло быть выгоднее, чем гоняться за пиратами.

– Да разве можно убить такую громадину? – изумился Том. – Это же все равно что попытаться подстрелить гору!

– Опасная работа, да, но есть люди, которые ее делают. Голландцы – великие китобои.

– Мне бы хотелось попробовать, – признался Том. – Мне бы хотелось стать великим охотником.

Большой Дэниел показал вдаль:

– Нам и так будет на что поохотиться, парень. В тех землях полно диких тварей. Там есть слоны с роскошными бивнями, больше твоего роста. Твое желание может исполниться.

Волнение Тома усиливалось с каждым днем.

После окончания измерений он отправлялся в каюту к отцу и наблюдал, как тот наносит на карту положение корабля: линия на карте все приближалась к огромным очертаниям суши, похожей на конскую голову.

Дни Тома были так наполнены волнением и бешеной активностью, что к ночи он совершенно выматывался.

По большей части он успевал поспать немного до полуночи, однако сразу просыпался в конце первой вахты и тихонько сползал со своего тюфяка.

Ему не требовалось умолять о свиданиях: Кэролайн по собственному желанию каждую ночь приходила в пороховой склад. Том понял, что он пробудил настоящую дикую кошку.

Кэролайн больше не колебалась и не изображала скромность, а с такой же страстью, как и он сам, изливала чувства в крике и визге.

На Томе частенько оставались свидетельства их встреч: длинные царапины от ее ногтей на спине, искусанные и распухшие губы...

Он стал слишком беспечен в своей спешке на свидания и не раз оказывался на волосок от неприятностей. Как-то он проходил мимо каюты мистера Битти, и ее дверь внезапно распахнулась и оттуда вышла миссис Битти. Том едва успел натянуть на лоб шапку, шагая мимо нее.

– Семь склянок первой вахты, все в порядке, – хрипло пробормотал он, слегка изменив голос.

Том теперь был так же высок ростом, как и другие мужчины на борту, а коридор освещался очень слабо.

– Спасибо, милый.

Миссис Битти, чрезвычайно смущенная тем, что ее застали в ночной сорочке, тут же снова спряталась за дверь, словно оказалась в чем-то виновата.

Не раз и не два Тому казалось, что за ним кто-то следит, когда он спускается вниз с оружейной палубы. Однажды он действительно услышал шаги, что спускались следом за ним по трапу, но когда обернулся, то никого не увидел.

В другой раз он только выходил с нижней палубы сразу после полуночи, в конце средней вахты, когда раздались шаги морских сапог со стороны юта. Том едва успел отскочить назад, когда Нед Тайлер прошагал по коридору к каюте Хэла. Из тени Том наблюдал, как Нед постучал в дверь, и услышал отцовский голос, донесшийся изнутри:

– В чем дело?

– Это Нед Тайлер, капитан. Ветер усиливается. Разреши убавить парусов.

– Я сейчас выйду на палубу, Нед, – услышал Том ответ отца.

Через минуту Хэл быстро вышел из каюты, на ходу надевая куртку; пройдя в нескольких футах от того места, где затаился Том, он взбежал по трапу на палубу.

Том добрался до своего тюфяка на оружейной палубе как раз в тот момент, когда прозвучал свисток боцмана и голос Большого Дэниела загудел из темноты:

– Все наверх! Убираем паруса!

Том сделал вид, что протирает со сна глаза, и присоединился к матросам, принявшимся за работу в бурной ночи.

Том по природе не слишком трусил и не тревожился из-за таких моментов, даже почему-то становился более дерзким от столкновений с опасностью. В его походке в последние дни появилась некая важность, как у молодого петуха, и Эболи, глядя на него, усмехался и покачивал головой:

– Да, это настоящий сын настоящего мужчины!

Как-то утром, когда корабль лег на левый галс и качка ослабела, Том вместе с другими готовился спуститься с мачты после перемены положения парусов.

И вдруг, просто потому, что на него нахлынул восторг, Том выпрямился на рее во весь рост и изобразил нечто вроде шотландского танца.

На палубе все до единого застыли от ужаса, наблюдая за самоубийственным фиглярством Тома. А он, босой, пританцовывая, прошелся по рее в сорока футах над палубой, положив одну руку на бедро, а вторую закинув на затылок, а потом перепрыгнул к вантам и соскользнул на палубу. У него, правда, хватило ума сначала убедиться, что в этот момент отец на палубе отсутствовал. Однако еще до конца дня Хэл узнал об эскападе и послал за Томом.

– С какой стати ты проделал такую безответственную глупость? – резко спросил Хэл сына.

– Просто Джон Тадвел заявил, что я не осмелюсь, – объяснил Том, как будто это была причина, важнее которой нет в целом мире.

Пожалуй, для него это так и есть, подумал Хэл, всматриваясь в лицо Тома.

И, к своему изумлению, вдруг осознал, что смотрит на мужчину, а не на мальчика. За несколько недолгих месяцев путешествия Том окреп и возмужал, его стало просто не узнать. Его тело закалилось от работы, плечи стали широкими, на руках выросли мускулы от долгих часов ежедневных тренировок с Эболи на саблях, и он обрел кошачью ловкость.

Но появилось в нем и кое-что еще, что не поддавалось определению.

Хэл знал, что Том всегда был самым не по годам развитым из его сыновей, и, хотя он старался сдерживать Тома в его сумасбродствах, он все же совершенно не желал умирять дерзкую авантюрную природу парня. Втайне Хэл даже восхищался храбростью юноши и гордился его своеволием.

Но сейчас он понимал: произошло нечто такое, что он упустил.

Перед ним стоял полностью созревший мужчина, не уклонявшийся от его взгляда.

– Хорошо, – сказал наконец Хэл. – Ты доказал Джону Тадвелу, что он ошибался, так? А значит, незачем больше отплясывать на реях.

– Да, отец, – с готовностью согласился Том. – То есть если кто-нибудь еще не заявит мне, что у меня кишка тонка.

Улыбка Тома оказалась такой заразительной, что Хэл почувствовал, как сами собой растягиваются его собственные губы.

– Убирайся! – Он подтолкнул Тома к двери каюты. – Нет смысла логически рассуждать с варварами...

Гай сидел на своем обычном месте рядом с Кэролайн в каюте мастера Уэлша. Он был бледен и очень мало говорил во время утренних занятий, отвечая на вопросы педагога напряженно и односложно.

Он не отрывал взгляда от своей книги, не смотрел ни на Тома, ни на Кэролайн, даже когда они читали вслух тексты.

Наконец Кэролайн заметила его странное поведение.

– С тобой что-то не так, Гай? – шепотом спросила она. – Снова морская болезнь?

Гай не смог заставить себя посмотреть ей в лицо.

– Я в полном порядке, – ответил он и тихо добавил: – Тебе незачем обо мне беспокоиться, совершенно незачем!

Гай за последние недели создал собственный фантастический мир – после того как подписал договор, гарантирующий ему службу в филиале компании в Бомбее. Учитывая связи его собственной семьи и покровительство мистера Битти, Гай воображал очень быстрое продвижение по службе в компании. Семья Битти должна была стать его собственной семьей, Кэролайн следовало находиться рядом с ним. Гай представлял, как они будут каждый день наслаждаться обществом друг друга в тропическом раю Бомбея. Они будут кататься верхом в пальмовых рощах, а вечерами – музицировать, Гай станет играть, а Кэролайн – петь. Они будут читать стихи и устраивать пикники всей семьей. И он будет гулять с ней рука об руку по белым пляжам, обмениваясь нежными целомудренными поцелуями. И через несколько лет, когда ему исполнится двадцать и он поднимется по служебной лестнице, он сможет позволить себе жениться.

И вот все его мечты разлетелись вдребезги.

Когда Гай пытался думать о своем отвратительном открытии, его мысли начинали бешено метаться, словно обезумевшая лошадь. Руки дрожали, мозг кипел. Гай не мог уже и минуты выдержать в этой крошечной каюте, рядом с теми двумя людьми, которых он ненавидел так, как прежде и вообразить не мог.

Гай резко встал:

– Мастер Уэлш, прошу меня извинить. Мне что-то нехорошо. Мне нужно выйти на палубу... на воздух...

И, не дожидаясь разрешения, Гай потащился к двери и ускользнул вверх по трапу. Он быстро ушел на нос корабля и, держась за фал, подставил лицо ветру. В нем жило бездонное отчаяние, а вся его дальнейшая жизнь выглядела теперь бесконечной голой равниной.

– Я хочу умереть! – вслух произнес он.

И наклонился над бортом.

Вода внизу была зеленой и прекрасной. И в глубине наверняка царило полное спокойствие...

Гай встал на цепь поручня и покачнулся, держась за канат одной рукой.

– Это будет совсем легко, – сказал он себе. – Легко и быстро.

Он начал наклоняться вперед, к бурным волнам под рассекавшим воду носом корабля.

Сильная хватка сомкнулась на его свободном запястье, и Гай чуть не потерял равновесие.

– Ты там вроде ничего не потерял, внизу, а, Мбили? – проворчал голос Эболи. – Да и плавать ты никогда не умел толком.

– Отпусти меня! – с горечью произнес Гай. – Ну почему ты вечно во все вмешиваешься, Эболи? Я просто хочу умереть.

– Твое желание исполнится, и это единственное, в чем можно быть уверенным в этой жизни, – заверил его Эболи. – Но не сегодня, Мбили.

Это имя Эболи дал Гаю в день его рождения, и оно означало на языке лесов «номер два».

Он еще сильнее сжал руку Гая.

Гай тщетно пытался сопротивляться огромной силе:

– Отпусти меня, Эболи! Пожалуйста!

– На тебя матросы смотрят, – тихо сказал Эболи.

Гай оглянулся по сторонам и увидел, что кое-кто из находившихся на палубе умолк и с любопытством наблюдал за маленькой пантомимой.

– Не позорь своего отца и меня такой глупостью.

Гай сдался и неловко спрыгнул на палубу. Эболи отпустил его руку.

– Давай-ка поговорим! – предложил он.

– Не хочу я говорить – ни с тобой, ни с кем-то еще.

– Ладно, тогда давай помолчим вместе, – согласился Эболи и увлек его на подветренный борт. Они сели на корточки, скрывшись от ветра и от глаз вахтенных.

Эболи спокойно молчал, словно гора; но его присутствие успокаивало.

Он не смотрел на Гая и не прикасался к нему, просто находился рядом. Прошло довольно много времени, и вдруг Гай яростно выпалил:

– Я так ее люблю, Эболи! Меня будто чьи-то когти изнутри раздирают.

«Ну да, так и есть», – печально подумал Эболи. Он уже знал всю правду.

Клебе не отличался большим умением скрывать следы. Он гонялся за своей кобылкой, как юный жеребец, что скачет через изгороди. И казалось чудом, что Мбили так долго ничего не замечал.

– Да, я понимаю, Мбили, – сказал он. – Я тоже когда-то любил.

– И что мне делать? – с отчаянием спросил Гай.

– Как бы это ни было больно, это все равно тебя не убьет, и однажды, скорее, чем ты можешь поверить, ты забудешь эту боль.

– Я никогда ее не забуду! – с глубочайшим убеждением отозвался Гай. – И никогда не забуду мою любовь к ней!

Хэл Кортни услышал звон судового колокола в начале средней вахты.

– Полночь, – рассеянно пробормотал он.

Хэл уже много часов сидел за своим письменным столом и устал от неподвижности, глаза жгло. Встав, он подрезал фитиль лампы, усиливая падавший на документы свет, потом снова опустился в тяжелое дубовое кресло и вернулся к работе.

Перед ним лежали планы всех палуб «Серафима». Хэл какое-то время всматривался в план орудийной палубы, потом отложил его в сторону и, придвинув к себе схему корабля в вертикальном разрезе, сравнил два листа.

– Нам нужно скрыть орудия и придать кораблю вид невооруженного торговца, – тихо произнес он. – А значит, нужно убрать заслонки бойниц на нижней палубе...

Он умолк и нахмурился, услышав тихий шорох за дверью каюты.

– Кто там? – резко спросил он.

Погода стояла прекрасная, ветер дул ровно и не слишком сильно. Хэл не ожидал, что ему помешают.

Из-за двери никто не ответил, и через мгновение Хэл тихо хмыкнул. Должно быть, крыса шмыгнула или просто почудилось. Он снова вернулся к чертежам.

За дверью опять что-то заскреблось. На этот раз Хэл сердито отодвинул кресло и встал. Наклонившись под низким потолком, он быстро подошел к двери и распахнул ее.

Перед ним робко стояла худая фигура. Хэл не сразу узнал собственного сына.

– Гай? – Хэл всмотрелся в него. – Что ты здесь делаешь так поздно? Входи, мальчик.

Гай шагнул в каюту и закрыл за собой дверь. Потом стянул с головы шапку. Лицо у него было бледным, он отчаянно нервничал.

– Отец, я должен тебе сказать... – запинаясь и вертя в руках шапку, начал он.

– В чем дело? Говори, парень! – подбодрил его Хэл.

– Там, в трюме, в пороховом погребе, кое-кто есть, – выпалил Гай. – Дверь отперта, а внутри свет.

– Что? – Голос Хэла прозвучал резко от тревоги. – В пороховом складе? Свет?!

У него в голове разом вспыхнуло множество самых ужасных предположений.

– Да, сэр...

Резко развернувшись, Хэл подошел к своему столу. Рывком открыл верхний ящик и достал деревянный футляр с пистолетами. Открыв его, он взял один пистолет, двустольный, быстро проверил запал и сунул пистолет за пояс. Потом взял второй и сжал его в правой руке.

– Разберемся, – мрачно бросил он, снимая с кронштейна лампу. – Идем со мной, Гай, только тихо. Незачем предупреждать негодяев, которые туда забрались, кем бы они ни были.

Он открыл дверь каюты, и Гай вышел следом за отцом в коридор.

– Закрой потише! – предупредил Хэл.

Он направился к трапу. Всмотревшись в нижнюю палубу, он не заметил никаких признаков света. И оглянулся на Гая.

– Ты уверен?

– Да, отец.

Хэл бесшумно спустился по трапу, то и дело останавливаясь, чтобы прислушаться и всмотреться. Дойдя до конца, он снова остановился. И только теперь заметил слабую полоску света по периметру двери порохового склада.

– Да! – шепнул он и взвел курок пистолета. – А теперь посмотрим, что они там затеяли.

Он направился к погребу, держа фонарь за спиной, чтобы прикрыть его свет. Гай не отставал.

Хэл дошел до двери и приложил ухо к ее тяжелой дубовой створке.

И сквозь шум корабля до него донеслись звуки, озадачившие его: негромкие вскрики и стоны, шорох и что-то еще, чего он не мог понять.

Хэл взялся за ручку двери, и та с готовностью повернулась под его пальцами. Он нажал на дверь плечом. Косяк тихо скрипнул, и дверь распахнулась. Хэл остановился в проеме и поднял фонарь над головой.

И какое-то время он просто не в силах был сдвинуться с места. Открывшаяся перед ним картина настолько не соответствовала его ожиданиям, что он просто не сразу понял смысл происходившего.

Прикрытый фонарь на кронштейнах на переборке бросал неяркий свет. На полу у ног Хэла валялась груда одежды, а на мешках с порохом перед ним распростерлись два тела. Хэл наконец-то сообразил, что оба они обнажены. Светлая кожа мягко выделялась в полутьме... Не веря своим глазам, Хэл уставился на них.

Женские кудри, сплетенные ноги и руки, открытый алый рот... маленькие ножки, поднятые в воздух, тонкие руки, вцепившиеся в волосы мужчины, и голова мужчины между жемчужными бедрами...

Парочка была настолько занята собой, что не замечала ничего вокруг.

Даже когда над ними повсюд вспыхнул фонарь, это их не встревожило, потому что глаза девушки были плотно зажмурены, а ее лицо настолько исказилось от страсти, что Хэлу она показалась незнакомкой.

Он стоял как вкопанный и ошеломленно таращился на них, очнувшись лишь тогда, когда Гай попытался протиснуться мимо него внутрь. Хэл шагнул вбок, чтобы закрыть от него картину.

– Назад, Гай! – велел он.

И его голос проник наконец сквозь завесу страсти, укрывшую парочку на мешках.

Глаза женщины вдруг распахнулись, потом медленно расширились, как постепенно раскрывшиеся лепестки некоего фиолетового цветка... она в ужасе и непонимании уставилась на Хэла. Ее губы изогнулись в безмолвном вопле отчаяния, она резко приподнялась на локте...

Обеими руками она дернула темные волосы головы, приютившейся между ее бедрами, но не смогла ее поднять.

– Том!

Хэл наконец обрел полный голос.

И увидел, как мышцы на широкой спине юноши дернулись, словно в них вонзили кинжал.

Том поднял голову и уставился на отца.

Казалось, они трое, замерев, целую вечность смотрели друг на друга.

Лицо Тома налилось кровью, как будто он промчался целую милю или только что вышел из серьезной схватки. Взгляд у него был рассеянным, как у пьяного.

– Бога ради, девица, прикройте! – прохрипел Хэл.

Он чуть не сгорел от стыда, когда осознал, что ему трудно оторвать взгляд от ее нагого распростертого тела.

При этих его словах она обеими ногами оттолкнула Тома, сбросив его с мешков на палубу. Схватив ночную сорочку, она обеими руками прижала ее к груди, пытаясь скрыть наготу, и съезжилась, встав на колени, как какой-нибудь дикий зверек, попавший в западню. Хэл повернулся к ней спиной и увидел Гая, стоявшего вплотную к нему и тянувшего шею, чтобы увидеть происходящее внутри.

Хэл грубо вытолкнул его в коридор.

– Немедленно вернись в постель! – рявкнул он. – Тебя это не касается!

Гай попятился, ошеломленный злобностью отцовского голоса.

– И никому ни слова о том, что ты видел здесь, иначе я тебе всю кожу со спины сдеру!

Гай медленно, неохотно поднялся по трапу, а Хэл снова посмотрел в пороховой склад.

Кэролайн уже натянула ночную сорочку, и та теперь скрывала ее до самых лодыжек. Она стояла перед Хэлом, опустив голову. Густые локоны упали вперед, пряча ее лицо. Кэролайн выглядела как маленькая девочка, юная и невинная. Но, черт ей свидетель, она уж точно не такова, мрачно подумал Хэл и посмотрел на своего сына, который прыгал на одной ноге, натягивая бриджи.

Теперь в нем не осталось и следа петушиного задора и бравады.

Натянув наконец штаны до талии и застегнув ремень, он с жалким видом встал рядом с девушкой, и ни один из них не решался посмотреть Хэлу в глаза.

– Мистрис Кэролайн, – приказал Хэл, – немедленно вернитесь в свою каюту.

– Да, капитан... – прошептала она.

– Могу лишь сказать, что мне отвратительно ваше поведение. Я не ожидал ничего подобного от леди из хорошей семьи.

Хэл смутно ощутил глупость собственных слов. Как будто только представители низших классов могли развлекаться подобным образом, насмешливо подумал он и поискал какие-нибудь не столь заезженные слова.

– И что сделает ваш отец, когда я ему расскажу? – резко спросил он.

Девушка взглянула на него с откровенным ужасом, мгновенно уничтожившим всю ее красоту.

– Но вы же ему не расскажете?!

Внезапно, смутив Хэла, она упала перед ним на колени и обхватила его ноги.

– Пожалуйста, не рассказывайте ему, капитан! Я что угодно сделаю для вас, только не говорите ему!

– Встаньте немедленно!

Хэл поднял ее, и его гнев утих. Не сразу удалось заново разжечь это пламя.

– Отправляйтесь в свою каюту и не выходите, пока я за вами не пришло.

– Но вы не скажете моему отцу? – продолжала молить она.

Теперь ее лицо заливали слезы.

– Не могу ничего обещать, – ответил Хэл. – Вы более чем заслужили хорошую порку, и я знаю, что он вам это устроит.

Он вывел девушку за дверь и подтолкнул в сторону палубы. Она убежала вверх по трапу, и Хэл услышал, как тихо открылась и закрылась дверь их каюты.

Он снова повернулся к Тому, пытаясь пригвоздить сына яростным взглядом, но почувствовал, что пламя гнева утихает. Вопреки собственной воле он умчался назад сквозь годы, к другим юноше и девушке в темной каюте в этих же южных морях. Он был тогда в возрасте Тома, а голландка на пять лет старше, когда провела его через порог мужской зрелости.

У нее были золотистые волосы и невинное лицо ангела, но тело распутницы, а натура настоящей дьяволицы. Хэл моргнул, отгоняя воспоминания, и обнаружил, что Том все еще стоит перед ним с видом раскаяния.

– Мисс Битти – пассажирка корабля, а потому находится на моем попечении, – сказал он. – Ты опозорил и себя, и меня.

– Мне очень жаль, отец.

– Не похоже на то. – Хэл всмотрелся в лицо Тома и понял, что сын борется с собой, желая быть честным.

– Я хотел сказать, мне жаль, что я тебя опозорил, – уточнил Том. – Но если никто об этом не узнает, то и стыда никакого не будет, сэр.

Хэл чуть не разинул рот от такого объяснения, но потом последовал хитроумной логике Тома.

– Ты просто варвар, сэр! – мрачно заявил он, но подумал: «Как и я был в твоем возрасте».

– Я постараюсь исправиться, – пообещал Том.

Хэл пристально посмотрел на него. Сам он никогда бы не осмелился вот так разговаривать со своим отцом. Он боялся отца. А этот юноша его совсем не боится; уважает его, возможно, даже восхищается им и, конечно, любит, но не испытывает страха, когда они вот так стоят лицом к лицу. «Неужели я плохо исполнял свой отцовский долг? – пытался понять Хэл. – Нужно ли было заставить его бояться меня? Нет, я рад тому, что есть. Я вырастил из него мужчину».

– Отец, я готов принять любое наказание, какое ты сочтешь нужным. Но если ты расскажешь обо всем семье Кэролайн, ты навлечешь на нее позор и погубишь ее жизнь. – В голосе Тома слышалась едва заметная дрожь. – А она такого не заслуживает.

– Согласен, – неохотно признал Хэл. – Могу я счесть, что ты больше никогда не станешь пытаться остаться с этой девушкой наедине, пока она находится на этом корабле?

– Обещаю! – Том вскинул правую руку. – Клянусь тебе в этом!

– Тогда не будем больше об этом говорить, и я ничего не скажу мистеру Битти.

– Спасибо, сэр!

Хэл почувствовал себя вознагражденным, когда увидел выражение глаз сына, и ему даже пришлось закашляться, чтобы расслабить сжавшееся горло. Он быстро бросил взгляд вокруг, ища, на что бы перевести разговор.

– Как ты попал в погреб?

– Позаимствовал ключ из твоего стола, – честно признался Том.

– Позаимствовал? – повторил Хэл.

– Да, сэр. Я собирался вернуть его потом...

– Больше он тебе не понадобится, заверяю, – мрачно произнес Хэл.

Том покорно подошел к двери, потянулся вверх и достал ключ из ниши над косяком.

– Запри дверь, – приказал Хэл и, когда Том сделал это, сказал: – Дай ключ сюда.

Том положил ключ в его ладонь.

– Полагаю, для одной ночи этого более чем достаточно, – решил Хэл. – Отправляйся спать.

– Спокойной ночи, отец, и... мне действительно жаль, что я вызвал твое недовольство.

Хэл проводил его взглядом и, когда Том исчез на трапе, грустно усмехнулся. «Наверное, мне следовало разобраться с этим мелким эпизодом так, чтобы добиться большего эффекта, – подумал он. – Но как? Черт его знает...»

Гай с надеждой и нетерпением ожидал бури, которая должна была последовать после обнаружения греховной парочки. Он полагал, что его отец жестоко выругает Кэролайн, а может быть, и высечет, как какую-нибудь служанку, пойманную на воровстве, и от нее откажутся мать и сестры, и она станет отверженной, и ей просто придется опереться на него в поисках утешения...

В его воображении Кэролайн прибегала к нему и молила о прощении за то, что предала его чистую, честную любовь. Она отдавалась на его милость и обещала, что, если он ее простит, она будет всю свою жизнь стараться стать лучше и искупить вину. И такие мысли согревали Гая, избавляли от ужасного страдания, терзавшего его с той самой ночи, когда он прокрался за Томом на нижнюю палубу и обнаружил ту грязь, в которой валялся брат.

Потом Гай стал надеяться, что отец накажет Тома на глазах у всей команды, хотя и понимал в глубине сердца, что это слишком несбыточная надежда. Но, по крайней мере, отец мог заставить Тома принести извинения мистеру и миссис Битти и запретить впредь даже разговаривать с Кэролайн или с кем-то из ее семьи.

Том мог бы стать отверженным на корабле... А отец, пожалуй, мог бы и прогнать его с «Серафима», когда они доберутся до мыса Доброй Надежды, или даже с позором отослать обратно в Англию, в Хай-Уилд, под тираническую власть Черного Билли.

Гай жадно ожидал, когда произойдет что-то из этих событий или даже все они сразу. Но дни шли, и досада Гая росла, потому что не происходило ничего грандиозного, как будто все его эмоциональные потрясения и страдания вовсе не имели никакого значения.

Правда, несколько дней после этих событий Кэролайн держалась тихо и замкнуто, вздрагивала, когда слышала шаги за дверью каюты, в которой они вместе трудились над учебниками, пугалась, услышав голос своего отца, гудящий на палубе наверху, и совершенно не смотрела в сторону Тома, уткнувшись в книги.

Гай с небольшим удовлетворением отметил, что, если Том выходил на палубу в то время, когда Кэролайн была там вместе с матерью и сестрами, она тут же находила какой-нибудь предлог, чтобы вернуться в их маленькую каюту, и сидела там в одиночестве часами.

Но это продолжалось меньше недели, а потом к Кэролайн быстро вернулись ее прежние уверенные и милые манеры. На ее щеках вновь расцвели розы, она смеялась и шутила с мастером Уэлшем, а на уроках музыки чудесно пела дуэтом с Дорианом. Какое-то время Гай отказывался принимать участие в этих вечерах, ссылаясь на дурное самочувствие, и с несчастным видом валялся на своем тюфяке на оружейной палубе, прислушиваясь к слабым звукам музыки и смеха, доносившимся с палубы внизу. Но наконец он позволил мастеру Уэлшу убедить себя вернуться к своей лютке, хотя играл на ней с трагическим лицом.

Что до Тома, то он совершенно не выказывал сожалений из-за своего предательства и обмана. По правде говоря, он какое-то время даже не делал попыток заговорить с Кэролайн, но в этом не содержалось ничего нового. Это просто служило еще одним свидетельством вероломства.

Потом во время одного из уроков Гай перехватил нечто произошедшее между этими двумя.

Кэролайн уронила на пол свой мелок, и, прежде чем Гай успел за ним потянуться, она сама нагнулась, чтобы поднять его из-под стола.

Корабль качнулся, и мелок покатился к Тому. Том подхватил его и с насмешливо-галантным поклоном протянул Кэролайн, в то же время воспользовавшись возможностью заглянуть в ее декольте. Кэролайн, сверкая глазами, повернулась так, чтобы мастер Уэлш не видел ее лица, и показала Тому язык. Но это был совсем не детский жест, наоборот – намекающий и манящий, полный сексуального подтекста.

Том в ответ хитро покосился на нее и подмигнул, отчего Кэролайн очаровательно порозовела, и это подействовало на Гая как удар кулаком в лицо.

Он размышлял над этим весь остаток дня, но нашел лишь один способ показать Кэролайн, какую боль она ему причинила, разбив его доверие и всю его жизнь. Он, не спросив разрешения, решил пересесть на время урока на другое место. На следующий день он, ничего не объясняя, оставил скамью рядом с Кэролайн и сел на низкий неудобный табурет как можно дальше от нее.

Такая тактика дала непредвиденный и нежеланный результат.

Мастер Уэлш окинул взглядом перемены в классной каюте, потом посмотрел на Гая:

– Почему ты пересел?

– Мне здесь удобнее, – с надутым видом ответил Гай, ни на кого не глядя.

– В таком случае, – решил Уэлш, посмотрев на Тома, – думаю, будет лучше, если рядом с мистрис Кэролайн сядет Том. Так я смогу его лучше видеть.

Том не стал ждать второго приглашения, и остаток этого утра Гай был вынужден наблюдать за игрой, происходившей между парочкой. Том, хмуро глядя на грифельную доску, под столом тайком придвинул свой здоровенный морской сапог вплотную к элегантной атласной туфельке.

Кэролайн улыбнулась себе под нос, как будто прочитала что-то забавное, и отодвигать ножку не стала.

Потом, немного позже, Том что-то написал на своей доске и, когда Уэлш проверял, как Дориан решил арифметическую задачу, повернул доску так, чтобы Кэролайн могла прочитать написанное. Кэролайн покосилась на доску и вспыхнула, даже встряхнула головой, как будто в раздражении, но ее глаза весело сверкали. Потом она написала что-то на своей доске и показала Тому. Тот ухмыльнулся, как самая настоящая деревенщина... а ведь он таким и является, подумал Гай.

Гай мучился ревнивой яростью, но чувствовал полную беспомощность. Ему пришлось и дальше наблюдать за их флиртом, как они поддразнивали друг друга, и его ненависть кипела все сильнее, пока наконец он оказался уже не в силах ее сдерживать. Его преследовали видения тех ужасных вещей, которыми эти двое занимались в пороховом погребе...

Отец своим телом загородил основную часть ужаса той ночью, да и свет был весьма скудным, но сияние белой кожи Кэролайн и дразнящие округлости и мягкие очертания ее тела снова и снова возникали перед Гаем, пока он наконец не возненавидел девушку. В то же время он болезненно желал ее. А потом он снова видел своего брата и тот неопиcуемый акт, который он совершал, оскверняя безупречную чистоту прекрасного тела...

Брат был подобен свинье, грязному борову, хрюкающему и роющемуся в корыте. Гай пытался найти самые мерзкие слова в своем лексиконе, чтобы описать всю глубину собственного отвращения, но все они казались слишком слабыми. «Я ненавижу его, – бешено думал Гай. И чуть позже ему пришла следующая мысль: – Я убью его!»

Его тут же укололо стыдом, но почти мгновенно чувство вины испарилось, сменившись дикарской радостью.

«Ну да. Я убью его».

Это казалось единственным, что оставалось Гаю.

Гай выжидал возможности. В полдень следующего дня он гулял по шканцам с мистером Битти, пока вахтенные офицеры, включая его отца и Тома, делали измерения, уточняя положение солнца и корабля.

Мистер Битти во всех подробностях объяснял Гаю, как именно ведутся дела компании на Востоке.

– У нас две фабрики на побережье Карнатаки. Вы знаете, где это, Кортни?

– Да, сэр.

Гай уже изучил ту огромную кипу книг и документов, которые велел ему прочитать мистер Битти.

– Штат Карнатака находится на юго-востоке Индии, между Восточными Гхатами и лесами Коромандела. Это одна из богатейших торговых областей на Востоке, – послушно ответил Гай.

Мистер Битти кивнул.

– Вижу, вы серьезно относитесь к своим обязанностям, – сказал он.

Гай старался сосредоточиться на разговоре, но его внимание отвлекала группа на юте. Он видел, как там совещались над траверз-доской, затем Том что-то написал на своей грифельной доске и показал результат отцу.

– Неплохо, парень! Я так и занесу на карту.

Голос отца донесся до Гая, несмотря на ветер. Эта похвала разозлила Гая и усилила его решимость привести в действие свой план.

Его отец завершил обход палубы, бросая внимательные взгляды на паруса, на курс, обозначенный на нактоузе. Хэл представлял собой впечатляющую фигуру, высокую, широкопле-

чую, с красивым лицом и густыми темными волосами, связанными на затылке. Гай струсил при мысли о том, чтобы противостоять ему.

Наконец Хэл переговорил о чем-то с вахтенным офицером и ушел вниз, в свою каюту.

– Сэр... – Гай повернулся к мистеру Битти. – Вы меня извините? Мне нужно безотлагательно обсудить кое-что с отцом.

– Разумеется! – Мистер Битти жестом отпустил его. – Но я буду здесь, когда вы вернетесь. И мы продолжим беседу. Мне она кажется весьма занимательной.

Гай постучал в дверь каюты на корме и открыл ее, когда изнутри донесся отцовский голос:

– Войдите!

Хэл оторвался от корабельного журнала, в который заносил данные о полуденном положении корабля, и его рука, державшая перо, замерла над страницей.

– Да, сын, в чем дело?

Гай глубоко вздохнул:

– Я хочу вызвать Тома на дуэль.

Хэл аккуратно вернул гусиное перо в чернильницу и машинально потер подбородок, прежде чем снова посмотрел на сына.

– По какому поводу?

– Ты знаешь, отец, ты же там был. Это так непристойно, что я не могу даже обсуждать это, но Том нанес глубочайшее оскорбление мистрис Кэролайн.

– Ох... – вздохнул Хэл. – Вот в чем дело...

Молча всматриваясь в лицо Гая, он думал: «Если то, что проделывала эта маленькая потаскушка в пороховом погребе, было оскорблением, то она это продемонстрировала самым удивительным образом».

Наконец он сказал:

– Но что она для тебя значит?

– Я люблю ее, отец, – ответил Гай с таким простым и трогательным достоинством, что застал Хэла врасплох.

Он сдержал улыбку, которая уже просилась на его губы.

– А этой леди известны твои чувства?

– Я не знаю, – признался Гай.

– Ты не говорил с ней об этом? Ты же не обручен? Ты не просил у мистера Битти руки его дочери?

Гай смутился:

– Нет, отец, пока что нет. Мне всего семнадцать, и...

– Тогда, боюсь, ты немного опоздал. – Хэл говорил мягким тоном, потому что прекрасно помнил мучительные страдания юной любви. – Что, учитывая данные обстоятельства, скорее всего, к лучшему.

– Я не совсем вас понимаю, сэр. – Гай напряженно выпрямился.

«А теперь мне придется изобразить резонера», – мысленно усмехаясь, подумал Хэл.

– Хорошо, давай просто рассмотрим все обстоятельства. Ты... ну, скажем, слишком страстен к мистрис Битти, но, возможно, тебе захочется пересмотреть свое отношение к ней? Достоянна ли она такой благородной любви, какую ты к ней испытываешь? Разве твой брат не оказал тебе услугу, выявив ее истинную натуру, пусть даже таким своеобразным способом?

Хэл чуть было не добавил: «Ведь совершенно очевидно, что мистрис Кэролайн самая обычная девка», но сдержался, решив, что ему совсем не хочется оказаться вызванным на дуэль собственным сыном.

– Том вынудил ее к этому! – решительно заявил Гай. – Потому я и хочу драться на дуэли.

– Он насильно затащил ее в пороховой погреб?

– Может, и нет, но он ее обманул. Он ее соблазнил.

– Но если ты бросишь Тому вызов, разве тогда все на корабле не узнают, что произошло между ней и Томом? Ты хочешь, чтобы ее отец узнал о ее небольшой неосмотрительности? Хочешь, чтобы на нее обрушилась вся сила родительского недовольства?

Гай явно растерялся, и Хэл воспользовался этим:

– Единственная причина, по которой я не стал слишком сурово обходиться с твоим братом, – это желание пощадить репутацию молодой леди и ее будущее. Ты хочешь все это выставить на всеобщее обозрение?

– Я никому не скажу ни слова о причине, но я хочу с ним драться.

– Что ж... – Хэл встал. – Если ты стоишь на своем и я ничего больше не могу добавить, чтобы переубедить тебя, будете драться. Я организую борьбу...

– Нет, отец, – перебил его Гай. – Ты не понял. Я хочу вызвать его на дуэль на пистолетах.

Лицо Хэла мгновенно стало жестким.

– Что за чушь, Гай? Том – твой брат!

– Я ненавижу его, – сказал Гай, и его голос сорвался от страсти.

– А ты подумал о том, что если вызов бросишь ты, то оружие будет выбирать Том? А он наверняка выберет сабли. Ты хочешь встать против Тома с абордажной саблей в руке? Я бы не захотел. Эболи тренирует его постоянно и уже сделал бойца, почти равного себе самому. Ты и минуты не выдержишь против него. Он унизит тебя, а может и убить, – прямо и грубо заявил Хэл.

– Мне все равно, я хочу сражения!

Хэл вышел из себя. Он хлопнул по столу ладонью с такой силой, что из чернильницы выпрыгнули чернила, забрызгав страницы судового журнала.

– Довольно! Я пытался тебя урезонить. А теперь просто запрещаю. На этом корабле не будет никаких дуэлей, тем более между моими собственными сыновьями. И если я услышу еще хоть слово об этом, я тебя запру в носовом трюме, а как только доберемся до мыса Доброй Надежды, посажу тебя на другой корабль и отправлю назад в Англию. Ты меня слышишь, юноша?

Гай отпрянул перед силой отцовского гнева. Ему нечасто приходилось наблюдать подобное.

Однако он попытался стоять на своем:

– Но, отец...

– Хватит! – рявкнул Хэл. – Я уже все сказал, и тема закрыта раз и навсегда. А теперь вернись к своим обязанностям у мистера Битти. Я больше не желаю слушать эту ерунду.

Море изменило цвет и настроение, встряхивая «Серафим» и подталкивая его на восток. Небольшие беспорядочные волны океана выстроились в огромные ряды, в армию гигантов, решительно идущих в битву в сторону земли, все еще скрытой за горизонтом.

– Валы мыса, – сообщил Нед Тайлер Тому и Дориану и показал вдаль, на затянутый туманом горизонт. – Холодные воды встречаются с теплым африканским воздухом, и кто-то называет это место мысом Доброй Надежды, но другие зовут морем Туманов, а то и мысом Штормов.

С каждым днем волнение на корабле нарастало – люди давно не видели суши. Им навстречу с далекого континента уже прилетали птицы: олуши мчались длинным строем, разрезая воздух крыльями; чайки со снежно-белыми грудками и черными крыльями неслись за ними с дикими криками; буревестники задевали поверхность воды перепончатыми лапами.

И вот уже моряки увидели первые темные комья бурых водорослей, оторванных штормами от скал и плывших по течению, – их длинные тяжи и плотные середины напоминали

неких уродливых осьминогов. Огромные косяки мелких рыбок, похожих на сардины, кипели под поверхностью холодной зеленой воды, и множество скользких, блестящих морских тюленей резвились в их гуще, наслаждаясь обилием пищи. Когда в косяк рыбы врезался корабль, тюлени поднимали головы и смотрели на стоявших на палубе людей огромными влажными глазами, чуть пошевеливая жесткими, как у кошек, усами.

Теперь Хэл каждый вечер приказывал убавлять паруса, чтобы корабль лишь едва держался против бурного зеленого течения. При первых признаках рассвета он отправлял Тома и Дориана на мачту следить, чтобы какой-нибудь риф или каменистая отмель не вспороли брюхо корабля. Когда он убеждался, что впереди все чисто, паруса вновь поднимали.

В середине семьдесят третьего утра после их выхода из Плимута Дориан показал старшему брату на облако, неподвижно замершее впереди над горизонтом, в то время как другие облака небесной когорты клубились, двигаясь по ветру.

Братья какое-то время всматривались в него. И вдруг оно шелохнулось, развернулось, и они увидели под ним плотную синюю линию, прямую, как сабельный разрез.

– Земля! – прошептал Том.

– Неужели? – с восторженным недоверием спросил Дориан.

– Да! Да! – Голос Тома сразу окреп. – Это земля!

Он вскочил на ноги в шатком гнезде и показал вперед дрожащим пальцем.

– Земля! – завопил он. – Земля прямо по курсу!

Палуба под ним моментально ожила, вахтенные полезли на реи. И вскоре все ванты и реи оказались забиты матросами, повисшими на них, словно гроздь зрелых фруктов; все кричали и хохотали от возбуждения.

Хэл Кортни выбежал из своей каюты в одной рубашке, выхватил из-под мышки подзорную трубу и тоже полез на мачту, туда, где сидели в гнезде его сыновья. Поднимался он быстро и уверенно, ни на мгновение не остановившись, пока не очутился на самом верху. Том с гордостью отметил, что, несмотря на трудный подъем, дыхание отца ничуть не сбилось.

Хэл поднял к глазам подзорную трубу и сквозь ее линзы всмотрелся в синие очертания, отмечая для себя размытые вершины и складки неровных скал.

– Да, мастер Томас, ты первым заметил землю.

Он протянул трубу Тому:

– Что ты там видишь?

Стиснутый между двумя юношами, Хэл обнял их обоих за плечи.

– Это какая-то гора! – воскликнул Том. – Огромная гора с плоской вершиной!

– Верно, Столовая гора, – согласился Хэл.

Том еще не до конца понимал, какое искусство навигации требуется для того, что совершил «Серафим». Более семидесяти дней они находились в открытом море, не видя никакой суши, но его отец привел корабль точно на тридцать четвертый градус южной широты.

– Смотрите хорошенько на то, что прямо перед вами, – сказал им Хэл. Его вдруг охватило странное чувство некоего предвидения, как будто перед ним поднялся занавес, приоткрыв на мгновение будущее. – Потому что именно там вас ждет ваша судьба.

– И моя тоже, отец? – пискнул Дориан.

– Вас обоих. Судьба привела вас именно сюда.

Оба мальчика замолкли, впервые услышав в голосе отца такую страстность; на несколько мгновений они даже утратили дар речи.

Они втроем оставались на мачте, пока солнце не добралось до зенита.

– Сегодня нам незачем делать замеры, – усмехнулся Хэл. – Предоставим это Неду Тайлеру и Элу Уилсону. Мы ведь и так уже знаем, где находимся, верно?

Солнце начало неторопливый спуск по небу; «Серафим» весело вспахивал волны, медленно одолевая юго-восточный ветер, отвоевывая морские мили одну за другой. Гора с плоской вершиной с торжественной величием поднималась из моря, пока не заполнила, казалось, все небо перед ними, и они уже могли даже рассмотреть белые точки человеческих жилищ у подножия крутых утесов.

– Мы помогали строить тот форт. – Хэл показал на крепость. – Эболи, Дэниел, Нед Тайлер и я.

– Расскажи нам эту историю! – попросил Дориан.

– Ты ее сто раз слышал! – возразил Хэл.

Том заявил:

– Это не важно, отец! Мы хотим еще раз ее послушать!

И вот, пока они сидели вместе среди такелажа, Хэл снова стал рассказывать о событиях войны, случившейся двадцать пять лет назад, о том, как вся команда корабля их деда попала в плен к голландцам, как их привезли в цепях на мыс Доброй Надежды. Сэра Фрэнсиса Кортни пытали, чтобы он открыл местонахождение сокровищ, добытых им на голландских галеонах. А когда он выдержал все мучения, даже самые ужасные и жестокие, голландцы публично казнили его на парадном плаце.

А Хэлу и всей команде пришлось тяжело трудиться на стенах голландского форта, и они страдали так три долгих года, прежде чем им удалось сбежать.

– Значит, именно на этой горе похоронен дедушка Фрэнсис? – спросил Том. – А ты знаешь, где его могила, отец?

– Эболи знает. Это он ночью украл тело с виселицы. И унес в горы, в некое тайное место.

Том какое-то время молчал, думая о пустом саркофаге в церкви на холме за Хай-Уилдом, – на каменной гробнице было начертано имя его деда. Он догадывался, что задумал его отец, но сейчас было не время расспрашивать. Лучше подождать.

«Серафим» подошел к небольшому каменистому островку, охранявшему вход в залив под горой.

Целый лес бурых водорослей наполнял воду, и огромные стаи блестящих тюленей собрались на голом берегу острова Робин – так называли тюленей голландцы.

– Теперь пора спускаться, нужно провести корабль к месту стоянки, – сказал сыновьям Хэл.

– Кто первым спустится! – воскликнул Дориан, спрыгивая на рею.

Том дал ему фору, потом пустился вслед.

Их босые ноги ловко перепрыгивали с каната на канат. Том вскоре сократил расстояние между ними, а потом, когда они почти сравнялись, чуть притормозил и позволил Дориану первым спрыгнуть на палубу.

– Я выиграл! Я выиграл! – восторженно кричал Дориан.

Том встрепал его блестящие медные кудри.

– Не очень-то хвастайся! – сказал он и подтолкнул брата.

Потом оглянулся на небольшую компанию, стоявшую на носу «Серафима». Это были мистер и миссис Битти и все их дочери, и с ними Гай. Все они, оживленные и взволнованные, показывали друг другу на очертания прославленного мыса рядом с мысом Агульяс: это ведь была самая южная точка Африканского континента.

– То белое облако, что висит над вершиной горы, здесь называют скатертью, – объяснял всем Гай. – А та небольшая гора к югу от поселения называется Львиной Головой. Вы сами видите, действительно похоже.

Гай, как обычно, изучил как следует навигационные книги и знал все подробности.

– Гай, а почему ты не полез на мачту? – беззлобно крикнул ему Том. – Оттуда гораздо лучше все видно.

Гай одарил его холодным взглядом:

– Спасибо, но я доволен своим местом.

Он чуть придвинулся к Кэролайн и хотел уже отвернуться.

– Там совершенно нечего бояться! – заверил его Том. – Никакой опасности!

Гай опять повернулся к нему лицом:

– Ты называешь меня трусом?

Его лицо налилось кровью, голос слегка охрип от негодования.

– Я ничего такого не говорил! – Том засмеялся и, развернувшись на пятках, направился к штурвалу. – Впрочем, понимай как хочешь, – бросил он через плечо.

Гай яростно уставился на брата, волна жгучей обиды захлестнула его.

Том недооценивал его храбрость, он небрежно унизил его на глазах семьи Битти и Кэролайн. Что-то щелкнуло в голове Гая, и, прежде чем он сам понял, что делает, он спрыгнул на палубу и побежал вслед за Томом.

– Том, оглянись! – закричал Дориан, но было уже поздно.

Том обернулся, но Гай налетел на него всем своим весом, и как раз в тот момент, когда Том оказался стоящим на одной ноге. От этого Том отлетел к фальшборту с такой силой, что у него весь воздух вышибло из легких. Гай прыгнул ему на спину и обхватил руками его шею. Мальчики регулярно учились борьбе под руководством Большого Дэниела, и хотя Гай был довольно неуклюж, он знал все захваты и броски и теперь с убийственной силой стиснул брата. Он уперся коленом в спину Тома и захватил его руку, пережав горло Тома и выгнув его так, что в любой момент могли треснуть позвонки. Том покатился по палубе, отрывая от себя руки Гая, но постепенно слабей. Его рот открылся в попытках схватить воздух.

Команда мгновенно сбежалась, чтобы посмотреть на представление: матросы громко гикали, криками поддерживая каждый своего фаворита. Потом сквозь весь этот шум прорвался медвежий рев:

– Обратный бросок, Клебе!

Том отреагировал мгновенно.

Вместо того чтобы сопротивляться захвату, выгибавшему его назад, он сменил направление и весь свой вес и все силы бросил на обратное сальто. Гай вдруг понял, что летит спиной вперед, и был просто вынужден разжать руки, чтобы предупредить падение, иначе все его ребра провалились бы в грудную клетку.

Том извернулся в воздухе, как кошка, и оказался на близнеце еще до того, как тот ударился о палубу. Они вместе рухнули на доски, и Том вдавил локти и колени в грудь и живот Гая.

Гай завизжал, как девчонка, и попытался согнуться и схватиться за ушиленный живот, но Том сидел на нем верхом, прижимая к палубе. И он тут же как следует размахнулся, чтобы ударить Гая кулаком в лицо.

– Том, нет!

Это был голос отца, и Том замер. Бешеный гнев в его глазах медленно растаял. Он опустил руку и поднялся на ноги.

И презрительно посмотрел на Гая сверху вниз.

– В следующий раз, – предупредил он, – ты не отделаешься так легко!

Он отвернулся. Гай за его спиной тоже встал, держась за живот, и прислонился к одной из пушек.

Зрители разошлись, разочарованные таким быстрым окончанием представления.

– Том! – окликнул брата Гай, и Том оглянулся. – Мне жаль... Давай пожмем руки. Давай будем друзьями.

Он с трудом шагнул к брату, протягивая правую руку с жалким видом раскаяния.

Том тут же усмехнулся и вернулся к Гаю. И схватил протянутую ему руку.

– Я вообще не понимаю, почему мы сцепились, – сказал он.

– А я знаю, – ответил Гай, и жалостное выражение на его лице мгновенно сменилось черной ненавистью.

С гадючьей скоростью он выхватил из ножен у пояса свой кинжал.

Длина клинка составляла шесть дюймов, блестящая сталь имела острый, как игла, конец. Гай держал его на уровне пупка Тома – и ударил изо всех сил, одновременно правой рукой дернув Тома на себя, чтобы брат сам напоролся на кинжал.

– Я тебя ненавижу! – заорал он, брызгая слюной. – Я тебя убью за то, что ты сделал!

Глаза Тома расширились от испуга, он стремительно дернулся в сторону. Острие кинжала задело его бок и, распоров рубашку, оставило неглубокий разрез. Из него мгновенно хлынула кровь, намочив хлопковую ткань, и полилась на ноги Тома.

Кэролайн пронзительно закричала:

– Ты его убил!

Команда, мгновенно вернувшаяся к месту событий, взревела.

Гай знал, что промахнулся, и отчаянно размахивал кинжалом, метя в лицо и грудь Тома. Но Том отскакивал и уклонялся, как вдруг, совершенно неожиданно и непредсказуемо, прыгнул вперед и ударил левой рукой Гая под подбородок. Голова его близнеца резко откинулась назад, и он отпустил правую руку Тома.

Гай отлетел назад, на фальшборт, из угла его рта сочилась кровь – он прикусил язык. Но он все еще держал кинжал и, направляя его к лицу Тома, рычал:

– Я убью тебя! – Его зубы покраснели от его же собственной крови. – Я тебя убью, грязная свинья!

Том одной рукой потер пострадавшее горло, но другая рука уже выхватила из ножен кинжал.

– Ты отлично высказываешься, брат, – мрачно бросил он. – Прекрасный язык! А теперь давай посмотрим, сделаешь ли ты то, чем хвастаешь.

Он на цыпочках двинулся к Гаю, выставив вперед правую ногу; кинжал покачивался в его руке, как поднявшаяся кобра, глаза Тома не отрывались от лица брата. Гай попятился.

Хэл быстро шагнул в их сторону и уже открыл рот, чтобы приказать братьям остановиться, но не успел ничего сказать. Рядом с ним очутился Эболи и схватил его за локоть:

– Нет, Гандвана!

Он произнес это тихо, но настойчиво, и за общим шумом его никто не услышал, кроме Хэла.

– Никогда не разгоняй сцепившихся псов. Ты лишь дашь преимущество одному из них.

– Бога ради, Эболи, это же мои сыновья!

– Они уже не дети, Гандвана. Они мужчины. И обращай с ними как с мужчинами.

Тем временем Том прыгнул вперед, низко держа кинжал, и сделал ложный выпад, целясь в живот Гая. Гай отскочил назад, чуть не споткнувшись о собственные ноги. Том обошел его справа, и Гай снова попятился, на этот раз в сторону носа корабля.

Моряки тут же расступились, давая братьям место для драки, и Хэл понял, что именно делает Том: он загонял брата на нос, как пастушеский пес загоняет какую-нибудь овцу.

Лицо Тома было холодным и напряженным, но глаза сверкали, когда он смотрел на близнеца.

Хэл много раз сражался с разными противниками и знал, что только самые опасные бойцы обладают таким холодным взглядом, когда готовы убить. И еще он понял, что Том больше не видит перед собой брата, а видит лишь врага, которого необходимо уничтожить. Он стал убийцей, и Хэл испугался так, как никогда не боялся за самого себя. Он боялся за Гая, но знал, что Эболи прав. Он ничего не мог сейчас сделать, не мог их остановить. И он не мог отозвать Тома, это было бы сродни тому, чтобы остановить вышедшего на охоту леопарда.

Том продолжал истекать кровью из раны на боку.

Разрез на его рубашке разошелся, и стали видны светлая кожа под ней и рана, похожая на улыбающийся рот, из которого струился красный ручей. Кровь капала на палубу и на сапоги Тома, которые начали хлюпать при каждом шаге. Но Том ничего не замечал: он видел только человека, который его ранил.

Гай прижался к фальшборту. Левой рукой он схватился за него у себя за спиной, ощупывая крепкую дубовую древесину. Осознание того, что он в ловушке, медленно проникло в мозг Гая, и безумная ярость исчезла из его глаз, мгновенно сменившись страхом. Он быстро огляделся, ища возможности бежать.

Но тут его пальцы коснулись древка одной из пик, что находились на стойке на носу корабля, у фальшборта; такое запасное оружие располагалось вдоль всех бортов.

Безумная радость тут же осветила его лицо; он уронил кинжал и выхватил из стойки пику.

Увидев тяжелое копье с зазубренным металлическим наконечником, Том отскочил назад. Гай ухмыльнулся, и его рот превратился в кровавую яму.

– Ну да, теперь посмотрим! – злоратно выкрикнул он.

Схватив пику наперевес, он бросился в атаку.

Том прыгнул в сторону, и Гай развернулся следом за ним, тыча в брата длинной пикой; он держал оружие на таком расстоянии, что кинжал Тома просто не мог его достать. Собравшись с силами, Гай снова кинулся вперед. Том уронил кинжал и метнулся вбок, чтобы уйти от блестящего железного острия, но сразу сделал обратный прыжок, пока Гай не успел еще повернуть вслед за ним, и схватился за дубовое древко.

Они метались взад-вперед по палубе, держа с двух сторон пику, дергая и толкая, хрипя и заливаясь кровью, выкрикивая неразборчивые ругательства и ужасные оскорбления...

Постепенно Том снова отеснил Гая к краю палубы, и они теперь стояли друг против друга, лицом к лицу, грудь к груди, разделенные только древком пики.

Том начал медленно поднимать пику вверх, пока она не оказалась на уровне горла брата, а потом налег на нее всем весом и всеми силами.

Спина Гая выгнулась над поручнями, и дубовое древко прижалось к его подбородку.

В его глазах снова вспыхнул страх: он слышал, как под ним вдоль борта корабля бежит вода, а его ноги уже оторвались от палубы...

Он должен был вот-вот упасть, а плавать он не умел, вода пугала его.

Том уверенно стоял на палубе, но в луже собственной крови, скользкой, как масло. И ноги ушли из-под него, он тяжело упал на палубу. Гай освободился и, пошатываясь, отошел к вантам фок-мачты, хватая ртом воздух и обливаясь потом. Он схватился за ванты, чтобы не упасть, и через плечо оглянулся на брата.

Том уже вскочил; нагнувшись, чтобы поднять кинжал, он бросился за Гаем, как догнавший жертву леопард.

– Остановите его! – в ужасе закричал Гай. – Да остановите же его!

Но зрители оглушительно шумели, крича от возбуждения все громче и громче: Том с безумными глазами и с кинжалом в руке приближался к брату.

Гай повернулся и под воздействием паники, придавшей ему сил, подпрыгнул и, ухватившись за канаты, полез наверх.

Внизу Том остановился ненадолго, чтобы зажать кинжал в зубах, и полез следом за Гаем. Зрители на палубе запрокинули головы.

Никто еще ни разу не видел Гая на мачте, и даже Хэл изумился тому, как быстро двигается Гай. Том лишь постепенно догонял его.

Гай добрался до реи и вскарабкался на нее. Он посмотрел вниз, и у него на мгновение отчаянно закружилась голова.

Потом он увидел под собой приближавшееся лицо Тома. Увидел безжалостно сжатые губы и кровь, замаравшую лицо и пропитавшую рубашку. В отчаянии Гай посмотрел вверх,

на мачту, но тут же дрогнул при виде ее высоты и понял, что чем выше он поднимется, тем больше преимуществ даст Тому. Ему оставался лишь один путь, и он пополз по рее.

Он слышал, что Том догоняет его, и эти звуки гнали его вперед.

Гай просто не мог смотреть вниз, на бурлящую зеленую воду. Всклипывая от ужаса, он продолжал ползти вперед, пока не добрался до конца реи. И только тогда оглянулся.

Том находился в каком-то шаге за его спиной. Гай оказался в ловушке, в беспомощном положении. А Том уселся на качавшейся рее и вынул изо рта кинжал. Зрелище было жутким: кровь, белое лицо, перекошенное яростью, сверкающее оружие в руке...

– Том, пожалуйста, – проскулил Гай. – Я не хотел тебя ранить...

Он вскинул обе руки, чтобы закрыть лицо, и потерял равновесие. Он сильно покачнулся, размахивая руками, потом наклонился сильнее, еще сильнее... и наконец с диким воплем сорвался и полетел вниз, колотя ногами в воздухе, и вот уже ударился о воду и ушел в глубину.

Том сидел неподвижно, и туман ярости постепенно улетучился из его головы. Он в ужасе посмотрел вниз, поняв, чему стал причиной.

Гай упал, и его не было видно под зеленой поверхностью воды; за кораблем тоже не показалась прыгающая на волнах голова...

Он же не умеет плавать! Эта чудовищная мысль с такой силой ударила Тома, что он тоже пошатнулся на рее. «Это я натворил... Я убил собственного брата...» Библейский ужас содеянного пронзил его. Том вскочил, выпрямившись на высокой рее, и всмотрелся в воду за кораблем.

И тут он увидел, как Гай выскочил на поверхность, шлепая руками и издавая крики, слабые и жалобные, как голос раненой чайки.

Том услышал, как внизу на палубе отец отдает приказы рулевому:

– Малый ход! Спустить лодку! Человек за бортом!

Но прежде чем корабль успел откликнуться на поворот штурвала и развернуться носом к ветру, Том сгруппировался и прыгнул с реи. Он летел головой вперед, вытянув руки и выпрямив ноги, по плавной дуге. Чисто войдя в воду, он погрузился так глубоко, что темная вода сомкнулась над ним, чуть не раздавив грудь.

Затем Том развернулся и устремился к поверхности. Он выскочил из воды до пояса, шумно, с хрипом дыша. Корабль проходил мимо него, уже разворачиваясь.

Том посмотрел назад, на кильватерную волну, но ничего не увидел. Однако все равно поплыл в ту сторону, сильно работая руками, взбивая пену за собой и почти не чувствуя, как соленая вода обожгла длинную рану на боку. Он прикинул примерно, где он видел голову Гая, и приостановился, оглядываясь вокруг. Но нигде не заметил брата.

«Ох, боже, если он утонет, я никогда...»

Закончить мысль Том не смог, он просто вздохнул поглубже, согнулся пополам и нырнул вертикально вниз.

Широко открытыми глазами он видел только зеленую воду, пронзенную полосами солнечного света, но уходил на глубину, пока хватало дыхания. Уже следовало срочно вынырнуть, чтобы отдышаться.

И тут он наконец увидел под собой размытое бело-синее пятно, рубашку и куртку Гая...

Легкие Тома уже разрывались, когда он доплыл под водой до брата. Схватив его за воротник куртки, Том рванулся вверх. Хотя он изо всех сил работал ногами, тяжелое тело замедляло движение. Секунды тянулись, причиняя бесконечную боль.

В груди у Тома горело, нужда в воздухе поглотила его.

Он почувствовал, как силы покидают его ноги. И пальцы, державшие воротник Гая, тоже слабели: Том чувствовал, как брат ускользает из его рук. В глазах потемнело, в безмолвной темноте вспыхнули звезды...

«Будь сильным!» – мысленно прикрикнул он на себя и заставил свои пальцы крепче сжаться на куртке Гая, а ноги – толкать воду энергичнее.

Свет вокруг стал ярче, тьма отступила, и внезапно голова Тома выскочила на воздух и солнце. Он глубоко вздохнул, наполняя грудь воздухом до боли, потом еще раз втянул в себя сладкий, словно мед, воздух, чувствуя, как он насыщает тело и возвращаются силы. Он потянулся к Гаю, схватил его за густые мокрые волосы и выдернул брата на поверхность.

Гай утонул. В нем не было признаков жизни. Открытые глаза его ничего не видели. А лицо стало восковым.

– Дыши! Бога ради, дыши! – закричал Том в это белое неподвижное лицо.

Обхватив грудь брата обеими руками, он с силой ее сжал. Эболи когда-то показал ему этот прием, и он помог. Из горла Гая вырвался мертвый застоявшийся воздух, смешанный с рвотой и стеблями водорослей.

Все это полетело в лицо Тому, и он ослабил хватку. Грудь Гая рефлекторно расширилась, втягивая воздух через открытый рот. Том еще дважды стискивал его, выгоняя воду, стараясь держать лицо брата над водой.

С третьим вздохом Гай закашлялся и задохнулся, потом судорожно задышал, теперь уже самостоятельно. Он моргнул, ничего еще не видя, потом его взгляд медленно сфокусировался. Да, он уже дышал, но с трудом, каждые несколько секунд его одолевал приступ кашля, но постепенно его взгляд стал осмысленным.

– Я тебя ненавижу... – прошептал он в лицо Тому. – Я все равно тебя ненавижу. Я всегда буду тебя ненавидеть...

– Но почему, Гай, почему?

– Не надо было меня вытаскивать, потому что когда-нибудь я тебя убью.

– Почему? – повторил Том.

– Ты знаешь почему!

Ни один из близнецов не слышал, как к ним подошла лодка, но теперь до них донесся голос Хэла Кортни, прозвучавший совсем рядом:

– Держитесь, ребята! Я уже здесь!

Команда баркаса бешено работала веслами, а Хэл повернул лодку к сыновьям. По его приказу лодка замерла, сильные руки схватили обоих юношей и вытащили из воды.

Доктор Рейнольдс ждал у поручней, когда Гая поднимали на борт «Серафима». Том стоял на палубе рядом с отцом и со странным горестным чувством наблюдал, как помощники хирурга уносят его брата вниз по трапу.

– Он меня ненавидит, отец, – прошептал он.

– Давай-ка посмотрим твой порез, парень, – проворчал Хэл.

Том безо всякого интереса посмотрел на свою рану. Морская вода почти остановила кровотечение.

– Это ерунда, – сказал он. – Царапина.

И снова посмотрел на отца.

– Он ненавидит меня. Это первое, что он сказал, когда я вытащил его на поверхность. Что я такого сделал?

– Гай с этим справится. – Хэл разорвал на Томе рубашку, чтобы увидеть рану полностью. – Он забудет и простит.

– Нет, ни за что, – покачал головой Том. – Он сказал, что всегда будет меня ненавидеть. А ведь он мой брат! Помоги мне, отец. Что мне делать?

Хэл не мог дать ему ответ. Он слишком хорошо понимал юношеские упрямство и настойчивость: некогда они являлись и его силой, и его слабостью. И знал, что Том прав. Гай никогда его не простит.

* * *

Это был самый прекрасный берег, какие только видел Хэл, а их ему попадалось немало во всех океанах, где он когда-либо плавал.

Гигантская гора стеной возносилась в небо, и слетавший с ее вершины ветер вскипал, как молоко, образуя мягкое пульсирующее облако, слегка отливавшее перламутром и розовым жемчугом, – эти краски облако позаимствовало у спускавшегося солнца. Склоны этой горы под скалистыми валами покрывали зеленые леса, а сияющие белизной пляжи внизу обрамляла пена прибоя.

Такая красота привела бы Хэла в восторг, если бы на него не нахлынули воспоминания, полные боли и ужаса. зубчатые стены крепостного замка уже различались отчетливо, и с них таранились пушки, затаив в бойницах темные пустые глаза стволов. В подземной темнице под этими стенами Хэл провел три суровые зимы; даже теперь он содрогался, помня о том, как промерзал до костей. А на стенах форта Хэл трудился так, что обдирал ладони до крови и шатался от усталости.

На строительных лесах на стенах форта он видел, как умирало множество хороших людей, и именно здесь ему пришлось пройти трудный переход от юности к зрелости.

Хэл поднес к глазам подзорную трубу, чтобы осмотреть другие корабли, стоявшие на якорях в заливе. Его изумляло их количество. Он насчитал двадцать три паруса, и все они представляли собой большие торговые суда, в основном голландские.

Среди них Хэл заметил лишь одного англичанина, судя по виду – тоже корабль Ост-Индской компании, но это был не «Йоркширец». Его товарищ по плаванию здесь отсутствовал.

Опустив подзорную трубу, Хэл посмотрел на воды залива и на берег за ними. Его взгляд остановился на большом парадном плаце перед стенами замка, и тут же снова перед его мысленным взором возникла невыносимая картина казни его отца. Хэлу пришлось приложить немалое усилие, чтобы прогнать ее и сосредоточиться на том, чтобы подвести «Серафим» к стоянке и бросить якорь.

– Мы встанем вне досягаемости орудий форта, мистер Тайлер.

Он отдал приказ, и уточнять что-либо необходимости не возникло. Нед прекрасно его понимал, его лицо тоже выглядело мрачнее некуда. Возможно, и он вспоминал те жуткие дни, когда встал к штурвалу и приказал спускать паруса.

Якорь упал в воду с громким всплеском, вода брызнула на бак. Якорный канат задымился от скорости, с какой он скользил через клюз. «Серафим» резко остановился, а потом грациозно развернулся носом к ветру и успокоился, превратившись из живого, напряженного морского существа в нечто спокойное и безмятежное, как дремлющий на воде лебедь.

Команда выстроилась на опустевших ряях «Серафима», повисла на вантах, во все глаза глядя на землю, обмениваясь громкими замечаниями и вопросами и наблюдая за большими грузовыми лодками, двинувшимися навстречу кораблю. Моряки называли этот далекий мыс Таверной Всех Морей. Он был колонизован больше пятидесяти лет назад, чтобы служить базой снабжения для флота Голландской Ост-Индской компании, и лодки были наполнены всем тем, чего жаждала команда в течение долгих трех месяцев, проведенных в море.

Хэл подозвал к себе офицеров.

– Следите, чтобы на корабль не попало крепкое спиртное, – предупредил он Эла Уилсона. – Если эти бродячие торговцы попытаются продать алкоголь, сразу выливайте все в воду. Если проморгать, половина команды к ночи будет валяться пьяной.

– Да, капитан. – Четвертый офицер отсалютовал.

Сам Уилсон был трезвенником, так что такое задание ему вполне подходило.

– Эболи, поставь у поручней людей с саблями и пистолетами. Нам ни к чему здесь всякие вороватые бродяги или шлюхи, готовые продаться на оружейной палубе. Иначе тут вполне могут засверкать кинжалы...

Он чуть не сказал «снова», но успел остановиться.

Хэл не желал напоминать о конфликте между его сыновьями.

– Мистер Фишер, ты поторгуешься с этими лодочниками, тебе это хорошо удастся.

На Большого Дэниела Хэл вполне мог в этом положиться, зная, что тот и шиллинга лишнего никому не отдаст, да еще и проверит как следует все фрукты и овощи, которые попадут на борт.

– Мастер Уэлш тебе поможет и будет рассчитывать с торговцами.

Уэлш имел массу обязанностей – от школьного учителя до писаря и казначея.

Офицеры разошлись, чтобы приняться за дело, а Хэл отошел к поручням. Он посмотрел вниз, на лодки, подходившие к борту корабля. Их доверху наполняли свежие продукты: картофель с прилипшими к нему комочками еще влажной земли, зеленая капуста и яблоки, тыквы, красные бараньи бока и ошипанные куры. Команде предстояло попировать этим вечером. Во рту Хэла собралась слюна, когда он смотрел вниз, на все это изобилие. Все моряки к концу долгих переходов ощущали чудовищную тоску по свежей пище. И кое-кто из матросов уже наклонился через борт и торговался с лодочниками. А те называли безумные цены, вроде полупенни за одну-единственную свежую картофелину.

Но матросы просто сходили с ума: они отирали землю с картофельных клубней о собственные рубахи и штаны и пожирали картошку прямо сырой, как яблоки, хрустя, заливаясь соком и откровенно наслаждаясь.

К Хэлу подошел доктор Рейнольдс.

– Да, сэр, весьма приятно снова очутиться в порту. На борту уже двадцать шесть случаев цинги, но они излечатся до того, как мы снова выйдем в море. Это безусловно чудо и загадка, но воздух с суши исцеляет даже самых тяжелых больных, которые уже потеряли все зубы и настолько ослабели, что не могут стоять... – Он протянул Хэлу зрелое яблоко. – Я взял это из покупок мастера Уэлша.

Хэл впился зубами в яблоко и даже зажмурился от восторга.

– Пища богов! – сказал он, когда сок наполнил его рот и скользнул, как сладкое масло, вниз по горлу. – Мой отец всегда говорил, что эта болезнь происходит от недостатка свежей пищи, – сообщил он хирургу.

И откусил еще один здоровенный кусок.

Доктор Рейнольдс сочувственно улыбнулся:

– Ну, капитан... сэр... не углубляясь в рассуждения о вашем святом отце, который, как знает весь морской мир, был великим человеком, должен сказать, что корабельные галеты и вяленое мясо – вполне достаточная пища для любого моряка. – Рейнольдс с мудрым видом покачал головой в парике. – Вы можете услышать самые разные теории от людей, не обученных искусству медицины, но заверяю вас: эту болезнь вызывает морской воздух, и ничто иное.

– А как там мои сыновья, доктор? – спросил Хэл, ловко меняя тему.

– Томас – здоровое юное существо и, к счастью, не слишком пострадал. Рана неглубокая, я ее зашил, и он будет здоров очень скоро, потому что никакого воспаления не случилось.

– А Гай?

– Я его уложил на койку в вашей каюте. Он наглотался соленой воды, и его легкие ею наполнились, а это иногда вызывает болезненные ощущения. Но и он через несколько дней полностью оправится.

– Я вам весьма благодарен, доктор.

В это мгновение на лодках поднялся шум.

Эболи приметил одного из готтентотов, что поднимали по трапу на палубу ящики с фруктами со стоявших вокруг лодок, и схватил его за плечо.

– Эй, какой хорошенький мальчик! – воскликнул он. – Вот только мальчик ли ты?

У его жертвы было лицо в форме сердечка, безупречная золотистая кожа и раскосые азиатские глаза. На жест Эболи он ответил пронзительной, визгливой цепью оскорблений на своем странном, щелкающем языке и попытался вырваться из лап Эболи.

Эболи со смехом сорвал шапку с головы носильщика, и из-под нее вырвалась густая волна черных волос.

Тогда Эболи бесцеремонно поднял носильщика в воздух одной рукой, а другой дернул его мешковатые штаны, спустив их до колен.

Команда взывала от восторга, увидев пухлый желтоватый живот и изящно очерченные бедра, между которыми приютилось треугольное гнездышко женственности.

Дергаясь в воздухе, девушка изо всех сил колотила Эболи по лысой голове, но из этого ничего не вышло, и тогда она вцепилась ему в глаза острыми длинными ногтями и начала пинать его босыми ногами.

Эболи подошел к краю борта и без видимых усилий перенес ее через поручни, словно держал в руках тощего котенка. И бросил в воду. Ее товарищи затащили девушку обратно в лодку, а она, в потоках стекавшей с нее воды, продолжала визжать и проклинать матросов, хохотавших у поручней.

Хэл отвернулся, чтобы скрыть улыбку, и отошел к грот-мачте, где стоял вместе с семьей мистер Битти; все они смотрели на берег и оживленно обсуждали свою новую землю.

Хэл приподнял шляпу, здороваясь с леди, и миссис Битти просияла от удовольствия.

А вот Кэролайн избегала его взгляда. После той ночи в пороховом погребе она чувствовала неловкость, находясь в обществе капитана.

Хэл повернулся к мистеру Битти:

– Мы будем здесь стоять много дней, возможно, даже недель. Я должен дожидаться прихода «Йоркширца», да и других дел много. Уверен, что вам хочется поскорее увезти семью на берег, дать дамам возможность наконец вырваться из тесноты их кают и размять ноги. А в городе, я знаю, много удобных гостиниц.

– Великолепная идея, сэр! – с энтузиазмом откликнулся Битти. – Уверен, сэр Хэл, для вас все это привычно, но для нас, сухопутных жителей, ограниченное пространство на борту стало уже слишком утомительным.

Хэл согласно кивнул:

– Я отправлю Гая на берег вместе с вами. Полагаю, вам захочется всегда иметь под рукой своего секретаря.

Хэл был доволен тем, что достиг самых насущных целей: во-первых, разделил Тома и Гая, а во-вторых, разделил Тома и Кэролайн. Потому что обе эти ситуации могли взорваться в любой момент, как пороховая бочка.

– Я отправлю вас на сушу, как только мы спустим свои лодки, – продолжал Хэл, – но, возможно, это произойдет лишь поздно вечером. – Он посмотрел на спускавшееся к горизонту солнце. – Но вы пока можете уложить свои вещи и подождать до утра, а уже потом перебираться с корабля.

– Вы очень, очень добры, капитан. – Битти отвесил поклон.

– А когда у вас появится возможность, вы, вероятно, захотите нанести визит вежливости голландскому губернатору, его зовут ван дер Стел, Симон ван дер Стел. Сам я буду очень занят делами здесь, на корабле, и вы окажете мне огромную услугу, если исполните этот долг также от моего имени и от имени компании.

Битти снова поклонился:

– С огромным удовольствием, сэр Хэл!

Прошло больше двадцати лет с тех пор, как Хэл со своей командой бежали из плена, из подземной темницы замка, и в поселении едва ли остался хоть кто-то, кто мог бы его узнать, но он все равно оставался осужденным преступником, и над его головой висел смертный приговор.

К тому же во время побега из форта Хэл и его товарищи были вынуждены убить многих тюремщиков и преследователей, просто в целях самозащиты, однако голландцы могли смотреть на все иначе. И если бы Хэла узнали, он мог моментально очутиться перед голландским трибуналом, где его обвинили бы во всех этих преступлениях, и тогда его могло ожидать пожизненное заключение, а то и виселица, как его отца.

Поэтому официальный визит к губернатору колонии едва ли выглядел мудрым шагом. Направить туда Битти – куда лучшее решение.

И конечно же, Хэлу следовало еще и собрать все возможные новости в поселении. Каждый корабль, возвращавшийся с Востока, независимо от порта приписки, останавливался в порту мыса Доброй Надежды. И в тавернах и публичных домах порта можно было узнать все, что угодно.

Извинившись перед семейством Битти, Хэл отошел и позвал Большого Дэниела и Эболи.
– Как только стемнеет, сойдете на берег. Держите наготове одну из лодок.

* * *

До полнолуния оставалось четыре дня. Гигантская гора нависала над ними – ее ущелья и скалы посеребрили лунные лучи, когда лодка скользила к берегу по сияющей дорожке.

Хэл сидел на корме между Эболи и Большим Дэниелом. Все трое закутались в плащи, надвинули на лбы шляпы, а под плащами спрятали пистолеты и сабли. Гребцы также были вооружены – двенадцать надежных людей под командой Эла Уилсона.

Лодка выскочила на берег на пенном гребне одной из атлантических волн, с шипением упавшей на песок. Как только волна стала отступать, гребцы выскочили из баркаса и вытащили его выше, на сухое место.

– Присматривай за людьми, Эл. Не позволяй им сбежать в поисках выпивки и женщин, – предостерег Уилсона Хэл. – Возможно, нам придется сильно поспешить, когда мы вернемся.

Хэл и его товарищи прошли по белому песку вдоль кромки моря и, как только нашли тропу, сразу повернули к домам, столпившимся под стенами форта. В некоторых окнах светился огонь, а когда моряки подошли ближе, они слышали музыку, пение и пьяные крики.

– Тут мало что изменилось с тех пор, как мы здесь были в последний раз, – проворчал Эболи.

– Торговля идет все так же хорошо, – согласился Большой Дэниел.

Он, слегка нагнувшись, вошел в дверь первой же таверны на самом краю поселения. Его спутники последовали за ним.

Свет внутри оказался таким тусклым, а табачный дым – таким густым, что им потребовалось несколько секунд, чтобы глаза привыкли и могли что-то рассмотреть.

В небольшом помещении толпились темные фигуры посетителей; здесь воняло пропотевшими телами, трубочным дымом и плохим спиртным. Шум стоял оглушительный, а когда Хэл с товарищами, войдя, остановились ненадолго, мимо них, шатаясь, вышел наружу какой-то матрос. Он, спотыкаясь, добрался до края песчаных дюн, где упал на колени, и его шумно и обильно вырвало. А он тут же свалился лицом в лужу собственной рвоты.

Трое протолкались через толпу в дальний угол, где стояли простой деревянный стол и скамья, на которой мертвецким сном спал другой пьяница. Большой Дэниел поднял его, словно спящего ребенка, и аккуратно переложил на усыпанный соломой пол. Эболи смахнул со стола

пустые оловянные кружки и тарелки с недоеденной пищей, и Хэл сел на скамью спиной к стене, оглядывая полутемное помещение и заполнявших его людей.

В основном посетителями являлись матросы, хотя Хэл увидел и нескольких солдат из гарнизона крепости – в синих мундирах с белыми перевязями.

Хэл прислушался к их разговорам, но уловил только пьяную болтовню и глупое хвастовство, ругательства и бессмысленный смех.

– Голландцы, – пробормотал Эболи, садясь на скамью рядом с Хэлом. Они какое-то время вслушивались. Голландским языком они овладели во время долгого плена, это было тогда просто вопросом выживания.

Рядом с ними села за стол компания из пяти матросов слегка разбойничьего вида. Они выглядели менее пьяными, чем остальные, но им приходилось говорить громко, чтобы слышать друг друга сквозь общий шум. Хэл какое-то время их слушал, но не услышал ничего интересного.

Готтентотка-официантка принесла кружки пенного пива.

Дэниел попробовал его и скривился.

– Моча! Еще теплая, свиная, – заявил он, однако сделал еще глоток.

Хэл не прикоснулся к своей кружке, потому что как раз в этот момент услышал, как голландец за соседним столом сказал:

– Нам повезет, если этот чертов конвой вообще когда-нибудь уйдет из этого проклятого порта.

Упоминание о каком-то конвое заинтересовало Хэла.

Торговцы обычно плавали поодиночке. Только в военное время или в случае какой-то другой крайности они образовывали конвой и шли под защитой военных орудий.

Хэл немного наклонился вперед, чтобы услышать остальное.

– Ага... Я первым не стану плакать, если никогда больше не брошу якорь в этом гнездилище черных шлюх и вороватых готтентотов. Я уже потратил чуть ли не последний гульден из своего кошелька, а вижу за свои денежки только всякую дрянь!

– Говорю вам, шкиперу следует воспользоваться шансом и уйти в одиночку! И черт с ним, с этим ублюдком Джангири и его адской командой! Я готов сразиться с любым из проклятых сыновей пророка!

– Да уж, незачем нам сидеть тут и ждать, пока ван Рутерс соберется стать нашей нянькой!

Сердце Хэла забилося быстрее при упоминании имени Джангири. Он впервые услышал его вне стен кабинета Николаса Чайлдса.

– Кто таков этот ван Рутерс? – тихо спросил Большой Дэниел и сделал еще глоток отвратительного пива.

Он тоже вслушивался в разговор голландских матросов.

– Голландский адмирал в Индийском океане, – ответил Хэл. – Его база – в голландской фактории в Батавии.

Он положил на грязную столешницу серебряный шиллинг.

– Купи им кувшин пива, Большой Дэнни, и послушай, что они тебе расскажут, – приказал он.

Но как только Дэниел встал со скамьи, он очутился лицом к лицу с какой-то женщиной. Она стояла подбоченясь и соблазнительно улыбалась Дэниелу почти беззубым ртом.

– Пойдем со мной, большой бык! – предложила она. – Я тебе дам кое-что такое, чего ты прежде не видывал.

– И что же такое у тебя есть, милашка? – Дэниел посмотрел на нее с широкой усмешкой. – Триппер?

Но Хэл, окинув быстрым взглядом оборванку, сообразил, что от нее можно добиться больше толку в смысле сведений, чем от пьяных голландцев.

– Просто стыд, мастер Дэниел! – сказал он. – Ты не способен узнать настоящую леди! Женщина ухмыльнулась Хэлу, сразу отметив качество его плаща и серебряные пуговицы на жилете.

– Садитесь, миледи, прошу вас! – пригласил ее Хэл.

Она хихикнула и засмушалась, как юная девица, стараясь смахнуть с лица седые пряди грязными пальцами с черными обломанными ногтями.

– Выпейте немножко чего-нибудь, для пользы горлу. Дэниел, принеси-ка даме стаканчик джина. Нет-нет, не будем скупиться. Возьми целую бутылку.

Женщина расправила юбку из грубой ткани и хлопнулась на скамью напротив Хэла.

– Ты просто настоящий принц, да! – Она уставилась на него. – И красавчик, как сам дьявол!

– А тебя, красавица, как зовут? – спросил Хэл.

– Мадам Маакенберг, – ответила она. – Но ты можешь называть меня Ханной.

Дэниел вернулся с квадратной бутылкой джина и высоким стаканом, который наполнил до краев. Ханна поднесла его к губам, высокосветски отставив в сторону мизинец, и сделала маленький глоточек. Она даже не поморщилась от жгучего, как огонь, напитка.

– Что ж, Ханна. – Хэл опять улыбнулся, и женщина под его взглядом завертелась, как щенок, которого приласкали. – Здесь, на мысе, наверняка не может произойти что-то такое, о чем ты бы не знала, правда?

– Видит Бог, это так, – кивнула она, снова продемонстрировав дыры между зубами. – Что бы ты ни захотел узнать, сэр, ты только спроси старую Ханну.

И она не соврала.

Весь следующий час Хэл сидел напротив нее и слушал.

И он обнаружил, что за истрепанным лицом и мутным от джина взглядом сохранились еще остатки некогда острого ума.

Она, похоже, знала сексуальные пристрастия и склонности каждого мужчины и каждой женщины в поселении, от губернатора ван дер Стела до рабочих в доках и перевозчиков. Она могла сообщить цену всего на свете, продуктов на рынке – от картофеля до вишен, – и знала, кто из бургеров гонит особо злой персиковый самогон. Она знала, кто продает своих рабов, сколько за них просят и чего они стоят на самом деле.

Она знала дни прихода каждого из кораблей в заливе, имена капитанов, какой там груз и в какие порты они заходили по дороге. Она могла дать полный отчет о последнем рейсе каждого из кораблей и о том, с какими трудностями они сталкивались на пути.

– Скажи-ка, Ханна, а почему сейчас в порту стоит так много кораблей голландской компании?

– Они все должны пойти в Батавию. Но губернатор ван дер Стел приказал, что все суда, идущие на восток, должны иметь сопровождение военных кораблей.

– Но почему он этого захотел, Ханна?

– Это все из-за Джангири. Ты же слыхал о Джангири, так?

Хэл покачал головой:

– Нет. Кто это? Или что это?

– Он себя называет Мечом Пророка. Но на самом деле он просто кровожадный пират, хуже, чем был когда-то Фрэнки Кортни.

Хэл переглянулся с Эболи. Обоих ошеломило такое небрежное упоминание имени отца Хэла, а заодно и то, что сэра Фрэнсиса до сих пор здесь помнят, хотя и лестной такую память назвать язык не поворачивался.

Ханна не заметила их реакции. Она еще разок глотнула джина и хрипло захохотала.

– За последние полгода три корабля голландской компании просто исчезли в Индийском океане. Все знают, что это дело рук Джангири. Говорят, он уже обошелся компании в миллион гульденов!

Ее глаза вспыхнули от восторга.

– Миллион гульденов! Я и не знала, что в мире существует столько денег!

Она наклонилась через стол и уставилась на Хэла горящим взглядом. От нее несло гнилью, но Хэл не отпрянул. Он не хотел рисковать и терять ее доверие.

– Кого-то ты мне напоминаешь... – Она задумалась на мгновение. – Ты не бывал раньше здесь, на мысе Доброй Надежды? Я никогда не забываю лица.

Хэл покачал головой, а Большой Дэниел хихикнул:

– Может быть, миссис, если он покажет тебе свой розовый кончик, ты его точно узнаешь, скорее, чем по лицу.

Хэл нахмурился, но бутылка с джином уже наполовину опустела, и Ханна захихикала:

– Я бы за это заплатила миллион гульденов! – Она снова всмотрелась в Хэла. – Хочешь пойти в заднюю комнатку с Ханной? Я с такого прекрасного мужчины даже денег не возьму!

– В следующий раз, – пообещал ей Хэл.

– Когда ты вот так улыбаешься, я тебя узнаю. Всплывает в памяти. Я никогда не забываю лица.

– Ты лучше расскажи мне еще о Джангири, – предложил Хэл, чтобы отвлечь ее.

Но Ханна уже теряла соображение. Она снова наполнила свой стакан и подняла пустую бутылку.

– Все, кого я люблю, уходят и бросают меня, – заявила женщина, и слезы наполнили ее глаза. – Даже бутылка не задерживается со мной надолго.

– Джангири, – повторил Хэл. – Расскажи мне о Джангири.

– Он чертов пират-мусульманин. Он сжигает христианских моряков просто для того, чтобы послушать, как они кричат.

– Откуда он взялся? И сколько у него кораблей? Каковы его силы?

– Один мой друг был на корабле, за которым гнался Джангири, только не догнал, – невнятно заговорила Ханна. – Он милый парень. Он хочет на мне жениться и забрать меня к себе домой, в Амстердам.

– Джангири? – удивился Большой Дэниел.

– Нет, глупый ком глины! – Ханна оцетинилась. – Мой друг! Я забыла его имя, но он хочет на мне жениться. Он видел Джангири. Ему повезло, он сумел сбежать от этого кровавого дьявола.

– А где это случилось, Ханна? И когда твой друг столкнулся с Джангири?

– Двух месяцев еще не прошло, это было у Берега Лихорадок, недалеко от Мадагаскара.

– И какие силы у этого Джангири? – не отставал Хэл.

– Много больших кораблей, – неуверенно ответила Ханна. – Целый флот военных кораблей. Но корабль моего друга сбежал...

Хэл понял, что она уже просто бормочет что попало. Ничего важного она больше не могла сообщить.

Но он задал последний вопрос.

– А ты знаешь, каким маршрутом голландский конвой идет к Батавии?

– На юг, – ответила она. – Они говорят, что отходят далеко на юг. Я слышала, что они держатся как можно дальше от Мадагаскара и соседних островов, потому что именно там болтается Джангири, грязный пират.

– А когда уходит из залива конвой?

Но Ханна уже утонула в алкогольном тумане.

– Джангири – дьявол, – прошептала она. – Он – Антихрист, и всем истинным христианам надо его бояться...

Она медленно склонилась вперед и упала лицом в лужицу джина на столе.

Дэниел аккуратно взял ее за грязные, сальные седые волосы и поднял голову, чтобы взглянуть в глаза.

– Леди нас покинула, – сообщил он и уронил голову Ханны.

Та со стуком упала на деревянную столешницу.

И тут же, не удержавшись на скамье, женщина свалилась на пол и громко захрипела.

Хэл достал из кошелька серебряную монету в десять гульденов и засунул ее за лиф платья Ханны.

– Да она столько не заработает за целый месяц! – проворчал Большой Дэниел.

– Но она того стоит, – возразил Хэл и встал. – Это лучшая разведчица, чем все шпионы самого адмирала ван Рутерса.

На берегу их ждал с баркасом Эл Уилсон. Когда они переправлялись через залив обратно к «Серафиму», Хэл сидел молча, переваривая все то, что рассказала Ханна, и вплетая новые сведения в свои планы. К тому времени, когда он поднялся на палубу по веревочному трапу, он уже знал, что должен делать.

– Кое-что стало ясно из того, что говорила нам подружка Дэниела прошлым вечером...

Хэл оглядел внимательные лица своих офицеров, собравшихся в маленькой каюте на корме.

– Первое – это то, что база Джангири находится где-то здесь. – Хэл наклонился к карте, лежавшей на его столе, и обвел пальцем Мадагаскар и его окрестности. – Отсюда он может с великой легкостью совершать налеты на торговые маршруты, что идут на юг и на восток.

Эболи проворчал:

– Только найти его берлогу будет не так-то легко. Вряд ли он устроился на одном из крупных островов. А мелких там сотни, и они разбросаны на протяжении двух тысяч лиг от побережья Омана в Аравийском море до самых Маскаренских островов на юге.

– Да, ты прав, – кивнул Хэл. – И еще добавь к этому то, что там наверняка есть десятки островов, которых мы вообще не знаем, безымянных и не нанесенных ни на одну из карт. Мы можем болтаться там сотню лет и не обнаружить и не исследовать их все.

Он снова оглядел всех:

– Но если мы не можем прийти к нему, то что мы должны сделать?

– Заставить его прийти к нам, – ответил Нед Тайлер.

И снова Хэл кивнул:

– Да, нужно выманить его из берлоги. Бросить ему приманку, раздражить. И подходящее для этого место – Побережье Лихорадок. Нам нужно курсировать у Мадагаскара и Занзибара, оставляя след вдоль берегов Африки.

Мужчины согласно забормотали.

– Можно не сомневаться, у него наверняка есть шпионы в каждом порту Индийского океана. И они посылают ему весточку о каждой возможной добыче, – сказал Дэниел. – По крайней мере, будь я проклятым пиратом, я бы именно так и делал.

– Да. – Хэл повернулся к нему. – Мы зайдем в каждый из портов, дадим понять, что мы ужасно богаты и плохо вооружены.

– Два боевых корабля с тридцатью шестью орудиями на каждом? – хихикнул Нед Тайлер. – Да этого хватит, чтобы напугать любого пирата.

– Один корабль, – возразил Хэл и улыбнулся, увидев удивление на лицах. – Я отправлю «Йоркширца» в Бомбей, как только он придет сюда. Он заберет наших пассажиров и самые срочные из наших грузов, и мы от них избавимся. А мы пойдем к Побережью Лихорадок одни.

– Но все равно «Серафим» – могучий корабль, – напомнил ему Эл Уилсон. – Большинство пиратов побоятся к нему подойти.

– Он не будет так выглядеть к тому времени, когда мы выйдем в море.

Хэл расстелил на столе чертежи корабельного корпуса, над которыми работал с тех пор, как они пересекли экватор.

– Троянский конь, джентльмены! Вот что мы приготовим для мистера Джангири.

Все столпились вокруг стола, рассматривая чертежи и одобрительно переговариваясь, когда начали понимать, что именно задумал Хэл.

– Мы превратим «Серафим» в богатый, жирный, невооруженный торговый корабль. Сначала орудийные порты...

На следующее утро Хэл сам обошел на веслах стоящий на якоре корабль. С ним находились Нед Тайлер и два корабельных плотника, которые внимательно слушали объяснения капитана, как именно он желает изменить внешний вид «Серафима».

– Мы оставим на месте всю эту резьбу и позолоту... – Хэл показал на прекрасные украшения на корме и на носу корабля. – Они придают судну замечательный роскошно-помпезный вид, вроде прогулочной баржи лорда-мэра.

– Скорее уж это похоже на французский бордель, – фыркнул Большой Дэниел.

– А кроме того, лорд Чайлдс просто выйдет из себя, если мы попортим эти произведения искусства. – Хэл показал на борта «Серафима». – Но наша главная забота – бойницы.

Нижние обвязки орудийных портов, расположенных в шахматном порядке, были украшены золочеными листьями, придававшими корпусу весьма привлекательный вид, но в то же время они откровенно подчеркивали военную мощь «Серафима».

– Так что начинайте с них, – приказал Хэл плотникам. – Я хочу, чтобы крышки бойниц оказались скрыты. Промажьте их смолой и перекрасьте так, чтобы они сливались с обшивкой корпуса.

Еще час они изучали корабль с баркаса и определили, какие именно небольшие изменения во внешности «Серафима» придадут ему более безобидный вид.

Когда они возвращались к трапу корабля, Хэл сказал Большому Дэниелу:

– Я не зря встал на якорь так далеко от берега; дело не только в пушках форта, но еще и в том, чтобы оказаться вдали от любопытных глаз на берегу.

Он кивнул в сторону грузовых лодок и мелких суденышек, все еще толпившихся вокруг корабля.

– Как только начнется работа, я хочу, чтобы ты разогнал эту мелочь. Мы должны считать, что у Джангири есть свои шпионы в здешнем поселении, и действовать соответственно. Я не желаю, чтобы всякие хитрые глазки наблюдали за всем, что мы делаем, а шустрые языки разносили все по мысу.

Вернувшись в свою каюту, Хэл написал письмо мистеру Битти, устроившемуся в городе; он объяснял, что мистеру Битти и его семье придется завершить вояж в Бомбей на борту «Йоркширца», когда тот прибудет, и что Гай может отправляться с ним. Хэл чувствовал облегчение, что есть возможность устроить это дело письменно, вместо того чтобы убеждать мистера Битти перебраться на другой корабль и спорить с ним.

– Ну вот, готово! – сказал он вслух, присыпая лист письма песком, чтобы высушить чернила. – А заодно будет покончено с кулачными и амурными склонностями Тома.

Запечатав письмо своей восковой печатью, он послал за Большим Дэниелом, чтобы тот доставил его на берег.

– «Йоркширца» еще не видно? – спросил он, как только Большой Дэниел сунул голову в дверь каюты.

– Пока нет, капитан.

– Скажи вахтенным офицерам, чтобы позвали меня сразу, как только увидят его мачты на горизонте.

Он уже отдавал этот приказ, и Большой Дэниел вытаращил глаза и сморщил губы, демонстрируя снисходительность. Хэл сдержал улыбку.

Большой Дэниел мог позволить себе такую фамильярность.

* * *

Он стоял на эшафоте в ярком утреннем свете. Всего лишь мальчишка, лет восемнадцати, определенно не старше.

И он был очень хорош собой и нравился Ханне Маакенберг.

Высокий, стройный юноша, с длинными волнистыми волосами, черными как вороново крыло, спадавшими на плечи. Он был смертельно испуган, и это возбуждало Ханну, как возбуждало и всю большую толпу вокруг нее.

Сюда явились все до единого жители поселения – мужчины, женщины и дети, все жены бюргеров, все рабы и готтентоты. Люди волновались, шумели и обменивались шутками. Даже самые маленькие дети находились здесь и, пользуясь случаем, визжали и гонялись друг за другом между ногами взрослых.

Рядом с Ханной стояла одна из жен свободных бюргеров, пухлая женщина добродушного вида, в фартуке, слегка испачканном мукой. Она явно оторвалась от замешивания теста на своей кухне. Крошечная дочка цеплялась за ее юбку.

Этот ребенок напоминал ангела; девчушка сосала свой большой палец и серьезно смотрела на человека, стоящего на эшафоте, огромными голубыми глазами.

– Это ее первая казнь, – пояснила мать, обращаясь к Ханне. – Ей немножко не по себе, она боится людей.

Руки пленника были скованы у него за спиной. Всю его одежду составляли потрепанные матросские штаны, а ноги оставались босыми.

Судья поднялся на эшафот, чтобы прочитать обвинение и приговор, и толпа покачнулась и загудела в предвкушении.

– Выслушайте вердикт суда колонии мыса Доброй Надежды! Милостью Божией и властью, возложенной на меня Генеральными штатами Республики Голландия...

– Да побыстрее ты! – заорал кто-то из бюргеров в задней части толпы. – Пусть попляшет для нас!

– Настоящим сообщаю, что Хендрик Мартинус Окерс, признанный виновным в убийстве...

– Я там была, – похвасталась Ханна стоявшей рядом бюргерше. – Я все видела. Я даже давала показания в суде, да!

На женщину это явно произвело впечатление.

– Но почему он это сделал? – спросила она.

– А почему любой из них это делает? – пожала плечами Ханна. – Они оба были в стельку пьяны.

Ханна помнила две фигуры, кружившие друг возле друга, и каждая с длинным ножом, зловеще сверкавшим в свете фонаря; от фигур падали длинные тени на стены таверны, а зрители кричали и топали ногами...

– И как он это сделал?

– Ножом, милочка. Он оказался быстрее. Ну просто как какая-нибудь пантера, да! – Ханна взмахнула рукой, показывая режущий удар. – Прямо вот так, по животу. Врезал его, как какую-нибудь рыбину на прилавке. У того все кишки вывалились ему же под ноги, он о них споткнулся и упал.

– О-ох!..

Бюргерша содрогнулась, зачарованная ужасной картиной, вспыхнувшей в ее воображении.

– Они просто как звери, эти матросы!

– Да все мужчины таковы, милочка, не только матросы, – с важным видом согласилась Ханна. – Все мужчины одинаковы.

– Видит Бог, так оно и есть! – кивнула женщина, подхватывая дочурку и сажая ее себе на плечо. – Вот так будет лучше, милая. Так ты все увидишь, – сказала она.

Судья наконец дочитал до конца приговор:

– Вышеупомянутый Хендрик Мартинус Окерс тем самым приговаривается к смерти через повешение. Приговор должен быть приведен в действие публично на парадном плаце замка утром третьего дня сентября в десять часов до полудня.

Судья тяжело спустился с эшафота по лесенке, и один из стражников помог ему одолеть несколько последних ступеней. Палач, стоявший за приговоренным, шагнул вперед и надел на голову мужчины черный полотняный мешок.

– Терпеть не могу, когда они это делают, – проворчала Ханна. – Я хочу видеть его лицо, когда он повиснет на веревке, как он весь нальется кровью!

– Неторопливый Ян никогда не закрывал им лица, – согласилась стоявшая рядом с ней женщина. – Да! Ты помнишь Неторопливого Яна? Он был настоящим художником! Я никогда не забуду, как он казнил сэра Фрэнки, английского пирата. Вот это было представление!

– Помню, как будто это произошло вчера, – кивнула Ханна. – Ян с ним занимался почти полчаса, прежде чем покончил с ним...

Она внезапно умолкла, как будто что-то еще подтолкнуло ее память.

Что-то имевшее отношение к тем пиратам и к симпатичному парню на эшафоте. Ханна раздраженно встряхнула головой, джин слишком затуманил ее разум.

Палач надел петлю на шею осужденного и затянул ее узел под левым ухом несчастного. Юноша теперь дрожал с головы до ног. Ханна снова пожалела, что не видит его лица. Вся эта картина напомнила ей о ком-то еще.

Отступив назад, палач высоко поднял свой тяжелый деревянный молот и с размаху ударил по клину, что удерживал люк под ногами приговоренного.

Юноша жалобно вскрикнул:

– Пощады, бога ради!

Толпа зрителей разразилась грубым хохотом.

Палач снова взмахнул молотом и вышиб клин.

Крышка люка с треском упала вниз, и приговоренный провалился в отверстие. Он повис на резко натянувшейся веревке, его шея вытянулась, голова дернулась вбок. Ханна услышала, как треснули позвонки, словно сухая ветка, и снова ощутила разочарование. Неторопливый Ян сделал бы все гораздо лучше, он бы далеко не сразу позволил веревке полностью натянуться, прошло бы много мучительных минут, прежде чем жизнь окончательно покинула бы тело. А этот палач был слишком неуклюж, ему не хватало тонкости. Ханна сочла, что все закончилось слишком быстро.

Тело казненного несколько раз судорожно дернулось и замерло, медленно вращаясь на веревке; его шея изогнулась под неестественным углом. Ханна, ворча себе под нос, отвернулась.

И вдруг замерла.

Воспоминание, ускользавшее от нее так долго, внезапно возникло в уме.

– Это же тот мальчишка-пират! – негромко воскликнула она. – Ну да, сын сэра Фрэнки, пирата. Я никогда не забываю лица. Я же говорила, что знаю его.

– О ком это ты? – спросила женщина с сидевшей на ее плече дочкой. – Что за мальчишка Фрэнки? Какого Фрэнки?

Ханна не потрудилась ответить и поспешила прочь, дрожа от возбуждения. Она решила припрятать тайну для себя.

На нее теперь буквально нахлынули картины событий двадцатилетней давности. Суд над английскими пиратами. Ханна была тогда молодой и хорошенькой, и она кое-что позволила одному из стражей, чтобы тот бесплатно пропустил ее в зал суда. И она посещала каждое заседание, сидя в заднем ряду. Вот уж было представление так представление, лучше любой карточной игры или ярмарки...

Ханна снова как наяву увидела того юношу, сына сэра Фрэнки, скованного цепью с другими пиратами, когда старый губернатор ван де Вельде приговаривал одного к смерти, а остальных – к пожизненному заключению и работе на крепостных стенах. Как звали того парня?..

Когда Ханна закрывала глаза, она отчетливо видела его лицо мысленным взором.

– Генри! – вскрикнула вдруг она. – Генри Кортни!

А потом, три года спустя, пираты во главе с этим самым Генри Кортни вырвались из темницы под замком. Ханне никогда не забыть тех криков, шума, мушкетных выстрелов; а потом последовал оглушительный взрыв, и огромное облако дыма, пыли и обломков взлетело высоко в воздух, когда английские бандиты подорвали пороховой склад форта. Ханна собственными глазами видела, как разбойники умчались за ворота замка в украденной карете и понеслись по дороге к краю поселения.

Но хотя весь гарнизон крепости погнался за ними, они ушли в дикие горы на севере и исчезли.

А потом Ханна видела на рынке афишки, обещающие вознаграждение, и такие же висели во всех тавернах вдоль берега.

– Десять тысяч гульденов... – прошептала она. – За них обещали десять тысяч гульденов...

Она попыталась представить такую кучу денег, но не смогла.

– Я с такими деньгами уж точно могла бы вернуться в Амстердам... могла бы до конца дней жить, как важная леди...

Но тут же она упала духом. Заплатят ли такие деньги через много лет? Ханна даже ослабела от разочарования, сообразив, что великое состояние ускользает от нее.

– Отправлю-ка я Аннеке на разведку в крепость...

Аннеке, одна из молодых и хорошеньких проституток, работала в тавернах на берегу. Среди ее постоянных клиентов был один клерк губернатора – на местном жаргоне таких клиентов называли «пароход». Ханна знала, что Аннеке снимала комнату в таверне «Малмок», одной из самых популярных у моряков, названной по имени альбатроса.

Ханне повезло: Аннеке все еще валялась на своей грязной постели в крошечной комнатке под самой крышей.

В комнате воняло мужским потом и похотью. Аннеке сонно села на кровати; ее черные кудри спутались, глаза припухли от сна.

– Эй, с чего ты решила разбудить меня в такое время? С ума сошла? – сердито протянула она.

Ханна уселась рядом с ней и быстро выложила всю свою историю.

Девушка выпрямилась и протерла сонные глаза. Она слушала, и выражение ее лица быстро менялось.

– Сколько? – недоверчиво переспросила она.

И тут же сползла с постели, чтобы собрать одежду, разбросанную по полу.

– На каком корабле этот тип? – спросила она, натягивая через голову кофточку.

Ханна призадумалась. В заливе стояло больше двадцати кораблей, и она понятия не имела, где находится ее жертва.

Но потом она сообразила. Генри Кортни был английским пиратом, а в порту стояли только два английских корабля. Он должен находиться на одном из них.

– Предоставь это мне, – сказала она девушке. – Я узнаю. А тебе только нужно выяснить, можно ли до сих пор получить вознаграждение и как именно.

«Серафим» простоял на якоре пятнадцать дней, прежде чем в Столовую бухту вошел наконец «Йоркширец», двигаясь против юго-восточного ветра. Он бросил якорь в кабельтове от «Серафима». Эдвард Андерсон тут же сам отправился на «Серафим» и, поднявшись по трапу, приветствовал Хэла.

– Я вас с трудом узнал, сэр Генри. «Серафим» как будто стал совершенно другим кораблем.

– Значит, я достиг своей цели.

Хэл повел Андерсона к своей каюте:

– Почему вы так сильно задержались?

– Встречный ветер, почти с того самого времени, как мы расстались. Меня занесло к самому побережью Бразилии, – ворчливо ответил Андерсон. – Но я рад, что мы наконец-то снова вместе.

– Ненадолго, – заявил Хэл, приглашая гостя сесть в кресло и наливая ему стаканчик мадеры. – Как только вы приведете в порядок «Йоркширца», я отправлю вас в Бомбей, в одиночку, а сам собираюсь пойти на поиски этого мусульманского бандита.

– Я, вообще-то, не такого ожидал...

Андерсон чуть не поперхнулся вином, сообразив, что трофеи могут ускользнуть от него.

– У меня хороший боевой корабль, и команда...

– Возможно, слишком хороший, – перебил его Хэл. – Судя по тому, что я узнал с тех пор, как пришел сюда, наилучшим способом добраться до Джангири станет приманка. А два боевых корабля, скорее всего, просто отпугнут его, чем привлекут.

– А! Так вот почему вы изменили внешность «Серафима»! – воскликнул Андерсон.

Хэл кивнул и продолжил:

– А кроме того, есть еще и пассажиры, неотложная почта и груз для Бомбея. Мистер Битти сейчас поселился в городе, он ждет, что вы доставите его с семьей в Бомбей. Попутный ветер продержится не слишком долго, со сменой времени года трудно будет добраться до места через Индийский океан.

Андерсон вздохнул:

– Я понимаю ваши соображения, сэр, хотя меня они не утешают. Мне весьма хочется снова разделить ваше общество.

– К тому времени, как вы доберетесь до Бомбея, ветер сменит направление. Вы сможете оставить груз и быстро дойти к Берегу Лихорадок, где я и буду ждать встречи с вами.

– Но это займет несколько месяцев, – мрачно заметил Андерсон.

Хэл был доволен, видя в Андерсоне воинственный дух. Другие капитаны компании, скорее всего, обрадовались бы возможности избежать опасности, их вполне устраивала роль мирных торговцев. И он попытался немного утешить Андерсона.

– Да, но к тому времени, когда мы опять встретимся, я буду уже гораздо больше знать о Джангири. Возможно, удастся вынюхать, где его берлога. Можете не сомневаться, нам понадобятся объединенные силы, чтобы выкурить его оттуда, и я даже попытаюсь не стану этого делать в одиночку, сэр.

Андерсон слегка посветлел:

– Тогда я должен поспешить с приготовлениями к следующему вояжу, в Бомбей.

Он допил вино и поднялся:

– Я сейчас же отправлюсь на берег, поговорю с мистером Битти и велю ему приготовиться к дальнейшему путешествию.

– Я отправлю с вами Дэниела Фишера, моего офицера, он вас проводит к гостинице мистера Битти. Я бы поехал сам, но по некоторым причинам это неблагоприятно.

– Ладно, а мои люди приготовятся принять от вас груз. И с Божьей помощью я буду готов отплыть через десять дней, а то и раньше.

– Если вы окажете мне удовольствие отужинать с вами завтра вечером, мы сможем обговорить все подробности дальнейших планов.

Они пожали друг другу руки, и Андерсон уже с более довольным видом спустился в свой баркас, а Большой Дэниел последовал за ним.

Ханна сидела на берегу, на вершине одной из высоких песчаных дюн – с этого места она видела всю флотилию в заливе как на ладони. Рядом с ней устроились еще двое: Аннеке и Ян Олифант.

Ян Олифант являлся незаконнорожденным сыном Ханны. Его отцом был Ксиа Нка, тридцать лет назад – могущественный вождь готтентотов. Тогда Ханна еще не растеряла свою красоту и золотистые волосы. Она приняла в дар от Ксиа накидку из шкур красных шакалов – в обмен на ночь любви. Связь между белыми женщинами и цветными мужчинами строгойше запрещалась законами компании, но Ханна никогда не обращала внимания на такие глупости, как закон, придуманный какими-то семнадцатью стариками в Амстердаме.

И хотя Ян Олифант унаследовал от отца внешность и цвет кожи, он гордился своими европейскими корнями.

Он свободно говорил на голландском, носил саблю и мушкет и одевался как бюргер. А фамилию он взял в соответствии со своим призванием. Ян был известным охотником на слонов и суровым, опасным человеком. По приказу компании никто из голландских бюргеров не осмеливался выходить за границу поселения. Но Ян Олифант с учетом готтентотской крови не подпадал под такие ограничения. Он мог уходить и приходить свободно, бродить в диких местах за горной цепью, а возвращаясь, продавал в колонии драгоценные слоновьи бивни.

Его смуглое лицо было жутко изуродовано, нос искривлен, рот пересечен яркими белыми шрамами, начинавшимися от похожих на густую шерсть волос и сбегавшими до подбородка. Сломанная когда-то челюсть ушла вбок, и Ян как будто постоянно ухмылялся.

Причина тому была проста: во время одной из первых вылазок во внутренние территории, когда Ян спал у своего костра ночью, к нему подкралась гиена и вцепилась мощными челюстями ему в лицо.

Только такой человек, как Ян Олифант, обладающий невероятной физической силой и могучим духом, мог выжить после такого нападения. Зверь уволок его в темноту, держа зубами, как кошка держит мышь. Хищник не обращал внимания на крики спутников Яна и на камни, которые летели вслед. Длинные желтые клыки так глубоко вонзились в лицо Яна, что раздробили нижнюю челюсть, а его рот и нос были зажаты в пасти, и он просто не мог дышать.

Но Ян сумел дотянуться до ножа, висевшего на его поясе, нащупать на груди зверя место между ребрами, где ощущалось биение сердца, и осторожно прижал к шкуре нож, а потом одним мощным ударом убил тварь.

Сейчас Ян сидел на дюне между двумя женщинами; его голос звучал искаженно из-за того, что ноздри и челюсть остались искалечены.

– Мать, ты уверена, что это тот самый человек?

– Сынок, я никогда не забываю лица, – упрямо ответила Ханна.

– Десять тысяч гульденов? – Ян Олифант весело фыркнул. – Да ни один человек, живой или мертвый, не стоит таких денег.

– Но это так, – с жаром возразила Аннеке. – Награда все так же в силе! Я поговорила со своим мужчиной в замке. Он говорит, что компания до сих пор готова выплатить всю сумму! – Она алчно хмыкнула. – Они заплатят за него, жив он или мертв, если мы сможем доказать, что это Генри Кортни.

– Но почему просто не послать к нему на корабль солдат, чтобы его схватили? – пожелал узнать Ян Олифант.

– Если они его арестуют, как ты думаешь, они отдадут нам денежки? – презрительно поинтересовалась Аннеке. – Мы должны сами его поймать.

– Он мог уже отплыть, – напомнил ей Ян.

– Нет! – Ханна уверенно покачала головой. – Нет, милый мой. Ни один английский корабль не снимался с якоря в последние три дня. Один пришел, но ни один не уходил. Смотри сам! – Она показала вдаль, через залив. – Вон они!

Залив покрывали белые барашки волн, и корабли, стоявшие на якорях, танцевали грациозный менуэт под музыку ветра, кланяясь и приседая на привязи, и их флаги и выпелы разворачивались и взлетали, как подвижные радуги.

Ханна знала название каждого из них. И перечисляла корабли, пока не добралась до двух англичан, стоявших так далеко, что глаза не различали их цвета.

– Вон то – «Серафим», а второй, ближе к острову Робин, – это «Йоркширец».

Она произнесла названия с сильным акцентом, а потом прикрыла глаза ладонью:

– С «Серафима» спустили лодку. Может, нам повезет и в ней окажется тот пират?

– Им понадобится почти полчаса, чтобы дойти до берега. Так что у нас уйма времени, – заявил Ян Олифант.

Он разлегся на спине на солнышке, почесывая пах:

– Жутко чешется почему-то. Эй, Аннеке, почеси меня!

Аннеке изобразила скромность:

– Ты же знаешь, это против закона компании. Белым леди нельзя развлекаться с черными ублюдками.

Ян Олифант фыркнул:

– Я не стану доносить на тебя губернатору ван де Стелу, хотя, как я слышал, он и сам не прочь откусить кусочек черного мяса.

Ян Олифант отер слюну, стекавшую по подбородку из изуродованных губ:

– А моя мать посторожит нас.

– Я тебе не доверяю, Ян Олифант. Ты в прошлый раз меня надул. Так что сначала покажи денежки, – заявила Аннеке.

– Я думал, мы с тобой возлюбленные, Аннеке.

Он потянулся к женщине и схватил ее за грудь:

– А когда у нас будет десять тысяч гульденов, я могу даже жениться на тебе.

– Жениться на мне? – Аннеке разразилась визгливым смехом. – Да я даже на улице рядом с тобой не покажусь, уродливая обезьяна!

Ян Олифант усмехнулся:

– Да ведь мы не о прогулке по улице говорим.

Он обхватил женщину за талию, притянул к себе и поцеловал в губы:

– Ну же, мой пухленький пудинг, у нас уйма времени, пока тот баркас подойдет к берегу.

– Два гульдена! – категорически ответила Аннеке. – Это моя особая цена для всех моих лучших возлюбленных.

– Вот тебе полфлорина.

Он сунул монету ей в декольте.

Аннеке протянула руку и стала массировать его пах, чувствуя, как тот набухает под ее рукой.

– Один флорин, или можешь сунуть свою штуку в океан, чтобы охладить.

Ян Олифант фыркнул изуродованным носом, вытер слюну с подбородка и достал из кошелька еще одну монету. Аннеке взяла ее, потом встала. Ян Олифант вскочил, подхватил ее на руки и унес в ложбинку между дюнами.

Ханна без интереса наблюдала за ними, все так же сидя высоко на дюне. Ее беспокоила только доля награды. Ян Олифант был ее сыном, но Ханна не питала иллюзий на его счет; он наверняка обманул бы ее при первой же возможности. Она хотела быть уверенной, что вознаграждение попадет именно ей в руки... Но конечно, ни Аннеке, ни Ян, в свою очередь, ей не доверяли. Ханна ломала голову над этой дилеммой, наблюдая за тем, как Ян резвится с женщиной. Он сопел и кричал во все горло:

– Да! Да, вот так! Как ураган! Как прародитель всех слонов в джунглях! Да! Как фонтан кита! Это Ян Олифант!

Наконец он испустил финальный рев, соскользнул с Аннеке и свалился на песок рядом с ней.

Аннеке встала, поправила юбку и презрительно посмотрела на Яна.

– Скорее похоже на пузыри золотой рыбки, чем на фонтан кита, – сказала она и вернулась на дюну, чтобы снова сесть рядом с Ханной.

Баркас с «Серафима» уже находился невдалеке от берега; весла взлетали в воздух и погружались в воду, баркас подпрыгивал на волнах.

– Ты видишь, кто там на корме? – спросила Ханна.

Аннеке ладонью прикрыла глаза от солнца:

– Да, там двое мужчин.

– Вон тот... – Ханна показала на одну из фигур. – Он в ту ночь был с Генри Кортни. Они точно товарищи.

Крупный мужчина выпрямился на корме, отдавая приказ гребцам.

Они разом подняли длинные весла и теперь держали их высоко в воздухе, как копыта кавалеристов. Лодка скользнула на песок и застыла на суше.

– Здоровенный дядька, – заметила Аннеке.

– Точно, это он.

Они наблюдали за тем, как Большой Дэниел и капитан Андерсон вышли из баркаса и направились по берегу в сторону поселения.

– Пойду поговорю с матросами, – предложила Аннеке. – Узнаю, на каком из кораблей наш человек и вправду ли он сын пирата Фрэнки.

Ханна и Ян Олифант смотрели, как Аннеке неторопливо идет по песку к лодке. Команда увидела ее, и матросы засмеялись, подталкивая друг друга.

– Похоже, именно Аннеке придется получить для нас вознаграждение, – сказала Ханна сыну.

– Ха! Я тоже об этом подумал. Это же ее дружок будет его выплачивать.

Они смотрели на женщину, смеявшуюся и болтавшую с матросами. Потом она кивнула и увела одного из них в темно-зеленую рощицу пышных деревьев над пляжем.

– Какую долю ты ей обещала? – спросил Ян Олифант.

– Половину.

– Половину?! – Ян был потрясен таким расточительством. – Это же слишком много.

Первый матрос вернулся из-за деревьев, завязывая на талии веревку, державшую его штаны. Товарищи встретили его ироническими возгласами, и тут же второй матрос выпрыгнул из лодки и поспешил в рощицу, провожаемый хором свистков и хлопков.

– Да, это слишком много, – согласилась Ханна. – Она просто жадная сука. Будь с ней поосторожнее, она готова услужить последней из этих английских свиней.

– Да, содрала с меня два гульдена. Жадная сука. Нам придется как-то от нее избавиться. – Ян с философским видом пожал плечами.

– Ты прав, сынок. Она этого заслужила. Но только после того, как она получит для нас награду.

Они терпеливо ждали, спокойно болтая, строя планы, как они потратят огромное состояние, которое должны вскоре получить, и наблюдая за процессией английских матросов, ухаживавших в рощицу и возвращавшихся через несколько минут...

– Говорила же я тебе, она их обслужит всех до единого, – сказала Ханна с легким неодобрением, когда последний матрос вернулся к баркасу.

Через несколько минут Аннеке появилась из-за деревьев, отряхивая песок с юбки и волос. Она подошла к Ханне и Яну Олифанту с самодовольным выражением на пухлом розовом лице. И хлопнулась на песок рядом с ними.

– Ну? – резко произнесла Ханна.

– Капитан корабля Британской Ост-Индской компании – сэр Генри Кортни! – с важным видом сообщила Аннеке.

– И тебе пришлось выслушать свидетельства восьми его моряков, чтобы убедиться в этом, – язвительно бросила Ханна.

Аннеке скривила губы и продолжила:

– Похоже, этот Генри Кортни – богатый английский милорд. У него огромные владения в Англии.

Ян Олифант усмехнулся:

– Как богатей, он должен стоять и побольше десяти тысяч. Мы с друзьями будем ждать его где-нибудь здесь, когда он сойдет на берег.

Ханна встревожилась:

– Эй, только не пытайся захватить его ради выкупа! Он мне кажется скользкой рыбкой. Надо просто схватить его, отрезать ему башку и предъявить ее компании! Получи вознаграждение и забудь о выкупе!

– Значит, денюжки за него готовы выплатить независимо от того, живой он или мертвый? – спросил Ян Олифант у Аннеке.

– Ну да, как я и говорила.

– Моя мать права. Мертвая рыбка не выскользнет из пальцев. Рыбка с перерезанным горлом, – протянул Ян.

– Я буду ждать его вместе с тобой. Как только он появится, я покажу его тебе, а дальше все зависит от тебя и твоих дружков, – сказала Ханна сыну.

– Если он еще раз сойдет на берег, – презрительно напомнила Аннеке, и Ханна снова забеспокоилась.

Груз для Бомбея был перевезен с «Серафима» на «Йоркширец». Бочки для воды вычистили и наполнили заново из ручья, что бежал по склонам Столовой горы.

Пополнили запасы лампового масла, соли, муки, сухарей и прочих сухих припасов, поистощившихся за время долгого перехода на юг. Хэл привел в порядок корабль, обеспечивая ему наилучшую готовность к дальнейшему плаванию. Команда пребывала в добром здравии и отличном настроении, матросы прибавили в весе, объедаясь свежими фруктами, овощами

и мясом. Двадцать шесть случаев цинги исчезли без следа, после того как Хэл отправил заболевших матросов на временное проживание в колонию. Теперь они вернулись на борт, бодрые и готовые продолжать путь.

– Я выйду завтра на рассвете, – сообщил Хэл капитану «Йоркширца» Андерсону. – У вас тоже все готово?

– На этот счет не тревожьтесь, – заверил его Андерсон. – Буду ждать нашей встречи в первый день декабря.

– А я к тому времени подготовлю для вас хорошее дельце, – пообещал Хэл. – Но пока мне нужна ваша помощь кое в чем.

– Только скажите.

– Я собираюсь сегодня вечером сойти на берег, у меня есть одно важное дело.

– Простите, что сую нос, сэр Генри, но мудро ли это? Как вы сами мне доверительно сообщили, и как я сам выяснил, порасспросив голландских чиновников в колонии, они с вашей историей еще не покончили. И если вы попадете им в руки, ничего хорошего ждать не придется.

– Я благодарен вам за беспокойство, сэр, но я не могу пренебречь этим делом на берегу. И когда все будет закончено, я попрошу вас переправить для меня в Бомбей некий небольшой сундучок. И я буду весьма вам обязан, если оттуда вы отправите его первым же судном, выходящим из порта, моему старшему сыну в Девон.

– Вы можете быть совершенно уверены, что я это сделаю, сэр Генри.

Том с Дорианом уже несколько дней обсуждали между собой тот факт, что их отец не сходит на берег. И теперь наблюдали за подготовкой вылазки на берег с возрастающим волнением.

Когда Хэл выбрал людей, которые должны были отправиться с ним, и выдал им снаряжение и оружие, любопытство братьев уже переливалось через край.

Набравшись храбрости, они прокрались к каюте отца, где, как они знали, он в это время заперся со своими офицерами.

Пока Дориан стоял на страже на трапе, Том подобрался к самой двери и стал слушать, прижавшись к ней ухом. До него донесся отцовский голос:

– Ты, мистер Тайлер, будешь отвечать за корабль, пока я на берегу. Голландцы вполне могут наброситься на нас, и тогда нам придется возвращаться в спешке, поэтому на берегу нас должна ждать лодка с командой; людям следует постоянно оставаться настороже и держать наготове оружие, чтобы увезти нас в любое мгновение. А ты должен быть готов прийти нам на помощь в случае чего. А как только мы окажемся на борту, нужно будет мгновенно поднять якорь и паруса, пусть даже посреди ночи, в темноте.

Том увел Дориана обратно на палубу. Они вместе взобрались на мачту и уселись рядышком на рее. На это место они всегда отправлялись, если не хотели, чтобы их кто-то услышал.

– Сегодня ночью. Я слышал, как отец отдает приказы. И он берет с собой на берег вооруженный отряд, – сообщил Том младшему брату. – Похоже, мы знаем, для чего нужен сундук, а?

– Знаем ли? – с сомнением произнес Дориан.

Они видели, как несколько матросов под руководством Большого Дэниела вынесли из трюма таинственный сундук. Размером он не превышал маленький морской сундучок, а сделан из полированного тикового дерева, украшенного изумительной резьбой, с крышкой на скрепах.

– Конечно знаем! – важно ответил Том. – Отец собирается забрать прах деда оттуда, где Эболи его спрятал.

Дориан загорелся:

– А он разрешит нам поехать вместе с ним?

Том приподнял шапку и задумчиво почесал затылок.

Дориан настаивал:

– Ты ведь не боишься его спросить, а, Том?

Он прекрасно знал, что поддразнить Тома – лучший способ заставить его что-то сделать.

– Конечно нет! – возмутился Том.

Тем не менее ему пришлось собрать все свое мужество, прежде чем он решился снова подойти к отцовской каюте.

– Говорить буду я, – шепнул он Дориану и постучал в дверь.

– Войдите! – коротко откликнулся Хэл.

Увидев, кто явился, он сказал:

– А, это вы? Вот что, каким бы важным ни было ваше дело, ребята, у меня сейчас нет на него времени. Придется вам зайти попозже. Утром поговорим.

Братья, тиская в руках шапки, остались на месте; их лица сохраняли упрямое выражение. Том показал на полированный тиковый сундучок, стоявший теперь в середине каюты на полу:

– Мы с Дорианом знаем, что ты хочешь забрать останки деда Фрэнсиса этой ночью. Ты этот сундук специально взял для него из дома.

Хэл в это время чистил дуствольный пистолет, лежавший перед ним на столе, вынимая старые заряды, чтобы заменить свежими. Он оторвался от дела и всмотрелся в серьезные лица братьев. И наконец вздохнул.

– Поймали вы меня, – пробурчал он. – Отрицать нет смысла.

– Мы хотим пойти с тобой! – заявил Том.

Хэл изумленно посмотрел на него, но тут же снова перевел взгляд на пистолет и продолжил заряжать его. Он тщательно отмерил порох из пороховницы и, засыпав его в пистолет, крепко прижал шомполом. Потом занялся пыжом и пулей...

Пистолет работы лондонского мастера Джорджа Трулока выглядел великолепно. Рукоятку покрывали пластинки орехового дерева.

– Твоя рана еще не совсем зажила, Том, – сказал Хэл, не поднимая головы.

– С ней все в порядке! – возразил Том, проводя себя по боку ладонью. – Это и была-то просто царапина!

Хэл сделал вид, что с восхищением рассматривает затвор дуствольного пистолета. Его украшала золотая инкрустация, а восьмигранные стволы имели насечку. Это увеличивало скорость пули и позволяло прицеливаться более точно, чем из гладкоствольного оружия. И Хэл знал, что может попасть в цель размером в собственный ноготь с расстояния в двадцать шагов.

– Даже если и так, не думаю, что это хорошая идея, – сказал он наконец.

– Но он был нашим дедушкой! Мы – его семья! – настаивал Том. – И вообще это наш долг – быть там вместе с тобой.

Том заранее тщательно подбирал слова и даже мысленно порепетировал. «Семья» и «долг» – эти понятия являлись для Хэла святыми. И теперь он отреагировал именно так, как надеялся Том. Отложив в сторону заряженный пистолет, он встал и подошел к иллюминатору.

Какое-то время он стоял там, сложив руки за спиной и глядя на берег. Наконец заговорил:

– Возможно, ты и прав, Том. Ты уже достаточно взрослый и знаешь, как постоять за себя в схватке.

Он снова повернулся к братьям.

Том взволновался, его лицо сияло.

– Спасибо, отец.

Дориан весь напрягся от ожидания, он смотрел на губы отца, надеясь, что с них слетят нужные слова.

– Но ты – нет, Дориан. Ты еще слишком молод. – Хэл постарался смягчить удар улыбкой. – Мы пока что не хотим тебя терять.

Дориан как будто стал меньше от отказа. На его глазах выступили слезы. Том резко толкнул его и зашипел углом рта:

– Не реви! Не будь младенцем!

Дориан взял себя в руки и огромным усилием подавил слезы.

– Я не младенец. – Он выпрямился с гордым и трагическим видом.

«До чего же красивый мальчик», – подумал Хэл, глядя на сына.

Кожу Дориана позолотило тропическое солнце, на его локоны сквозь иллюминатор падал солнечный луч, и они поблескивали, как медные спиральные нити.

Хэла в который уже раз поразило сходство мальчика с матерью. Он почувствовал, как его решительность слабеет.

– Я не маленький! Дай мне шанс доказать это, отец, прошу!

– Хорошо. – Хэл не смог устоять, хотя и понимал, насколько это неразумно. – Ты можешь ехать с нами.

Лицо Дориана вспыхнуло радостью, и Хэл поспешил уточнить:

– Но только до берега. Будешь ждать нас там вместе с Элом Уилсоном и командой баркаса.

И он вскинул руку, предупреждая все возражения:

– Всё! Никаких споров! Том, иди к Большому Дэниелу и скажи, чтобы выдал тебе пистолет и абордажную саблю.

Они сели в баркас за час до захода солнца. Отряд, которому предстояла высадка на берег, насчитывал всего четыре человека: Хэл, Эболи, Дэниел Фишер и Том. У каждого имелась коробка с трутницей и потайной фонарь. Под темными просмоленными плащами они прятали абордажные сабли и пистолеты. Эболи к тому же привязал к поясу большой сложенный кожаный мешок.

Как только они спустились в лодку, Эл Уилсон отдал приказ работать веслами. Баркас рванулся к берегу. На его носу и корме стояли фальконеты – маленькие, но смертоносные ручные пушки, заряженные крупной картечью. На палубе между ногами гребцов лежали сабли и пики.

Все молчали; весла погружались в воду и взлетали в воздух бесшумно, лишь вода негромко плескала, стекая с их лопастей. Эл Уилсон обмотал их тряпьем.

Том и Дориан в тишине обменивались нервными улыбками: наконец-то настало время одного из приключений, о которых они мечтали и так много говорили в лихорадочном предвкушении.

Ханна Маакенберг лежала в рощице над берегом. Она провела здесь все дневные часы в течение последних трех дней, не сводя глаз с далекого силуэта «Серафима», стоявшего на якоре. Трижды она видела лодки, отходившие от английского корабля, и жадно всматривалась в них через длинную подзорную трубу, которую дал ей на время Ян Олифант. И каждый раз разочаровывалась, поняв, что Хэла Кортни на борту нет.

Наконец она уже начала впадать в уныние. Возможно, Аннеке была права. Возможно, он уже не сойдет на берег.

Ее собственный сын быстро терял интерес к охоте.

Первые два дня он не отходил от матери, наблюдая вместе с ней, но в конце концов утратил надежду и ушел со своими друзьями в кабак.

Но вот Ханна увидела силуэт баркаса, отошедшего от «Серафима»; он с трудом различался на фоне темнеющих волн.

Ханна не могла сдерживать волнения. Он двигался к берегу в темноте, как и в прошлый раз, чтобы никто не мог его узнать. Ханна не сводила с баркаса подзорную трубу. Она видела,

как нос лодки коснулся песка, и ее сердце сначала подпрыгнуло, а потом заколотилось как сумасшедшее. На западном горизонте остались лишь слабые следы света, когда высокая фигура шагнула из баркаса на белый песок; мужчина оглядел дюны и редкие кусты.

На какое-то мгновение его взгляд устремился прямо туда, где пряталась Ханна, и на его лицо при этом упал бледный свет, обрисовав черты.

Потом свет исчез, погас, и теперь даже через подзорную трубу стало невозможно рассмотреть лодку и команду.

– Это он! – выдохнула Ханна. – Я знала, что он явится!

Она напрягла глаза, высматривая маленький отряд. А моряки направились прямо в ее сторону.

Ханна сложила подзорную трубу и попятилась, чтобы спрятаться в яму между деревьями.

Мужчины шли молча, и наконец оказались так близко, что Ханна испугалась: неужели ее сейчас обнаружат?.. Но они, скрипя сапогами по песку, прошагали мимо, рядом, совсем рядом – Ханна могла бы протянуть руку и коснуться их ног...

Посмотрев вверх, она увидела лицо Хэла Кортни, освещенное последними лучами заката.

Мужчины исчезли в зарослях кустов, направляясь вглубь мыса.

Ханна выждала несколько минут, чтобы они наверняка не услышали шаги ее босых ног, а потом помчалась по тропинке к городу. Ее сердце громко пело: «На этот раз он попался! Я разбогатею! Такие денежки! Я разбогатею!...»

Они шли гуськом во главе с Эболи. Людей по дороге они не встретили, даже когда пересекали дорогу, что бежала вдоль подножия горы к Соленой реке и к разбросанным фермам Константы. Один раз путников почуяла какая-то собака и залилась истерическим лаем, когда они проходили мимо, но никто не отозвался на ее лай.

Склон горы становился все круче по мере того, как они продвигались по нему вперед. Кусты стали гуще, но Эболи как будто инстинктом находил узкие заячьи тропы и вел их выше и выше.

Дальше начался лес, и ветви скрыли звезды над их головами; Хэл с Большим Дэниелом начали то и дело спотыкаться. Том, обладавший острым молодым зрением, прекрасно видел и в темноте: он уверенно ставил ноги, шагая дальше. А Эболи и вовсе был лесным существом, он двигался впереди них бесшумно, как пантера.

Внезапно они вышли к голому каменному выступу над поселением колонистов.

– Здесь передохнем, – приказал Хэл.

Найдя местечко на одном из поросших лишайником камней, Том с изумлением увидел, как высоко они забрались.

Звезды, казавшиеся отсюда совсем близкими, проливали на землю серебристый свет, поражая своим бесконечным числом. И точки желтого света в окнах домов внизу казались чем-то ничтожным на фоне звездного величия.

Том глотнул воды из кожаной бутылки, протянутой ему Эболи. Никто не произносил ни слова. Но сама ночь не была безмолвной. Мелкие существа шуршали в лесу вокруг них, ночные птицы ухали и хрипло кричали.

Где-то внизу на склоне раздавался отвратительный хохот гиен, рывшихся в кучах отходов голландского поселения.

От этих звуков по спине Тома пробежал мороз, и ему пришлось взять себя в руки, подавляя желание придвинуться поближе к темной фигуре Эболи.

Вдруг в лицо Тому ударил порыв теплого ветра; посмотрев на небо, он увидел, что звезды быстро исчезают за тяжелым облаком, принесенным со стороны моря.

– Шторм надвигается, – проворчал Эболи.

И сразу новый порыв промчался по голому каменному выступу. Но в противоположность первому он нес такой ледяной холод, что Том содрогнулся и поплотнее натянул на себя плащ.

– Нужно поторопиться, – сказал Хэл. – Пока шторм нас не нагнал.

Все сразу встали, не добавив ни слова, и двинулись дальше в ночь, черную от грозовых облаков, шумящую теперь от сильного ветра. Ветви деревьев трещали и сгибались над головами путников.

Том, шедший теперь рядом с Эболи, начал сомневаться, что кто-то, пусть даже его чернокожий друг и наставник, может найти дорогу в такую ночь, сквозь такой мрак, через лес, к тайному месту, которое он в последний раз видел двадцать лет назад.

Наконец, когда уже казалось, что половина ночи осталась позади, Эболи остановился перед крутым склоном расколотой скалы, чья вершина терялась где-то высоко над ними, в темном небе.

Хэл и Большой Дэниел шумно дышали после подъема.

Эболи, самый старший из них, ничуть не задыхался, как и Том.

Присев на корточки, Эболи поставил фонарь на плоский камень перед собой.

Открыв заслонку фонаря, он стал высекать огонь. Дождь ярких искр брызнул от кремня, и фитиль лампы загорелся. Эболи поднялся и, высоко держа фонарь, пошел вдоль подножия утеса, направляя слабый луч на поросшие лишайником камни.

В стене утеса внезапно открылся узкий проход, и Эболи довольно хмыкнул. Он вошел в него – ширины едва хватило на то, чтобы пропустить его могучие плечи. Дальше трещина оказалась плотно затянутой выющимися растениями и висячими кустами. Эболи смахнул их саблей, потом опустился на колени в конце расщелины:

– Держи фонарь, Клебе...

Он протянул фонарь Тому. В луче фонаря Том увидел, что конец расщелины завален обломками скалы и валунами. Эболи голыми руками сдвинул один из камней и передал его назад, Дэниелу. Они работали молча, постепенно расчищая отверстие – вход в естественный туннель под скалой. Когда он открылся полностью, Эболи обернулся к Хэлу.

– Лучше будет, если только ты и Клебе войдете в место упокоения твоего отца, – негромко сказал он. – А мы с Дэниелом подождем здесь.

Сняв привязанный к поясу кожаный мешок, он передал его Хэлу, а потом наклонился, чтобы зажечь фитили других фонарей.

Закончив работу, он кивнул Дэниелу, и они оба отошли назад, предоставляя Хэлу и Тому самим завершить священный долг.

Отец и сын некоторое время стояли молча, прислушиваясь к вою штормового ветра, трепавшего их плащи. Свет фонарей бросал зловещие тени на каменные стены утеса.

– Идем, парень...

Хэлу пришлось опуститься на четвереньки, чтобы пробраться в темный зев туннеля. Том передал ему фонарь и двинулся следом.

Шум бури сразу утих за их спинами, а туннель внезапно вывел их в пещеру. Хэл выпрямился во весь рост, хотя потолок пещеры навис всего в нескольких дюймах над его головой.

Том встал рядом с ним и моргнул, оглядываясь. Они находились в склепе, где пахло пылью древности. Том был поражен религиозным благоговением; у него перехватило дыхание, руки слегка задрожали.

В дальнем конце пещеры имелась естественная каменная платформа.

На ней сидела на корточках человеческая фигура, глядя прямо на Тома пустыми глазницами черепа. Том инстинктивно отпрянул и подавил всхлип, рвавшийся из горла.

– Держись, парень!

Хэл взял Тома за руку. И шаг за шагом повел его к сидящей фигуре. Неверный свет фонаря открывал все больше деталей по мере того, как они подходили ближе.

Фигуру венчала голова – точнее, череп... Том знал, что голландцы обезглавили его деда, но Эболи, должно быть, вернул голову на плечи. Лоскуты сухой кожи все еще висели кое-где, словно мертвая кора на стволе дерева.

Длинные темные волосы спадали с черепа назад, причесанные и уложенные с любовью.

Том дрогнул, потому что пустые глаза деда как будто заглянули в самую глубину его души. Он снова попятился, но отцовская рука твердо удержала его и повела дальше.

– Он был хорошим человеком. Храбрым мужчиной с большим сердцем. Тебе незачем его бояться.

Тело было завернуто в звериные шкуры, в которых кожные клещи успели прогрызть множество дыр. Том знал, что палач четвертовал тело его деда, жестоко разрубив его на части на эшафоте. Но Эболи с нежностью собрал всё и связал полосами шкуры только что убитого буйвола. На полу перед каменной платформой виднелся след маленького ритуального костра – круг пепла и черных углей.

– Помолимся вместе, – тихо сказал Хэл и потянул Тома за руку.

Они опустились на колени на каменный пол пещеры.

– Отец наш небесный... – начал Хэл, и Том, сложив перед лицом ладони, стал повторять за ним.

Его голос звучал все увереннее, когда знакомые слова слетали с языка.

– Да будет воля Твоя на земле, как и на небесах...

Молясь, Том заметил странные предметы, лежавшие на каменном постаменте. Похоронные подношения, сообразил он. Их, должно быть, оставил здесь Эболи много лет назад, когда устраивал на покой тело сэра Фрэнсиса.

Там лежало деревянное распятие, украшенное раковинами морского ушка, и обкатанные водой камешки, мягко блестящие в свете фонаря. Еще там стояла примитивно вырезанная модель трехмачтового корабля, на борту которого виднелось имя – «Леви Эдвина», а еще деревянный лук и нож. Том понял: это символы того, что являлось главным в жизни его деда. Единый Бог, высокий корабль и оружие воина.

Эболи подобрал последние дары с любовью и пониманием.

Закончив молитву, отец и сын какое-то время молчали.

Наконец Хэл открыл глаза и вскинул голову. И тихо сказал, обращаясь к обернутому шкурами скелету на возвышении над ними:

– Отец, я пришел, чтобы забрать тебя домой, в Хай-Уилд.

Он положил на возвышение кожаный мешок.

– Держи открытым пошире, – велел он Тому.

Потом опустился на колени перед телом отца и поднял его на руки.

Оно оказалось на удивление легким.

Сухая кожа лопнула, небольшие клочки волос и обрывки кожи упали вниз. После стольких лет запаха разложения не осталось, лишь слегка пахло пылью и лишайниками.

Хэл опускал скрюченное тело в мешок, ногами вперед, пока на виду не остался только пустой древний череп. Хэл помедлил. И, легко касаясь, погладил длинные пряди поседевших волос.

Увидев этот жест, Том был потрясен уважением и нежностью, которые тот продемонстрировал.

– Ты его любил, – сказал он.

Хэл посмотрел на сына:

– Если бы ты его знал, ты бы тоже его полюбил.

– Я знаю, как я люблю тебя, – откликнулся Том. – Так что могу догадаться.

Хэл одной рукой обнял сына за плечи и на мгновение крепко прижал к себе.

– Моли Бога о том, чтобы тебе никогда не пришлось исполнять такой же тягостный долг для меня, – сказал он и, опустив голову сэра Фрэнсиса Кортни в мешок, крепко затянул шнур. И встал. – Теперь нужно идти, Том, пока шторм не набрал полную силу.

Подняв мешок, он осторожно повесил его на плечо и вернулся к выходу из пещеры.

Эболи ждал их снаружи. Он протянул руку, чтобы избавить Хэла от ноши, но Хэл покачал головой:

– Я сам понесу его, Эболи. А ты веди нас.

Спуск оказался намного тяжелее, чем подъем. В темноте под реющим ветром ничего не стоило потерять тропу и сорваться в пропасть или наступить на каменистую осыпь и сломать ногу. Однако Эболи уверенно вел их сквозь ночь.

Наконец Том почувствовал, что спуск стал более плавным, а камни и галька под ногами уступили место плотной земле, а затем и хрустящему береговому песку.

Яркая голубоватая молния зигзагом прорезала тучи, и на мгновение ночь превратилась в сияющий полдень.

В это мгновение впереди взору открылся залив, бьющаяся о берег вода, вспученная волнами и пеной. Потом тьма опять сомкнулась вокруг них, и раздался удар грома, от которого едва не лопнули их барабанные перепонки.

– Баркас на месте! – с облегчением прокричал Хэл сквозь шум ветра.

Мгновенно вспыхнувшая в свете молнии картина лодки отпечаталась в его голове.

– Зови их, Эболи!

– Эгей, «Серафим»! – проревел Эболи.

Сквозь шторм до них донесся ответ:

– Эгей!

Это был голос Эла Уилсона, и они поспешили по дюнам в его сторону.

Ноша Хэла, казавшаяся такой легкой в начале спуска, теперь стигала его, но он отказывался ее отдать.

Они добрались до конца дюн плотной группой. Эболи поднял заслонку фонаря и направил желтоватый луч вперед.

И тут же закричал:

– Опасность!

Он увидел, что их окружают темные фигуры людей или зверей – ночь мешала разобрать точнее.

Эболи снова отчаянно крикнул спутникам:

– Защищайтесь!

Распахнув плащи, они выхватили клинки и сразу инстинктивно встали в круг, спина к спине, лицом к неведомому врагу.

Тут над ними, расколов тучи, снова вспыхнул ослепительный зигзаг молнии, заливший светом берег и бушующие воды. И тогда четверо рассмотрели фалангу угрожающих фигур, надвигавшихся на них. Молния осветила обнаженные клинки в их руках, дубинки и пики и на долю мгновения – лица.

Все они были готтентотами, среди них не оказалось ни одного голландского лица.

Том на мгновение ощутил суеверный страх, когда увидел приближавшегося к нему человека. Тот был страшен, как ночной кошмар. Длинные пряди черных волос извивались на ветру, как змеи, окружая жуткое лицо, пересеченное шрамами, с изуродованным носом и губами, перекошенное, деформированное, пускающее слюну из фиолетовых губ... глаза существа горели яростью, когда оно бросилось на Тома.

Тьма уже снова навалилась на них, и все же Том видел саблю, занесенную над его головой, и предупредил удар, отпрыгнув в сторону и поднырнув под саблю. Он слышал, как клинок просвистел рядом с его ухом, услышал хрип противника, вложившего в удар всю силу.

Все уроки Эболи разом дали себя знать. Том, ориентируясь на звук дыхания напавшего, нанес ответный удар и почувствовал, как его клинок погрузился в живую плоть... он никогда ничего подобного не испытывал прежде, и это его ошеломило. Его жертва закричала от боли, а Тома охватила дикарская радость. Он чуть отступил и сменил позицию, двигаясь стремительно, как кошка, а затем снова вслепую нанес удар. И опять почувствовал, что не промахнулся: сталь влажно скользнула в плоть и ударилась острием о кость.

Мужчина взвыл – а Тома впервые в жизни обуяла обжигающая страсть битвы.

При вспышке следующей молнии Том увидел, как его жертва отступила назад, уронив саблю на песок.

Мужчина схватился за свое изуродованное лицо. Его щека оказалась рассечена до кости, а кровь в синем свете выглядела черной, как смола, она лилась на подбородок и падала на грудь урода...

Той же вспышки Тому хватило, чтобы увидеть: его отец и Эболи уже расправились со своими противниками – один из готтентотов судорожно дергался на песке, другой сжался в комок, обеими руками зажимая рану и широко разинув рот в крике.

А Большой Дэниел был еще занят – он сражался с высокой жилистой фигурой, обнаженной до пояса, с черным телом и блестящей, как у змеи, кожей. Но остальные нападавшие отступали, напуганные яростью небольшого отряда. Тьма поглотила их, как будто за ними захлопнулась дверь.

Том почувствовал пальцы Эболи на своей руке и услышал его голос у своего уха:

– Отходим к лодке, Клебе. Держимся вместе.

Они побежали по мягкому песку, натыкаясь друг на друга.

– Том здесь? – В голосе Хэла слышалось беспокойство.

– Здесь, отец!

– Слава богу! Дэнни?

Видимо, Большой Дэниел успел убить того человека, потому что его голос прозвучал близко и отчетливо:

– Здесь!

– Эй, «Серафим»! – во все горло выкрикнул Хэл. – Отходим!

– Я «Серафим»!

На приказ откликнулся голос Эла Уилсона.

Еще одна молния осветила всю картину. Четверка находилась еще в сотне шагов от баркаса, лежавшего у самых бурных волн. Восемь матросов во главе с Элом бежали навстречу с пиками, абордажными саблями и топорами. Но банда готтентотов снова сбилась вместе и, как охотничьи псы, гналась за моряками.

Том оглянулся через плечо и увидел, что раненный им человек поднялся и бежит во главе бандитов. Хотя его лицо сплошь заливала кровь, он размахивал саблей и издавал боевой клич на незнакомом языке. Он заметил Тома и несясь напрямиком на него.

Том попытался подсчитать нападавших. Возможно, девять или десять... Но темнота спрятала их раньше, чем он смог толком это понять.

Его отец и Эболи перекрикивались, поддерживая связь, и теперь две группы сошлись. Хэл тут же закричал:

– Схватка в ряд!

Даже в ночной тьме они легко выполнили маневр, который так часто отрабатывали на борту «Серафима».

Плечом к плечу они встали навстречу атаке, подобной бурной волне. Сталь гремела о сталь, крики и проклятия сражающихся мужчин заглушали даже рев бури.

А потом вспыхнула новая молния.

Ханна подобралась к краю рощи с пятнадцатью мужчинами. Ночь показалась им слишком долгой, ярость шторма ослабила их храбрость, и еще их одолела скука ожидания. Потом их поднял на ноги шум битвы. Они схватили оружие и теперь выбежали из-за деревьев.

При свете молнии они увидели схватку, происходившую у самого края воды, где стояла пустая лодка. При той же вспышке Ханна отчетливо увидела Генри Кортни.

Он бился в первом ряду, лицом к ней; его сабля высоко взлетела и обрушилась на голову одного из готтентотов.

– Это он! – завизжала Ханна. – Это он! Десять тысяч гульденов! Вперед, ребята!

Она взмахнула вилами, которыми вооружилась, и бросилась через дюны. Мужчин, еще топтавшихся у края рощи, воодушевил ее пример.

И теперь все они бежали за ней – воющая и визжащая толпа.

Дориан остался в баркасе один. Он заснул, свернувшись клубком на палубе, и спал, когда началась битва, но теперь проснулся и, пробравшись на нос, опустил на колени рядом с фальконетом.

Он еще плохо видел спросонок, но когда молния осветила берег, увидел, что на Тома и его отца насаждают враги, а через дюны к ним спешит новая угроза.

Во время боевых тренировок на «Серафиме» Эболи показывал Тому, как поворачивать и нацеливать фальконет на его шарнирах и как стрелять из него. Дориан с жадной завистью наблюдал за их действиями и умолял дать и ему попробовать. Но, как всегда, слышал раздражающий ответ:

– Ты еще слишком молод. Подрасти сначала.

И вот теперь Дориан получил тот шанс, в котором ему отказывали, а Том и отец нуждались в нем. Мальчик потянулся к тлеющему фитилю, воткнутому в ведро с песком под орудием. Эл Уилсон поджег его и расположил под рукой на случай необходимости. Дориан взял фитиль, развернул длинное дуло фальконета в сторону визга и крика той толпы, что спешила через дюны. Посмотрел вверх ствола, но ничего не увидел в темноте.

Тут прямо над головами загрохотал гром, и берег снова осветила молния. Теперь прямо под прицелом пушки Дориан увидел их – толпу вела какая-то сказочная ведьма, жуткая женщина, размахивавшая вилами, с длинными седыми волосами. Ее лицо, уродливое от старости и разгульной жизни, могло напугать кого угодно.

Дориан сунул фитиль в запал фальконета. Из ствола вылетело двадцать футов пламени и целое ведро картечи, размером с человеческий глаз. И все это полетело к берегу. Расстояние как раз подходило для того, чтобы заряд разлетелся должным образом.

Ханна первой попала под удар: с десяток свинцовых шаров разбили вдребезги ее грудь, а один ударил ее точно в середину лба, снеся половину черепа, как яичную скорлупу. Ханну отбросило назад, и она рухнула спиной на белый песок – вместе с полудюжиной бойцов своего отряда. Остальные потрясенно остановились, не сразу поняв, почему на них напал воздух. Трое из устоявших на ногах взвыли от ужаса и метнулись назад, под защиту рощи. Остальные растерянно топтались на месте, кто-то спотыкался об убитых, кто-то истекал кровью из ран, и они просто не понимали, в какую сторону нужно бежать.

А горящий пыж из фальконета унесло ветром к куче сухого плавника в верхней части берега.

Огонь быстро охватил дерево и, раздуваемый ветром, ярко разгорелся, разбрасывая голубые искры из-за пропитавшей дерево соли, освещая берег мигающим светом.

Сражение шло с переменным успехом. Хотя количество врагов заметно уменьшилось, они все еще численно превосходили моряков.

Хэл сражался сразу с тремя; они кружили возле него, как стая гиен, пытающихся одолеть черногрового льва. А он дрался за свою жизнь и не мог даже оглянуться на сына.

Яна Олифанта переполняла жажда мести за удар, рассекший его щеку, и он кидался на Тома, ругаясь и крича от ярости, отчаянно работая саблей. Том слегка попятился перед ним: могучий готтентот превосходил его ростом, силой и длиной рук. В эти судьбоносные секунды Том остался один: он не мог рассчитывать на помощь Эболи, Дэниела или даже отца. И ему предстояло или полностью проявить себя в мужской силе, или погибнуть на этом уже пропитанном кровью песке.

Да, Том боялся, но страх не лишил его мужества.

Скорее, он придал силы его руке. Том обнаружил в себе нечто такое, чего и сам не знал до этого момента.

Он совершенно естественно вошел в ритм боя, с той грацией, которой был обязан бесконечным урокам Эболи. И теперь, когда горящий плавник освещал берег, Том почувствовал, как растет его уверенность.

Он хорошо ощущал клинок в своей руке. И хотя он быстро понял, что урод, напавший на него, совсем не мастер боя, все же его напор казался безумным и неодолимым, как оползень.

Том не совершил ошибки и не стал пытаться отвечать. Вместо этого он, предугадывая каждый удар, отражал его вовремя. Ян Олифант откровенно показывал пылающим взглядом, куда именно он намерен ударить, как собирается переставить ноги и каким образом открыть плечи.

Когда его сабля со свистом летела к голове Тома, Том просто отбивал ее вбок своим клинком, не пытаясь остановить, а лишь слегка меняя направление удара, и та пролетала в стороне. Каждый раз, когда Том это проделывал, Ян Олифант бесился еще сильнее, и наконец ярость просто переполнила его. Он высоко занес над головой саблю, держа ее обеими руками, и ринулся на Тома, ревя, как взбесившийся бык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.